В. О. Ключевский.

ИСТОРИЯ СОСЛОВИЙ В РОССИИ.

Курс, читанный в Московском Университете в 1886 году.

Издание третье.

Литературно-Издательский Отдел
Комиссариата Народного Просвещения
Петроград 1918.

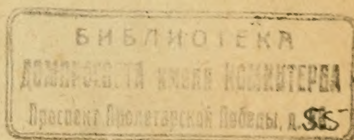

В. О. Ключевский.

ИСТОРИЯ СОСЛОВИЙ В РОССИИ.

Курс, читанный в Московском Университете в 1886 году.

Издание третье.

**Литературно-Издательский Отдел
Комиссариата Народного Просвещения
Петроград. 1918.**

Издаваемый ныне курс „Истории Сословий в России“ был прочитан проф. В. О. Ключевским в Московском Университете в осеннем полугодии 1886 г. Эта работа по своей теме тесно примыкает к той области, которой усиленно посвящена была деятельность Василия Осиповича в те годы — начиная с „Боярской Думы“ и кончая достопамятной статьей „Происхождение крепостного права в России (1885), а также статьей „Подушная подать и отмена холопства в России“. Последняя статья шла в *Русской Мысли* даже одновременно с чтением курса (сентябрь и октябрь 1886 г.). Кроме того, и в других специальных курсах того времени, читавшихся им на III и IV курсах историко-филологического факультета, истории русского сословного строя всегда посвящалось много места („Терминология Русской Истории“, особый курс В. О. Ключевского, также предназначенный к изданию). Этому же *общему* историческому обзору русского сословного строя единственный раз прочитанному В. О. Ключевским, сам автор, отмечая полное отсутствие в русской исторической литературе общих сочинений по истории сословий, придавал такое назначение: „своим курсом я хотел бы не-

сколько восполнить этот пробел, представив короткий и сжатый, более конспективный, очерк истории сословий в России в их взаимных отношениях до той эпохи, когда они получили свой окончательный склад" (см. стр. 31—32 настоящего издания). Но и теперь, спустя более нежели четверть века, повидимому, не утратилось еще это значение издаваемого ныне курса. Однако, Василий Осипович, за недостатком времени, не успел довести изложение до заранее намеченнаго им предела (издания жалованных грамот 1785 г.); доведя его только до конца царствования Петра I, он лишь схематически наметил остальной процесс развития русского сословного строя с эпохи Петра. Существенной особенностью курса „Истории Сословий" по сравнению с другими работами Василия Осиповича в этой области является изложение некоторых общих положений, — так сказать, исторических законов, коим вообще подчинялась эволюция сословного строя как в России, так и в западно-европейских государствах, начиная с самого возникновения сословного деления до полного уравнения и уничтожения сословий. Этому любопытному учению посвящены первые три лекция, представляющие собою введение в курс.

Курс читался в виде двухчасовой лекции раз в неделю, по средам от 12 до 2 часов дня. Чтение лекций началось с 3 сентября 1886 г. и продолжалось вплоть до декабря. Курс этот был *необязательный*: он не предназначался для какого-либо факультета или курса, по нему не было никаких экзаменов или репетиций. Несмотря на это, с самой же первой лекции чтения происходили в Большой Словесной аудито-

рии—самой просторной в тогдашнем Новом Здании университета, в которой обычно В. О. Ключевский читал свои общие курсы, и это назначение аудитории оказалось вполне удачным: хотя курс был и необязательный, и специальный, аудитория все же оказалась переполненной, и на всех последующих лекциях, прочитанных в той же аудитории, степень заполнения последней не отличалась от той, которая являлась обычной для лекций Василия Осиповича по общим курсам.

В это полугодие В. О. Ключевский не читал общего курса вовсе, объявив вместо него курс Истории Сословий. Как он сам рассказывал пишущему эти строки, произошло это таким образом. До 1885—86 академического года Василий Осипович читал общий курс Русской Истории в течение двух академических лет, при двухчасовой лекции в неделю, причем один год читалась Древняя Русская История, а другой—Новая; обязательными слушателями были студенты I или II курса историко-филологического факультета и I курса юридического. Но с 1885 года, с введением нового университетского устава 1884 года, последовали перемены и в учебных планах. Прежде всего слушание Русской Истории было признано ненужным для юристов, и курс Новой Русской Истории, читанный Василием Осиповичем в 1885—86 академич, году был обязателен уже только для студентов исторической группы историко-филологического факультета. Хотя аудитория В. О. Ключевского от этой причины нисколько не сделалась малолюднее и юристы записывались на его лекции по-прежнему, и даже были слушатели и с других факультетов, но все это были

слушатели уже вполне добровольные. Кроме того, с 1885 года в учебные факультетские планы внесена была еще и другая перемена: именно, чтение общего курса Русской Истории было распределено не на два академических года, как прежде, а на два полугодия, причем начинать курс было назначено съ января месяца 1887 г. В результате этого весь свой общий курс Василий Осипович прочитал в течение одного 1887 года, второе же полугодие 1886 г. у него осталось свободным от чтения общего курса. Этот досуг и послужил для него поводом объявить и прочитать издаваемый ныне курс Истории Сословий в России, изданный мною в 1886—1887 гг. в литографии. Кроме того, два часа в неделю он посвятил занятиям со студентами IV курса по объяснению Русской и Псковской Правды.

Пишущий эти строки вместе со своими сверстниками находились на III курсе (в исторической группе), а по старым учебным планам В. О. Ключевский в прежние годы студентам III и IV курсов читал обыкновенно какой-нибудь специальный курс по Русской Истории. Естественно поэтому, что и объявленный им специальный курс по Истории Сословий, несмотря на его необязательность, мы признали для себя нравственно обязательным, и многие из нас чувствовали к нему живейший интерес. Наша историческая группа записалась на него в полном своем составе, кроме того было известно, что и множество юристов, в особенности I и II курсов, также на него записались. Накануне начала чтения лекций однокурсники пожелали издания курса в литографии, и мне, как уже издавшему ранее курс Новой

Русской Истории, поручили издать и этот курс и войти в переговоры об этом с профессором, что я и исполнил в тот же день. Василий Осипович прежде всего выразил недоумение, есть ли материальная возможность издавать необязательный курс, так как в то время среди студентов не бывало еще случая, чтобы литографировались лекции по предметам, по коим не предполагалось экзаменов. Но он, повидимому, не знал еще о значительности количества слушателей, записавшихся на его необязательный курс. Я поспешил его уверить, что с этой стороны издание курса не вызывает для нас никаких сомнений и боязни риска, что для нас вопрос не в этом, а лишь въ том, во-первыхъ, чтобы получить его согласие на издание, а во-вторых, в том, чтобы он не отказал в просмотре наших записей прежде их литографирования. Редакция нам нужна была в особенности потому, что, в виду новости курса, мы не могли бы пользоваться коррективом изданий прежних лет. При этом я предуведомил его, что издание предназначается исключительно для слушателей курса, а отнюдь не для публики извне, и что если бы кто-либо из посторонних, при наличности свободных экземпляров, пожелал бы иметь курс, то такое желание было бы исполнено в каждом отдельном случае лишь с ведома и согласия автора. Василий Осипович согласился.

Я записывал лекции в сотрудничестве со студентами-однокурсниками А. А. Кизеветтером и В. Н. Сторожевым. Чрез два дня я окончил составление по записям двух первых лекций, прочитанных 3 сентября, и 6 сентября понес рукопись к профессору на

проверку. Я и раньше знал о его необыкновенной тщательности по редактированию даже общего курса, несмотря на то, что последний читался неоднократно; та же степень внимательности, которую он проявил при редактировании данного специальнаго курса, превзошла все мои ожидания. Нужно заметить, что записывание его лекций не представляло особых трудностей: он читал небыстро и с обычной отчетливостью и внятностью, так что лекция воспроизводилась по трем записям со стенографической точностью, слова неразобранные или пропущенные были большой редкостью и сомнения при составлении лекций были иногда лишь в грамматическом числе того или другого употребленного имени существительного. Редактирование он организовал следующим образом. Обыкновенно раз в неделю, дня через два или три после прочтения лекций, как только я успевал ее воспроизвести по записям, я являлся к Василию Осиповичу на дом часов в 5—6 вечера, и за письменным столом читал составленную лекцию: Василий Осипович слушал и делал исправления замены текста и диктовал новые вставки, обыкновенно расхаживая из угла в угол по кабинету, иногда сидя на диване, на другом конце кабинета, иногда же лежа, когда был утомлен или не совсем здоров. Работа продолжалась часа три, четыре: иногда я уходил от него часов в 11—12 ночи. В общем редактирование курса для литографии заняло у В. О. Ключевского гораздо более времени, чем самое чтение этого курса в университете. С первых же дней я убедился, что работа Василия Осиповича по редактированию Истории Сословий вовсе не была беглым просмотром студенче-

ских записей, с целью исправления ошибок и вставки нерасслышанных или исправления перевранных слов, как это делало большинство профессоров, удостоивавших просматривать записи своих издателей: это было не только редактирование, но и научная и литературная переработка, а нередко и замена совершенно новым изложением тех или иных мест изустно прочитанного курса, в особенности тех мест, которые касаются наиболее решительных моментов в историческом ходе сословного строя. Невольно получалась уверенность, что едва ли многие писатели, готовя произведение даже для большой публики, относились к своей работе с такой крайней степенью внимательности и аккуратности до самых последних мелочей (как напр. „новых строк“, правописания некоторых слов и знаков препинания), как это делал Василий Осипович для издания, предназначавшегося въ сущности для очень ограниченнаго круга читателей. И чувствовалось, что это не было проявлением только преподавательской добросовестности: становилось ясно, что это лишь обычный методъ работы великого ученого, великого мастера слова и мысли, применяемый им в своей ученой и литературной деятельности независимо от того, велик или мал круг его читателей и даже заслуживают ли они того, чтобы так для них трудиться. Сознавая, что мы, хотя и ученики его, все же не имеем права отнимать у него так много досуга, я неоднократно от имени своего и товарищей извинялся за то, совершенно для нас неожиданное, обремененіе, которое мы причиняли Василию Осиповичу своей просьбой проредактировать курс Истории Сословий.

Все исправления и перемены, по его указанию, я делал карандашем, так как, после нескольких перечитываний, многие места и выражения неоднократно стирались и заменялись другими. В результате прочитанное с кафедры стало во многих местах значительно разниться от изданного в литографии. Многие изменения, очевидно, вызывались стремлением В. О. Ключеского передать своим слушателям положения своего предмета в форме, наиболее доступной для усвоения и понимания; он, как видно из одного упоминания в курсе (стр. 135), знал, что его аудитория в значительном числе состоит из юристов, еще начинающих, и из филологов, пониманию которых юридические нормы, за отсутствием специальной подготовки, не могут даваться вполне легко. Случалось, что большую часть лекции он откидывал и диктовал мне вместо нее совершенно другое изложение, где сведения располагались уже по иному плану и в ином порядке. В виде приложения я передаю сопоставление текста прочитанного с измененным им для издания в тех местах курса, где в сохранившейся у меня рукописи есть возможность восстановить прочитанное. Это сопоставление, как мне кажется, не лишено интереса: давая новый „материал для изучения процесса научного творчества Ключевского, для обрисовки той настойчивой и необычайно тонкой аналитической работы, которая непрерывно велась им по исследованию юридических институтов нашей древности“ *), оно, это сопоставление, в то же время дает нам поучительный

*) „Опыты и Изслѣдования“. Прилож., стр. I. А. Ю.

пример того, как объективно относился профессор к своей, в сущности превосходной, изустной импровизации, без авторского сожаления предпочитая заменять в рукописи это изустное изложение тем, которое он, по тщательном размышлении, находил более научным и более пригодным для понимания своих читателей. Нам, слышавшим его живую речь и читавшим ее потом в литографии, на первых порах трудно было отрешиться от некоторого чувства сожаления по поводу этих изменений; записывая лекцию, боясь проронить слово в дорогой нам речи, мы потом неособенно были довольны тем, что многое при редактировании В. О. Ключевский вычеркнул сам.

Последствием изложенной тщательной проверки и переработки курса было то, что, занимаясь с Василием Осиповичем раз в неделю, мы стали сильно отставать от прочитанных лекций, вследствие чего он стал чаще приглашать меня к себе для работы, и в конце осени я уже ходил к нему два и три раза в неделю. Кроме того курс к декабрю он дочитать не успел и объявил слушателям, что остальное продиктует для литографии. В конце концов редактирование и диктование недочитанного продолжалось весь январь 1887 г. и литографированное издание закончено было уже в половине февраля. Не могу не упомянуть при этом об одном случае, свидетельствующем с какой трогательной для нас внимательностью относился В. О. Ключевский к интересам своей аудитории: 9 февраля 1887 г. он страдал сильной зубной болью, которая заставляла его даже стонать. Видя, что ему не в моготу, я предложил отложить редактирование до другого раза: он, од-

нако же, категорически воспротивился и довел до конца обычную порцию работы. В другой раз он страдал столь сильной головной болью, что едва мог говорить и то-и-дело вдыхал нашатырный спирт, и тоже не отменил назначенной работы. Наконец случалось, что во время работы приходил кто-либо из близких ему профессоров и знакомых, и он им отказывал в приеме, несмотря на то, что провести время с ними было бы ему гораздо приятнее, чем со своим студентом-издателем, так часто докучавшим ему своими визитами.

Литографированный курс был издан в 200 экз., состоял из 196 страниц обычного для лекций формата *in quārto*, весь переписан одной рукой и снабжен на первой странице цветной виньеткой с заголовком: „История Сословий в России. Лекции орд. проф. В. О. Ключевского. I семестр 1886—7“. Из сохранившегося списка подписчиков видно, что главный их контингент составляли юристы, преимущественно первого курса; некоторые из них в настоящее время занимают видные места в административной и в судебной магистратуре. Издание быстро разошлось в том же 1887 году, а в начале девяностых годов уже сделалось большой библиографической редкостью. Даже я сам, издатель, не имею полного экземпляра; за то, к счастью, сохранил подлинную рукопись с собственноручными отметками Василия Осиповича. При всей исправности переписчика, в литографированное издание вкрались, однако же, некоторые ошибки, которые в настоящем издании все исправлены путем тщательной сверки с подлинной рукописью.

Из изложенного видно, что издаваемый ныне текст—безусловно авторизованный. Как справедливо было сказано в одной газетной заметке в первые дни по кончине В. О. Ключевского, „История сословий в России“ представляет собою работу, вполне готовую к печати. Курс этот впоследствии им никогда более повторяем не был.

Ссылок на источники и материалы в данном курсе, как и в общем Курсе Русской Истории, очень мало, так как В. О. Ключевский, даже и в специальных своих сочинениях, не любил загромождать свое изложение слишком обширными подстраничными сносками. Но в данном курсе это отсутствие ссылок и сносок объясняется еще и особым обстоятельством: весь обширный и наиболее интересный московский период истории русского сословнаго строя основан Василием Осиповичем главным образом на его огромной собственной архивной эрудиции, непосредственном изучении огромного архивного материала XVII столетия, по преимуществу сосредоточенного в Московском Архиве Министерства Юстиции,—того самого материала, по поводу работ над которым он так скромно выразился в одном своем специальном курсе, говоря о приказных канцеляриях XVII века; „вот из таких-то мастерских и вышел тот громадный письменный материал, около которого мы до сих пор ходим, только в некоторых пунктах успев проникнуть вглубь его“ *). Пишущему эти строки по обязанностям службы пришлось

*) Терминология Русской Истории, курс, читанный въ 1884—5 академическом году.

около шести лет поработать в этом самом хранилище и с головой окунуться в это безбрежное море архивного материала Московского государства. И только при таких обстоятельствах начинаешь понимать необыкновенную эрудицію и изумительную трудоспособность покойного учителя, сумевшего так превосходно овладеть этим громадным материалом и лишь так скромно оценившего свою собственную работу. Когда приходилось прочитывать и просматривать массами документы Разрядного и Поместного Приказов, в коих сосредоточены были основные нити политической и экономической жизни Московского государства, на каждом шагу невольно вспоминались положения, высказанные В. О. Ключевским в „Истории Сословий“; иногда приходило невольно на мысль „уж не эту ли самую бумагу он читал?“ А таких бумаг там сотни тысяч. Могу указать на такой пример. Говоря в курсе о передовом ряде провинціальных дворян—о дворянах „из выбору“, он замечает, что они „кроме дальних походов очередными партиями призывались в Москву дли исправления разных придворных обязанностей“ (стр. 146). Мне пришлось по столбцам Поместного Приказа, по городу Можайску, проследить сохранившиеся сведедения о жизни можайскаго помещика первой половины XVII века Ивана большого Петровича Савелова, который, постригшись впоследствии в монашество под именем Іоакима, сделался с 1674 г. московским патріархом *). Этот Иван Петрович в 1640-х годах был „выборным“ дворянином по Можайскому

*) Материалы по исторіи рода Савеловых. М. 1894.

уезду и одновременно служил дворцовым сытником и Кормового Дворца подключником, в точности подтверждая беглое замечание В. О. Ключевского о дворцовой службе „выборных“ дворян. А между тем я могу удостоверить, что Василий Осипович можайскими поместными столбцами не занимался и мог сделать такое обобщение лишь вследствие ряда наблюдений, извлеченных из массы других архивных материалов. Такой, хотя и мелкий, эпизод свидетельствует, однако же, о крупном труде над источниками, только незаметном для поверхностного наблюдателя, благодаря скромности ученого, всего менее думавшего о своих собственных заслугах.

Рукопись издаваемого ныне труда В. О. Ключевского, как и все прочие оставшиеся после него рукописи, находится до времени в частных руках впредь до передачи в подходящее общественное хранилище.

А. Юшков.

Марта 1913 г.

Лекция I.

Предмет курса. — Понятие о сословии. — Что такое сословные права? — Отличие сословнаго права от привилегии и служебного полномочия. — Разделение сословных прав на политические и гражданские. — Сравнительное значение тех и других для сословий. — Разделение сословных обязанностей на личные и вещественные, на прямые и косвенные.

Предмет курса.

Предмет предпринимаемого мною курса—краткий обзор истории сословий в России до издания сословных жалованных грамот Императрицы Екатерины 1785 года. Я выбираю эти законодательные акты Екатерины конечным пределом своего курса потому, что ими завершилось образование русских сословий, начатки которого кроются в самом возникновении древне-русскаго Московского Государства; со времени издания названных жалованных грамот сословный строй русского общества, ими закрепленный, в иных частях только подновлялся, а в других даже разрушался. Чтобы объяснить программу и цель курса, я изложу несколько предварительных общих замечаний о круге и свойстве тех исторических явлений, на которые будет обращено наше изучение.

Понятие о сословии.

Сословие (ordo или status, франц. état, нем. Stand)— термин государственного права и обозначает известный ряд политических учреждений. Сословиями мы называем классы, на которые делится общество по правам и обязанностям.

Права дает либо утверждает, а обязанности возлагает государственная верховная власть, выражающая свою волю в законе; итак, сословное деление—существенно *юридическое*, устанавливается законом в отличие от других общественных делений, устанавливаемых условиями экономическими,- умственными и нравственными, не говоря о физических. Существенным и наиболее осязательным признаком сословного деления служит *различие прав, а не обязанностей*. Довольно простого анализа обоих этих понятий, чтобы видеть, что когда речь идет о сословном различии обязанностей, то при этом разумеется собственно различие прав: обладая различными правами, классы общества могут нести одинаковые государственные обязанности; но если на них положены неодинаковыя обязанности, то они не могут обладать равными правами. Отсутствие у одного класса прав, которыми обладают другие, не увеличивает количества его обязанностей; напротив, свобода одного класса от обязанности, падающей на другие, дает ему лишнее, хотя и отрицательное право в сравнении с другими. Притом государственные обязанности отличаются неодинаковой тяжестью, и, если они разделены между классами, а не падают все одинаково на всех, то их удельный вес дает преимущество менее обремененным классам, позволяя им в потоке юридических отношений держаться выше других. Короче, сословным неравенством прав не обусловливается неравенство обязанностей, но неодинаковые обязанности всегда обусловливают неравенство прав. Значит, обязанность есть случайный признак сословного деления; это объясняется юридическим свойством государственной обязанности: цель государственного союза—защита законно приобретенных прав, государственные обязанности—только средства для этой защиты.

Что такое сословные права?

Что такое *сословное право*? Это есть всякое преимущество, даваемое законом целому классу общества в постоянное обладание. Состав такого класса определяется кругом лиц, удовлетворяющих условиям, в зависимости от которых закон ставит приобретение и сохранение известных преимуществ. Тем признаком, что преимущество дается целому классу общим законом, сословное право отличается от преимущества, даваемого по особому пожалованию отдельному лицу или фамилии.

Отличие сословного права от привилегии.

Такое преимущество называется *привилегией*. По Уложению 1649 г. из высшего купечества в Московском Государстве выделялась фамилия солеваров Строгоновых, носивших особое звание „именитых людей“; по городовой жалованной грамоте 1785 г. звание „именитых граждан“ давалось между прочим всем оптовым торговцам и таким капиталистам, которые объявляли за собою не меньше 50.000 р. капитала. Преимущества Строгоновых были фамильной привилегией, преимущества „именитых граждан“—сословные права.

Отличие сословного права от служебного полномочия.

Тот признак сословного преимущества, что оно дается сословию в постоянное обладание, составляет его отличие от *служебного полномочия*. В составе всякого государственного общества резко выделяется своим положением обыкновенно очень значительная масса лиц, служащих орудиями государственного управления и суда; каждое из этих лиц по своей должности обладает известной долей власти, известными правами, каких не имеют лица, не состоящие на государственной службе. Но эти должностные права существенно отличаются от сословных. Во-первых, должностные права чрезвычайно не равномерны: с каждою должностью связана особая степень власти, тогда как сословные права одинаковы для всех лиц сословия. Во-вторых, служебные права суть вместе и обязанности, которыми должностное

1*

лицо не может не пользоваться, пока занимает должность, тогда как сословным правом можно не пользоваться, не выходя из сословия. В третьих, должностные полномочия даются каждому лицу особо и не могут переходить по наследству, тогда как сословные права по существу своему суть потомственные преимущества и даются всему сословию без различия первых приобретателей и их прямых наследников. В обществах феодальных некоторые правительственные должности составляли наследственную собственность известных аристократических фамилий; тогда они имели значение фамильных привилегий, но не получали характера сословных прав. В сословных государствах сверх служебных полномочий, связанных с должностями, должностные лица обыкновенно получают еще права, которые не только не отнимаются у них при отставке, но и переходят к их потомкам. Эти права или одинаковы с правами других сословий, или составляют особые преимущества: в первом случае чиновничество разбивается по другим сословиям, во втором—составляет особое сословие. Так, по нашим законам, чиновник, дослужившийся до чина дѣйствительного статского советника, или военный, дослужившийся до чина полковника, становится потомственным дворянином, а лицо, получившее на гражданской или военной службе чин IX класса или обер-офицера, получает звание личного дворянина.

Итак, сословное право по общему закону, как своему источнику, отличается от привилегии, а по потомственности, как существенному свойству своего характера, от служебного полномочия. Последнему положению, повидимому, противоречит один класс в составе русского общества, который носит в Своде Законов сейчас упомянутое название личных дворян [1]: по нашим законам, личное дворянство не

---

[1]) Св. Зак. по изд. 1857 г., т. IX, ст. 52; изд. 1899 г. ст. 51.

передается потомству. Но это противоречие заключается не в самом сословном законодательстве, а только в сословной терминологии: личное дворянство—собственно не сословие, т. е. не особый разряд дворянства, потому что лишено отличительных дворянских прав: личные дворяне не входят в состав местных дворянских обществ и при крепостном праве не могли владеть крепостными людьми; это не более, как почетное пожизненное звание, которому усвоен титул дворянства не по сходству прав, а по одинаковости способов приобретения того и другого звания: как личное, так и потомственное дворянство приобретается пожалованием, чинами по службе и получением ордена. Действительные права личных дворян одинаковы с состоянием так называемых *потомственных почетных граждан*; эти права суть свобода от личных податей, от рекрутской повинности, от телесных наказаний и т. д. (я говорю, руководясь старым, теперь уже по частям отменяемым законодательством). Поэтому дети личных дворян по праву рождения причисляются к потомственному почетному гражданству. Итак, личное дворянство есть разряд потомственного почетного гражданства, отличающийся от прочих разрядов этого состояния только способами приобретения соединенных с ним прав.

Разделение сословных прав на политические и гражданские.

Какие бывают сословные права? Их можно разделить на два разряда: на *права политические* и *права гражданские;* первыми определяется участие всего сословия в государственных делах, вторыми — степень правоспособности каждого лица известного сословия в его частных отношениях.

Права политические можно свести в такой перечень:

1. Участие въ общемъ государственномъ управлении. Оно обыкновенно выражается в законодательной деятельности сословных собраний. Государства, где это участие

предоставлено одному или нескольким, но не всем сословиям, принято называть аристократическими, а где оно распространено на все сословия и притом в одинаковой мере, там государственный порядок можно назвать сословно-демократическим. В этом последнем случае участие в общем государственном управлении перестает быть отличительным сословным правом и становится достоянием всего общества. Чаще бывает, что влияние на государственное управление распределяется между сословиями неравномерно; тогда и при участии всех сословий в государственном управлении политический порядок не теряет аристократического характера. То различие, что иные сословия принимают прямое участие в управлении, in corpore являясь на законодательное собрание, а другие присылают только выборных представителей—это различие касается конституционной техники, а не государственного права; это вопрос удобства или необходимости, а не вопрос сословного неравенства.

II. Участие въ местном управлении. Это право обыкновенно соединяется с первым и служит ему опорой, но само может действовать и без него. Оно также принимает довольно разнообразные формы. Где оно принадлежит не всему обществу, там господствующее сословие заведует местными делами и остального населения. Где участие в местном управлении предоставлено всем сословиям, там оно может иметь двоякую форму: или каждое сословие действует особняком, ведая исключительно свои местные сословные дела, или эта уединенная деятельность сословий соединяется с совокупным ведением ими дел, касающихся всех сословий. На этом последнем двойственном основании построено местное самоуправление в современной России, где рядом с местными сословными собраниями дворянства

духовенства, городских обывателей и крестьян действуют еще всесословные земские учреждения, которым предоставлено ведать известные местные дела всех сословий.

III. Вотчинное управление. Это право состоит в усвояемой землевладельцам судебной и полицейской власти над обывателями их вотчин. Такая власть дается землевладельцам обыкновенно там, где землевладение имеет политическое значение, где с ним соединяются особые государственные права и оно потому является преимуществом одного или нескольких сословий. Крепостное поземельное право обыкновенно соединялось с такой властью, но последняя и независимо от крепостного права может быть следствием государственного поручения: так, русские землевладельцы, церковные и служилые, в XV и XVI вв. имели такую власть над вольными крестьянами, снимавшими у них земли. Точно также вотчинный суд и полиция не были отняты у ост-зейского дворянства, когда во втором десятилетии текущего века его крестьяне были освобождены от крепостной зависимости. Вотчинное управление надобно отличать от участия в местном управлении: это последнее может находиться в руках одного сословия, которому между прочим принадлежит и исключительное право личной земельной собственности; но участия в местном управлении не лишены и те лица господствующего сословия, у которых нет населенных вотчин. Это участие в местном управлении есть политическое право, принадлежащее всему сословию независимо от того, пользуются ли его отдельные лица остальными правами своего сословия или нет: вотчинное управление есть политическое право, принадлежащее только некоторым лицам господствующего сословия как следствие действительного пользования одним из сословных прав, притом не политических, а граждан-

ских. Поэтому вотчинное управление имеет характер смешанного права, частью политического, частью гражданского.

Гражданские сословные права в свою очередь подразделяются на *личные* и *вещественные*. Это разделение вытекает из самого значения гражданских сословных прав. Мы сказали, что ими определяется степень правоспособности отдельные лиц сословия в их частных отношениях. Юридический оборот частного гражданского общежития слагается из двух порядков отношений: из *обязательств*, т. е. из прав одного лица на действия другого, и из *прав на вещи*, нужные людям.

1. Отсюда следует, что личными сословными правами определяется признаваемая законом за лицами разных сословий степень способности входить в обязательства. Сословное неравенство этой способности основывается на неодинаковой оценке или неодинаковом нравственном доверии закона к разным классам общества. Эта неодинаковая сословная оценка обнаруживается в том, что закон различно наказывает людей разных сословий за одни и те же преступления, различно карает за обиды, нанесенные лицам разных сословий, дает неодинаковую цену свидетельским показаниям лиц разных сословий на суде. Из этой неодинаковой оценки сословий законом вытекает и неодинаковая их обязательственная правоспособность. Так, в обществах, разделенных на свободные и несвободные классы, лица последних обыкновенно лишались свободы вступать в брак, покидать свое местожительство, вообще стеснялись в праве распоряжаться своею личностью и трудом, наниматься на работы, заключать долговые сделки и т. п.

2. Из указанного состава гражданского оборота следует, что вещественными сословными правами определяется сословная степень имущественной правоспособности: закон

признает за лицами разных сословий право приобретения не всех видов собственности и признает не в одинаковой мере право на одни и те же виды приобретенной собственности. Говоря проще, не все сословия могли приобретать в собственность всякое имущество и не все сословия имели одинаковое право собственности на приобретаемые имущества. Так, лишь высшему классу предоставлялось право сельской недвижимой собственности, а при крепостных отношениях—право владения крепостными людьми. Крепостные крестьяне могли приобретать и движимое имущество только в неполную, условную собственность. Наконец, рабы не могли иметь никакой собственности. С сословными различиями в свободе приобрѣтения собственности обыкновенно соединяется и сословное неравенство в свободе распоряжения ею: одним сословиям предоставлялось полное право отчуждения собственности во всех ее видах, как и право ее передачи по завещанию жене, нисходящим и боковым родственникам, даже сторонним лицам; другие классы пользовались правами отчуждения и завещания в ограниченных размерах, напр., могли безусловно отчуждать только движимое имущество, но не могли или были стеснены в праве отчуждения недвижимости—могли завещать имущество только сыновьям с исключением дочерей, или нисходящим с исключением боковых родственников.

Сравнительное значение политических и гражданских сословных прав для сословий.

По самому свойству описанных сословных прав, политических и гражданских, можно заметить, что они действуют неодинаково и имеют различную цену для сословий: права политические осуществляются совокупной или корпоративной деятельностью обладающего ими сословия; права гражданския приводятся в действие волею и усилиями отдельных лиц. В связи с этим объясняется и сравнительное значение тех и других прав для сословий: со-

словные гражданские права приносят прямую, осязательную выгоду каждому члену сословия, расширяя или упрочивая его личную свободу и средства материального обезпечения; права политические, доставляя всему сословию власть и влияние на управление, имеют интерес для отдельных лиц не сами по себе, а потому, что обыкновенно служат средством расширения и обезпечения прав гражданских. Значит, гражданские права для сословий важнее политических; они—наиболее энергичный мотив сословного неравенства, настоящая цель, к которой стремятся высшие сословия, добиваясь этого неравенства или отстаивая его. Вот почему сословные гражданские права могут действовать, даже не соединяясь с политическими, тогда как сословные политические преимущества при гражданском равенстве теряют свой смысл и падают или превращаются в сословные повинности. В таком случае участие сословия в управлении получает для него значение обязательного безвозмездного содействия правительству.

Разделение сословных обязанностей на личные и вещественные, на прямые и косвенные.

Что касается *сословных обязанностей*, то они, разумеется, все государственныя, но их можно разделить, во-первых, на *личные* и *вещественные*, во-вторых, на *прямые* и *косвенные*. Личная государственная обязанность—это часть личного труда, обязательно уделяемого в пользу государства; личная государственная обязанность обыкновенно называется повинностью; самая важная из повинностей—*воинская*. Вещественная обязанность—это часть имущества, обязательно уделяемая в пользу государства; вещественные обязанности—налоги или подати. Те и другие обязанности можно разделить еще на прямые и косвенные Прямые обязанности—это жертвы, обязательно приносимые непосредственно государству; косвенные—это жертвы, обязательно приносимые лицами известного класса не прямо

государству, а по поручению государства лицам других классов. Такими косвенными обоюдными обязанностями были связаны при крепостном праве крепостные владельцы с крепостными людьми по нашему законодательству: для крепостных крестьян они состояли в обязательных работах и платежах в пользу владельца; для крепостных владельцев они состояли: 1) в обязанности по продовольствию и призрению крестьян, 2) в ответственности по взносу крестьянами государственных податей и отправлению ими денежных и натуральных повинностей, 3) в обязанности ходатайствовать за крестьян по делам гражданским и уголовным, и 4) в ответственности за них во всех казенных взысканиях, как то: штрафах, пошлинах и проч.

Лекция II.

Постепенное исчезновение сословных различий—общий факт европейской истории.—Общественный склад, к какому стремится современное европейское государство.—Наследственное неравенство пред законом—основание сословного деления.—Двоякое происхождение сословий—политическое и экономическое.

Постепенное исчезновение сословных различий—общий факт европейской истории.

Сословное неравенство — историческое явление, исчезающее почти всюду в Европе; сословные различия все более сглаживаются в праве, оставляя неодинаково глубокие следы в народных преданиях, в привычках и нравах, в распределении собственности. Но с самого возникновения ново-европейских государств, впродолжение многих веков, это неравенство было основанием политического порядка, и даже в обществах, потом усвоивших вполне демократический склад, в первые периоды их политической жизни можно заметить следы сильных движений в сторону аристократического неравенства. Но с XV века на западе, гораздо позднее на востоке Европы, в умах и законодательствах обнаруживается стремление к постепенному уравнению сословий. Тот же самый процесс можно заметить и в государствах античной Европы, так что его можно признать общим и повсеместным фактом европейской истории. Если бы было доказано, что он повторялся в политических союзах и других частей света, то этот общий факт получил бы значение исторического закона, который

можно было бы выразить в такой формуле: „*политическое общежитие начинается сословным расчленением общества и продолжается постепенным уравнением сословий*“.

Общественный склад, к какому стремится современное европейское государство.

Хотя этот процесс завершился далеко не везде в Европе, однако достаточно ясно успели обозначиться основные черты этого нового общественного склада, какой стремятся принять западно-европейския государства. В прежних сословных обществах отдельныя лица не имели непосредственного отношения к государству; перед государством являлись сословные корпорации и значение каждого лица в государстве определялось значением сословия, к которому лицо принадлежало. Законодательство начало разбивать эти крупные и плотные общественныя сочленения на их первичные составные частицы—одинокие лица, ставя каждое из них в непосредственное отношение к государству и признавая всех их одинаково свободными. Но признавая их одинаково свободными, законодательство доселе не нашло средств сделать их равноправными, потому что доселе не умеет одинаково распределить между ними обязанности. При сословном неравенстве обязанности распределялись между целыми классами по их политическому значению и потому наиболее обременены были ими низшие классы, располагавшие наименьшими средствами материальными и другими.—Положив в основу государственного порядка бессословное равенство, необходимо было и разверстку обязанностей перенести на новые основания; таким основанием стало правило: „*государство требует с каждого в меру того, что дает ему*“. Потребность в личной безопасности у всех одинакова; потому самая тяжкая личная обязанность, воинская повинность, положена на всех, способных нести ее. Нельзя было так же поступить с обязанностями вещественными. Потребность в иму-

щественной безопасности не у всех одинакова. Миллионер; разбросавший свои имения по всем углам государства и ведущий огромные промышленные дела, гораздо более задает работы правительственным учреждениям, охраняющим имущественную безопасность, чем рабочий, живущий поденным заработком; но по этому же самому миллионер гораздо более поденщика заинтересован в делах государства, в исправном действии его охранительных учреждений. Таким образом вещественные тягости должны падать на лица соразмерно с потребностью каждого в имущественной безопасности, а степень этой потребности соответствует его имущественной состоятельности. Таков смысл подоходного налога, приобретающего все большее господство в финансовой системе Европы. Значит, государственная обязанность из обязательной жертвы, приносимой одними классами в пользу других, превращается в плату лица государству за услуги, какими первое пользуется от последнего. Но с другой стороны, и участие в государственных делах соразмеряется с тяжестью государственных обязанностей, падающих на каждое лицо, и, следовательно, со степенью его интереса в этих делах; это участие выражается в народном представительстве. Воинская повинность падает на всех граждан в возрасте, способном нести ее, потому все граждане участвуют в в выборе народных представителей. Но они участвуют в нем неодинаково: посредством известного сочетания подоходного налога с избирательной системой платящие более имеют и более веский избирательный голос. Таким образом политический порядок, к какому идет современное западно-европейское государство, строится на сложном сочетании государственных прав и обязанностей, между которыми примиряющим посредником служит не сословный,

а личный политический интерес. Этот порядок можно представить в такой схеме. Первичным составным элементом его служит одинокое и свободное лицо, несущее государственные тягости в меру своей потребности в тех личных и имущественных обеспечениях, какие дает государство, и участвующее в управлении в меру тягостей, какие оно несет в пользу государства. Самый порядок состоит из двух параллельных рядов, из которых один представляет обязанности, а другой—соответствующие им права. Вот оба эти ряда: общая воинская повинность и общее голосование; подоходный налог и личное представительство, разверстанное по числу правоспособных лиц и по количеству платимых ими налогов. Благодаря такому сочетанию, современные европейские государства представляют сложный механический прибор, построенный на юридической и экономической сделке, который, соединяя в одно целое одинокие, разбитые лица, своей тяжелой деятельностью вырабатывает им благо, носящее на языке Западной Европы название *политической свободы*.

Наследственное неравенство перѣдъ закономъ—основаніе сословного дѣленія.

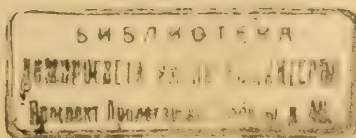
Итак, современное бессословное государство достигает политической свободы, но оно не достигает политического равенства. Однако, это неравенство отличается от сословного в двух отношениях. Во-первых, сословные общества отличаются резким разграничением прав и обязанностей; наиболее чистые типы такого общества стремились сосредоточить все права в одних классах, все обязанности—в других. В современном государстве все уравнены в *гражданских* правах и *личных* обязанностях, но различаются *политическими* правами и *вещественными* обязанностями. Во-вторых, неравенство в современном государстве есть неравенство лиц, а не классов; в сословных государствах различались перед законом целые сословия, но отдельные

лица одного сословия признавались равными между собою по правам и обязанностям. В современном государстве каждое лицо есть своего рода сословие. Общество разбито на мельчайшие пылинки, сравнительная величина которых трудно уловима невооруженным глазом и доступна только микроскопическим наблюдениям статистики да министерства финансов, распределяющего налоги. Эта политическая пульверизация общества есть следствие отмены потомственности прав и обязанностей, на которой держалось сословное деление. Благодаря этому политическая группировка лиц в современном государстве поставлена в зависимость от их имущественного положения, т. е предоставленъ игре случая и борьбе индивидуальных сил. Политическое положение лица в современном государстве может представлять непрерывное кочевание по разным политическим группам, смотря по его успехам или неудачам в экономической борьбе, изменяющим его имущественное положение, тогда как в сословном государстве политическое положение лица определялось его сословным происхождением, а не изменчивым имущественным положением,—генеалогией, а не цензом. Это сопоставление нового складывающегося типа бессословного государства с исчезающим сословным приводит к тому заключению, что основанием сословного деления служит *наследственное неравенство целых классов в правах и обязанностях*, а не распределение тех и других по изменчивым личным состоянием, как в современном бессословном государстве.

Двоякое происхождение сословий: политическое и экономическое.

Если сословное неравенство есть временное состояние обществ, в жизни которых бывали времена, когда сословий еще не было, и наступает время, когда их уже не бывает, то спрашивается: как и при каких условиях возникает сословное неравенство? Вследствие чего общества

разбиваются на классы с неравным распределением между ними прав и обязанностей? Сословное неравенство возникало двояким путем. Иногда источником его бывало экономическое деление общества в момент образования государства. Тогда общество делилось на классы сообразно с разделением народного труда: классы различались между собой родом труда или родом капитала, которым работал каждый класс, и сравнительное значение каждого общественного класса определялось ценой, которую имел тот или другой род труда, тот или другой капитал в народном хозяйстве известного времени или места. Но бывал и другой порядок явлений. Общество подчинялось вооруженной силе, вторгнувшейся со стороны или образовавшейся в нем самом, которая захватывала распоряжение народным трудом. Такой силой бывало или чуждое пришлое племя, или особый класс, сложившийся в самом обществе для его защиты от внешних врагов и потом завоевавший защищаемое общество. В том и другом случае общества следовали в своем дальнейшем развитии совершенно различными путями; укажем сначала путь, каким шли общества во втором случае. Вооруженная сила, своя туземная или пришлая, захватив распоряжение народным трудом, спешила стать властью, чтобы мирно пользоваться плодами захвата. Для обезпечения постоянного пользования захваченными экономическими выгодами она не имела нужды заботиться о новом устройстве народного хозяйства: она насильственно вторглась в уже сложившийся экономический порядок, с оружием в руках стала у готового хозяйственного механизма; ей не было нужды вновь заводить хозяйство в захваченной стране. Захватив в свои руки господствующий капитал, эта сила только старалась обезпечить себе послушное действие рабочих рук, приста-

вленных к готовому хозяйственному механизму, но чтобы обезпечить себе спокойное обладание захваченными выгодами, сила, став властью, спешила создать известный государственный порядок, помощью которого она, став его движущей пружиной, могла бы распоряжаться народным трудом, не прибегая постоянно к первоначальному своему средству действия—к оружию. Вот почему все заботы этой силы обращались на государственное устройство, на выработку системы законодательства, на приспособленную к цели организацию сословий, на соответствующее устройство правительственных учреждений. Вопросы права, государственного и гражданского, отношения к верховной власти, отношения господствующей силы к другим классам, составляли главные явления жизни в таком обществе. Благодаря тому жизнь общества получала, как бы сказать, боевой характер: борьба вооруженная сменялась борьбой политической; оружие утомлялось в своей деятельности и передавало свое дело закону, и работа обеих этих сил, оружия и закона, направлялась к одной цели—к упрочению обладания властью, а властью дорожили потому, что она доставляла обладание народным трудом. Под влиянием этой борьбы все отношения обострялись, классы и учреждения получали резкие очертания. Сообразно с тем и общество усвояло особую физиономию. Все оно складывалось из двух основных элементов: с одной стороны стоял победитель-господин, с другой — пленник-холоп. Все общество стремилось разделиться на два резко разграниченных класса, из которых один старался усвоить себе все права, навязывая другому все обязанности. С великими усилиями складывались и пробивались промежуточные классы, которые отрывали себе частички прав высшего сословия, платя за них частичками обязанностей

низшего. Таков склад, усвояемый обществами, которые создавались завоеванием.

Иным путем следовали общества, где невооруженная сила, захватив господствующий в стране капитал, становилась властью и распорядительницей народного труда, а наоборот, господствующий капитал страны, овладев народным трудом, создавал из владельцев этого капитала власть. Господствующий капитал, движимый или недвижимый, смотря по хозяйственным условиям страны, становился источником власти; его операции соединялись с политическими и гражданскими правами; экономические классы превращались в политические сословия. Так как в этом случае влияние на общество приобреталось не силой оружия, а гнетом капитала, который не утомляется, как оружие, а требует постоянной деятельности для своего сохранения и роста, то классу, владевшему капиталом, не было нужды торопиться созданием нового государственного порядка, который бы обеспечил его господство. Господство его обеспечивалось не политическими средствами, не хартиями и учреждениями, а экономическими отношениями. В таких обществах не было нужды завоевывать рабочих: люди сами отдавались тем, в чьих руках скоплялся капитал, кто давал им хлеб, т.-е. средство для работы. Все внимание господствующего класса обращалось на устройство народного хозяйства, на расширение простора для деятельности капитала, на приемы и средства эксплоатации естественных богатств страны, на открытие и удержание рынков сбыта. Поэтому вопросы права и государственного устройства становились на втором плане, и юридические отношения не получали достаточной выработки и определенности. Общество и в этом случае слагалось из двух главных элементов: с одной стороны стоял

капиталист-заимодавец, с другой — рабочий-должник. Но так как политическое значение распределялось по экономическим состояниям, которые чрезвычайно разнообразны и изменчивы, то общество получало очень дробное деление, и чем оно было дробнее, тем слабее было неравенство прав и обязанностей, которыми различались между собою его классы.

Итак, сословия имели двоякое происхождение—политическое и экономическое. Сословное деление общества начиналось либо насильственным порабощением его вооруженной силой, либо добровольным политическим подчинением его классу, достигшему хозяйственного господства в стране. Это порабощение или это подчинение устанавливало государственный порядок, сосредоточивало власть над обществом в одном классе. Следовательно, в обоих случаях сословное деление одинаково выходило из политического акта, но источник сословного неравенства в том и другом случае был не одинаков. В первом случае права и обязанности неравномерно распределялись по праву силы между властителями и подвластными, во втором — по экономическому весу между капиталистами и рабочими. Значит, источником сословного неравенства в первом случае было различие *политических положений*, созданных порабощением общества одним классом, во втором — различие *экономических состояний*, образовавшихся еще до политического подчинения общества одному классу. То и другое происхождение сословий имело неодинаковое действие на характер сословного деления: при политическом происхождении сословий общество стремилось распасться на немногие крупные части, разделенные резким неравенством прав и обязанностей, тогда как сословное деление, построенное на неравенстве экономических состояний, от-

личалось большей дробностью частей и меньшей резкостью сословных различий. Этот неодинаковый процесс сословного расчленение можно обозначить таким общим положением: *чем резче сословное неравенство, тем проще сословное деление*, и наоборот: *чемъ слабее сословное неравенство, тем сложнее, т.-е. дробнее, сословное деление.*

Лекция III.

Формула, выражающая ходъ уравнения сословий.—Место сословного государства въ ряду преемственно сменявшихся общественных союзов.—Влияние сословного деления на политический порядок.—Исторические процессы, открывающиеся въ истории сословий.—Памятники права, как единственно надежные источники истории сословий.

Формула, выражающая ходъ уравнения сословий

Положение, сейчас высказанное мною об отношении сословного неравенства к дробности сословного деления, следует сопоставить с другим общим фактом, который мы заметили, обратившись к изучению сословного строения общества. Этот факт состоит в том, что сословное разъединение не было устойчивым состоянием общества, что им отличались вообще первые периоды политического общежития; но, достигнув известного напряжения, оно сменялось стремлением к сближению и уравнению сословий. Понятно, что это стремление обнаруживалось раньше и идет быстрее там, где сословия с самаго своего возникновение стояли ближе друг к другу и где вместе с тем сословное деление было дробнее. Так как степень взаимного отчуждения сословий и их дробности обусловливается их происхождением, то отсюда следует, что то или другое их происхождение оказывало действие не только на характер, но и на продолжительность сословного склада общества. Известно, с каким упорством в государствах,

образовавшихся путем завоевания, сословные различия держались не только против уравнительных идей, но и против открытых нападений низших классов на преимущества высших. Из сопоставления обоих указанных положений можно вывести следующее третье: *уравнение сословий идет тем труднее, чем проще сословное деление и чем резче сословное неравенство.* Иначе говоря: скорость сословного уравнения находится в прямом отношении к сложности сословного деление и в обратном отношении к степени сословного неравенства.

Этими тремя положениями и обозначается ход сословного строения обществ. Политическое общежитие, повторяю, обыкновенно начиналось установлением сословного неравенства и продолжалось уравнением сословий, а успех этого уравнения зависел от большей или меньшей дробности сословного деления и от степени сословного неравенства. Теперь рассмотрим внутренние условия сословного строения, чтобы видеть, какие силы управляли его ходом. Это поможет нам определить влияние сословного склада на государственный порядок.

Место сословного государства в ряду преемственно сменявшихся общественных союзов.

Чтобы заметить эти условия и силы, надобно припомнить, какое место занимает сословное государство в ряду преемственно сменявшихся общественных союзов. Политическому общежитию, основанному на целях общего блага, как известно, предшествовали естественные союзы, завязанные кровным родством. В этих союзах не было равенства, но не было и сословий; их место занимали *возрасты*: старшие составляли правящий класс, младшие—управляемое общество. В современном государстве тоже нет равенства и тоже нет сословий; их место занимают изменчивые экономические *состояния*. Наиболее платящие государству, т.-е. наиболее состоятельные, прямо или косвенно руко-

водят делами государства, а наименее состоятельные волей-неволей подчиняются этому руководству. Может быть, и капитал утратит политический вес, уступив свое место другой силе, например, науке, знанию; по крайней мере, о возможности управлять обществом посредством этой силы давно мечтали многие, мечтают и теперь. В государственном механизме, который будет приводиться в движение этой силой, также не будет ни равенства, ни сословий; их место займут *ученые степени* и в законодательных собраниях депутаты с цензом очистят скамьи для делегатов ученых обществ с дипломами. Каждый из этих трех политических порядков построен по типу мелкого частного союза, который, очевидно, имел или получит в общежитии господствующее значение в момент построения соответствующего ему порядка. В кровном союзе отношения классов, т.-е. возрастов, сняты, очевидно, с отношений поколений в семье, т.-е. отца, сына и внуков. Прототипом современного государства ценза, очевидно, служит акционерная компания: здесь политический вес лиц зависит от количества голосов, а количество голосов, как в акционерной компании, определяется количеством акций. Будущее государство знания, науки устроится по образцу школы с разделением на учеников и учителей и с подразделением последних на старших и младших. В каждом союзе порядок приводится в движение особой силой, в первом такой силой служит власть родителей или старших, во втором—сила капитала, в третьем—авторитет знания. По какому типу построено сословное государство и какая сила двигает в нем отношениями? В нем легко заметить две особенности: во-первых, наследственность сословных прав и, во-вторых, различие занятий, обусловливаемое различием наследственных прав. Наследственность прав есть

юридический принцип, выработанный в кровном союзе: согласно с общим началом этого союза, по которому все отношения определяются происхождением, т.-е. становятся наследственными, и права, раз приобретенные, переходят к потомству приобретателя. Эта идея особенно ясно сказывается в преимуществах линии старшего сына, какие замечаем в кельтских кланах. Значит, сословное государство—ближайший преемник родственного союза. Вот его исторический возраст, место в процессе развития людского общежития. Различие сословий по занятиям указывает на момент экономического развития, с которым совпадало возникновение сословного государства. Кровные естественные союзы, соединяясь, складывались в искуственные государственные общества в то время, когда начиналось разделение труда, когда кровные союзы переставали делать сами все им нужное и начиналась специализация занятий. Легко понять, что возникшая отсюда необходимость хозяйственного обмена между кровными союзами и была причиной искусственного соединения этих союзов в государство. Итак, наследственность сословных прав указывает на генетическую связь сословного государства с родовым союзом, а сословное разделение занятий есть то новое начало, которое было причиной соединения родовых союзов в государство.

Влияние сословного деления на политический порядок.

Согласно с этим началом, люди в государстве должны были привыкать к связям, которых не знали прежде. В кровных союзах соотечественниками считались родственники; принадлежность к союзу рассматривалась как неизменное определение судьбы, переход в другие союзы был немыслим как физическая невозможность, как перемена пола. С образованием государства родственный круг разбивался по месту жительства, по занятиям, по обществен-

ным состояниям, забывая своего общего предка. Этим начинался новый подбор людей: своих и чужих начинали различать не по генеалогическим воспоминаниям, а по сходству занятий и состояний, прав и обязанностей по отношениям не к общему предку, а к общему государю. Сходство целей, понятий, нравов, прав и обязанностей, разнообразных житейских отношений рождало новую могущественную связь между людьми—сословный интерес, становившееся на место чувства кровного родства. Эта новая кристаллизация общества сильно действовала на законодательство. Задача закона—примирять частные интересы с общими, на которых держится государственный союз. Мелкие частные интересы, обобщаясь путем сделок или разъединяясь взаимной борьбой, соединяли отдельных лиц в крупные группы или разбивали уже образовавшиеся общественные соединения на мелкие части. Сообразуясь с ходом этого подбора, законодательство или создавало из однородных мелких классов крупные сословия, или крупные сословия делило на мелкие классы, обобщая или дробя разверстываемые между ними права и обязанности, от этой законодательной растасовки зависело и положение государственной власти. Если общество распадалось на мелкие части, которые никак не могли сложиться в крупные, плотные сословия, власть насильственно соединяла их для совокупной деятельности во имя общих интересов. Если в обществе сильно сознание этих интересов, его части поневоле повинуются объединяющей их власти, потому что не могут ни соединиться все дружно против нее по взаимному антагонизму, ни подчиниться одной из частей по слабости каждой из них. Таким образом рознь и дробность общественных групп ведет к усилению государственной власти, к развитию политической централизации. Иной ряд

отношений устанавливался, когда общество делилось на крупные классы. Государственная власть или пользовалась содействием всех их, если они действовали согласно, или опиралась на один из них, чтобы подчинить себе другие, если они были во вражде друг с другом. В обоих случаях государственная власть принуждена была делиться своими полномочиями с сословиями, но государственный порядок устроялся неодинаково: в первом случае, при единодушии сословий, сословные интересы становились общими интересами государства, во втором—интересы одного сословия торжествовали над общими интересами государства и делали государственную власть своим орудием. В средневековой Европе три сословия, призывавшиеся к участию в государственном управлении,—духовенство, дворянство и буржуазия,—представляли особые государства, между которыми с причудливой чересполосицей поделены были государственная территория и работавшее на ней низшее население, так что средневековое западно-европейское государство можно назвать федерацией трех сословных государств, соединенных в лице короля только династической связью. Это отношение сословного деления к политическому порядку можно выразить в таком положении: *верховная власть в сословном государстве тем более подчиняется сословиям, чем их менее и чем резче они разъединены;* иначе говоря: сила давления сословных интересов на общие находится в обратном отношении к дробности сословного деления.

Исторические процессы, открывающиеся в истории.

Отсюда можно видеть, что дает нам, т. е. какие исторические процессы вскрывает история сословий. Из истории образования сословий мы узнаем, как борются между собой частные интересы, как в этой борьбе из частных интересов вырабатывается путем обобщения и примирения

сознание общих интересов, или как последние терпят крушение, разлагаясь на частные. Другой процесс вскрывается в истории разрушения сословий. Чем плотнее и замкнутее сословие, тем сильнее сжимает оно отдельных лиц своими требованиями, понятиями и нравами, сковывая личную свободу. Чем крупнее сословные группы и чем неравномернее распределены между ними права и обязанности, тем труднее переход из одного сословия в другое, тем более стеснено лицо в выборе житейских путей, тем более оно поглощено сословными интересами и тем труднее дается ему сознание интересов общих. Поэтому уравнение сословий есть одновременное торжество и общего государственного интереса, и личной свободы. Значит, история сословий вскрывает нам два наиболее скрытые и тесно связанные друг с другом исторические процесса: движение сознания общих интересов и высвобождение личности из-под сословного гнета во имя общего интереса.

Памятники права, как единственно надежные источники истории сословий.

И только в памятниках сословного законодательства можно уловить оба эти великие и глубоко скрытые исторические процесса. Напрасно будем искать их верного отражения в произведениях литературы и искусства; эти произведения—плоды индивидуального сознания, а в индивидуальном сознании явления общественной жизни, отражаясь, преломляются под известным углом, и историческая критика доселе не нашла надежного способа точно измерять этот угол преломления. Факты общественной жизни в сознании наблюдателя становятся идеями, т. е. перестают быть фактами и возвращаются в ряд последних, когда облекаются в законодательныя постановления. Общество, как живое и мыслящее существо, говорит своим особым языком, не похожим на тот, каким выражается индивидуальный ум. Последний выражает свои идеи логи-

ческими понятиями или художественными образами, а первое говорит юридическими нормами; поэтому вы не удивитесь методологическому правилу, которым я закончу предварительные замечания свои о цели и приемах исторического изучения сословий и которое вместе с тем объяснит вам, почему я в истории сословий в России буду опираться только на ограниченный запас источников: общество сословное или бессословное надобно изучать не в кабинете литератора и не в мастерской художника, а в законодательном совете и судебной камере. Я знаю только одно место, где встречаются и объединятся оба эти процесса, из которых собственно и слагается вся история,— и работа индивидуального ума, и движение общественного сознания: это место—университетская аудитория.

Изложив эти общия соображения, которые послужат нам руководством при изучении истории сословий в России, перейдем к самому предмету изучения.

Лекция IV.

Скудость литературы по истории сословий в России.—Постановка изучения нашей истории в тридцатых и сороковых годах, как одна из причин этой скудости.—Перечень важнейших сочинений по истории русских сословий.—Пробуждение интереса к истории русского общества в пятидесятых годах и связь его с реформами минувшего царствования.—Научный интерес исторического изучения русских сословий.—Общая характеристика сословного процесса в России сравнительно с западно-европейскимъ.—Изменчивость и разнообразие оснований сословного дѣления русского общества.—Период истории русских сословий.

Скудость литературы по истории сословий въ России.

Изучение истории сословий в России я должен начать коротким очерком того состояния, в каком находится в нашей литературе изучение этого вопроса. Литература по истории сословий в России является едва ли не самым юным отделом в составе молодой русской исторической литературы. Главной причиной этой запоздалости истории русского общества надобно считать постановку дела изучения отечественной истории. После Карамзина в нашей исторической литературе образовались два направления, которые, как серьезно и напрасно думали сторонники того и другого, существенно отличались друг от друга, даже исключали одно другое. Одно из этих направлений обращало преимущественное внимание на историю государства, другое — на историю общества. Исследователи этого второго направления, впрочем, изучали не столько

процесс сословного расчленения русского общества, сколько жизнь народа вообще. Народ—вот что составляло предмет исторических изысканий целого ряда умных и даровитых исследователей и что они считали единственным предметом, достойным исторического изучения. Термин „народ" покрывал собою общество, а под „народом" разумели преимущественно или исключительно простонародье. В литературе тридцатых и сороковых годов образовалась даже целая историческая теория, которая довольно складно построяла всю историю России не столько на ея действительных процессах, сколько на диалектическом развитии понятия о народе, т. е. того значения, какое придавалось этому понятию. Люди, державшиеся этой теории, конечно, не могли не знать, что и в нашей исторической жизни действовали общественные стихии, которые никак нельзя было бы подвести под такое понятие о народе,—что и у нас из так-называемой массы выделялись и действовали на ея поверхности высшие классы. Из затруднения, в какое ставились изследователи этим противоречием, они старались выпутаться двояким путем. Они или утверждали, что высшие классы, выделялись из народа политически и экономически, как это было в древней Руси, не отрывались от него нравственно, жили одной с ним жизнью, проникались одинаковым духом; или же исследователи уверяли, что высшие сословия, отрываясь от народа, как это пошло со времени Петра, становились против народа, являлись отщепенцами, которые изменяли народным началам, и как изменники, переставали принадлежать народу, становились чуждым фактом для его истории. При таком взгляде на общественное расчленение, высшие классы являлись наростом на народном теле, вредным в практическом отношении и бесполезным в научном. Таким обра-

Постановка изучения нашей истории в тридцатых и сороковых годах, как причина этой скудости.

зом история общественных классов превращалась в назидательную или обличительную повесть об отношениях общественного верха к общественному низу, о спасительном единодушии обеих общественных половин или о гибельном их антагонизме, при чем честь единодушия всецело падала на народ, а ответственность за антагонизм возлагалась на высшие классы. Соответственно такому взгляду, главными источниками изучения истории общества выбирались не памятники права, а либо предания о массовых, гуртовых движениях народа, либо жалобы древнерусских публицистов на неправды высших сословий по отношению к народу. В таком взгляде, если выкинуть из него излишнее обилие общих мест и положений, останется много погрешностей, и прежде всего погрешность физиологическая. Нарост, хотя и нарост, остается органической частью живого существа, которая принимает участие в жизни организма и даже иногда более сильное, чем нормальная часть организма. Он вытягивает соки из организма и, смотря по состоянию последнего, либо истощает его, либо освобождает от вредных соков. Притом в этом взгляде было много несообразностей. Высшие классы представлялись, как изменники народным началам, враги народа; на их отчуждении от родного народа строили даже целый, небывалый, период нашей истории, начинавшийся деятельностью Петра, и весь смысл этого периода полагали в нравственном отчуждении высших классов от родной массы. Добрые люди, державшиеся этого направления, сами того не замечая, вносили даже анархическую тенденцию в свои исследования: они, подобно царю Ивану Васильевичу Грозному, беспричинно клали опалу на все высшие классы, а о простом народе говорили, что на него гнева и опалы нет. Эта, если можно

так выразиться, демомания или аристофобия доходила даже до нарушения лояльности, до политической обиды высшим классам. Ведь последние не тайком прокрадывались в наше общество, а существовали с ведома и разрешения законной верховной власти, и их законные права и положение в государстве чрезвычайно точно определены в IX томе Свода Законов.

Серьезный интерес к историческому изучению русских сословий был пробужден не ранее или немного ранее пятидесятых годов текущего столетия и всего более возбужден был этот интерес покойным Соловьевым. Его старшие ученики работали в указанном им направлении и развивали его мысли в целом ряде дельных и трудолюбивых исследований. Отзвук этого нового пробудившегося интереса слышен как в пространной истории Соловьева, так и в его отдельных статьях. В „Истории России“ Соловьев или исследует обстоятельно, или лишь общими чертами отмечает ход сословного расчленения русского общества всюду, где этот ход становится уловим, и, что еще важнее, этот процесс у него поставлен в связ с условиями, действовавшими не только в политической, но по временам и в экономической жизни народа. Живость, с какой пробужден был этот интерес, вы почувствуете, читая например „Исторические письма“, одно из наиболее свежих произведений Соловьева, появившееся в 1858 г. В свое время эти письма читались с большим интересом и не утратили своего значения доселе. Такое недолгое прошлое имеет за собою научная обработка истории русского общества. Вот почему нельзя удивляться скудости литературы по этому предмету. Этой литературой, по крайней мере всем, что в ней заслуживает чтения, можно овладеть в довольно короткое время. В пятидесятых годах и позднее появляются вслед за порядочным для своего вре-

мени сочинением Плошинского „Городское или среднее состояние русского народа“, напечатанным в 1852 г., статьи г. Чичерина, особенно его исследование „Холопы и крестьяне в России в XVI в.“, потом цельная монография Беляева „Крестьяне на Руси“, представляющая опыт полной истории этого сословия и особенно ценная по обилию неизданных материалов, в ней напечатанных, далее ряд очерков г. Победоносцева по истории крепостного права в России со времени Уложения. В конце шестидесятых годов было напечатано сочинение Пригары „О городских состояниях в России при Петре Великом“, представляющее опыт истории городских состояний не только в это царствование, но и до него. Наконец, в 1875 году вышел I том сочинения г. Дитятина „Устройство и управление городов в России“, представляющий очень хорошо составленный очерк истории городов в России до XVIII в. и историю их устройства до жалованной городовой грамоты 1785 г. включительно. Любопытно, что доселе не встречаем дельной, полной истории двух высших сословий России—дворянства и духовенства. Есть, правда, два общия сочинения по истории дворянства в России, из которых одно принадлежит Яблочкову, а другое Порай-Кошицу, но эти сочинения заслуживают мало внимания. Серьезно и трудолюбиво составленное сочинение, но специальное, излагающее историю дворянства со времени Петра, принадлежит Романовичу-Славатинскому („Дворянство в России“). По истории духовного сословия есть обширная и дельная монография г. Знаменского „Приходское духовенство в России со времени реформы Петра“. К сожалению, эта монография очень мало касается положения этого класса в древней России. Такой пробел в нашей исторической литературе надобно объяснять особенной трудностью и сложностью

истории двух этих высших классов. Наконец, совсем не было сделано попытки представить связное изложение истории сословий в России в их взаимодействии. Я знаю один монографический опыт такого рода в „Истории местного управления в России“ (1868) г. Градовского. Описывая устройство провинций в Московском Государстве XVI и XVII вв., автор хотел представить положение и взаимное отношение трех основных классов русского общества—служилого, городского и земледельческого. К сожалению, этот опыт остановился на первом томе. Вот почти все, что есть в нашей литературе крупного и ценного по истории общественных классов в России, если не упоминать о разных мелких статьях. Своим курсом я хотел бы несколько восполнить этот пробел, представив короткий и сжатый, более конспективный, очерк истории сословий в России в их взаимных отношениях до той эпохи, когда они получили свой окончательный склад.

Пробуждение интереса къ истории русского общества въ пятидесятых годах и связь его с реформами минувшего царствования.

Понятно, чем пробужден был интерес к истории наших сословий с пятидесятых годов. Толчком, который обратил внимание любознательных людей на этот предмет, служили сословные реформы минувшего царствования. Эти реформы, особенно одна из них, крестьянская, так глубоко изменившая положение и взаимное отношение классов русского общества, впервые заставили искать указаний на средства их успешного осуществления в изучении того, как строилось общество, тронутое этими реформами. Историческое изучение обыкновенно цепляется за сильное движение, обнаруживающееся в обществе, и стремится иллюстрировать то, что становится насущным интересом минуты, дать ответ на вопрос, составляющий злобу текущего дня. Реформы минувшего царствования, особенно крестьянская реформа 19 февраля 1861 г., вскрыли целый ряд неожиданных явле-

ний, которые прежде не подозревались и которые указывали на сложные процессы, пережитые нашим обществом. Люди, занимавшиеся историей западно-европейских обществ, издавна привыкли несколько свысока относиться к истории русского общества. Это русское общество представлялось им слишком простым по своему составу, с наивными формами и недостаточно определенными отношениями, обещавшими мало научно-поучительных данных. Таково было господствующее мнение. При поверхностном взгляде на развитие русского общества можно было найти некоторое оправдание этой привычки. В самом деле, что можно представить себе проще того склада, какой усвоило себе русское общество, например, в ту минуту, когда закрывал глаза великий преобразователь Петр I? Наверху этого общества стояла могущественная верховная власть, сосредоточенная в одном лице, а перед ней лежала огромная масса черного народа, руководимого по поручению верховной власти землевладельческим классом; и между этими двумя сословными стихиями робко жмутся незначительные переходные слои—духовенство, чиновничество, горожане—жмутся, как будто ожидая, не придет ли кто оправдат их стесненное и игнорируемое существование. Реформа 19 февраля вскрыла крепкие установления, чрезвычайно сложные и запутанные отношения между разными классами, вывела на свет такие формы общежития, каких до этого времени самое сильное воображение не могло бы ни предположить, ни построить a priori. Все это заставило думать, что и наше общество пережило страшно напряженную работу, которая только выразилась в наружно простых и немудренных формах.

Научный интерес историческего

Итак, научный интерес к истории нашего общества был возбужден его недавней перестройкой: вот почему мы еще так мало знаем эту историю. Между тѣм, исто-

рический склад нашего общества, может быть, и сообщает всего более общенаучного интереса нашей истории. Этот склад очень своеобразен и наблюдения над его ходом могут пригодиться при изучении какой угодно части исторической науки. Изучая эти сословия, встречаем отношения и формы, которые дают много материала для приложения сравнительного исторического изучения. Истинное назначение этого метода состоит не в том, чтобы искать сходства в различных явлениях, а в том, чтобы находить различие в сходных явлениях. При сходстве многих явлений нашего и западно-европейского обществ, однако, легко заметить еще больше особенностей, которыми отличается первое от последних и которые все можно свести к одной следующей: сравнительно более резкие сословные очертания и более сложные общественные формации на западе достигались более быстрым и простым путем, тогда как более простые общественные формации в России создавались процессом более продолжительным и сложным. У нас общественный процесс всегда сложнее, но общественные формы проще и сословные очертания менее резки. Такая особенность нашего общественного развития невольно вызывает на одно сравнение. Наше общество, кажется, шло путем, напоминающим наши проселочные дороги: чтобы ими пройти незначительное расстояние между двумя пунктами, надобно, благодаря извилинам пути, сделать столько шагов, сколько при более прямой дороге потребовалось бы, чтобы пройти расстояние вдвое большее.

изучения русских сословий.

Общая характеристика сословного процесса в России сравнительно с западно-европейским.

Эта особенность, заметная в развитии разных сторон общественной жизни России, сказалась всего резче в истории русских сословий. Сословное деление в России отличается необычайной подвижностью и изменчивостью. Общество несколько разъ делилось и переделялось, неоднократно

Изменчивость и разнообразие оснований сословного

деления русского общества. меняло свою юридическую физиономию и свой состав. Следя за этими изменениями, историю русских сословий можно разделить на *четыре* периода, из которых в каждом было свое основание сословного деления, непохожее на то, на котором строилось сословное деление предшествующего или последующего периода. Первая формация русского общества, какая нам известна, обнаруживается в памятниках права XI и XII вв. По этим памятникам мы видим, что общество делилось на две резко разграниченные и неравные половины, и первоначальным основаніемъ деления служило завоевание или вооруженное давление. На этом основании строилось и держалось общество съ IX до конца XII в. Рассматривая состав общества в удельные века (XIII, XIV и XV), встречаем другое основание, которым служил хозяйственный договор свободного лица с удельным князем. В период, когда созидалось Московское Государство (в XVI и XVII вв.), основанием сословного деления служило различие государственного тягла, разверстанного между классами общества по ихъ хозяйственным положениям. Наконец, в XVIII в. сословное деление перешло на новое основание, которым служило различие прав, распределенных между сословиями по их политическому значению. Таковы четыре периода в истории на-

Период истории русских сословий. ших сословий и таковы основания, на которых в каждом из них строилось сословное деление. В первом периоде этим основанием было *завоевание* или *вооруженное деление*, во втором—*хозяйственный договор с князем*, в третьем—*различие государственных повинностей* и в четвертом—*различие государственных и гражданских прав.*

Лекция V.

Хронологические пределы первого периода в истории русских сословий.—Завоевание, как первоначальное основание политического деления общества в этот период. — Военно-промышленное происхождение Киевского княжества.—Этнографический и экономический состав общества, объединенного киевскими князьями IX и X вв.—Следы сословного деления общества в X и XI вв.

Я обозначил границами первого периода в истории русских сословий конец IX и конец XII веков. Политическое расчленение общества в этот период держалось на завоевании. Но я высказываю это положение с оговоркой. Завоевание легло в основу сословного деления общества, но впродолжение периода это первоначальное основание так осложнилось новыми влияниями, что к концу XII века стало трудно распознать его в глубине общественного строя русской земли. Чтобы видеть, как положено было это основание и какия влияния потом изменили строившиеся на нем сословные отношения, необходимо бросить беглый взгляд на происхождение той политической формы, под которой впервые соединились разнородные части русской земли в одно политическое целое. Этой формой было Киевское княжество, возникшее в конце IX века.

Хронологические пределы первого периода в истории русских сословий.

Я так представляю себе происхождение этой формы. В VII и VIII вв. по Р. Х. западная половина восточной русской равнины заселена была восточными славя-

нами. Хозяйственный быт населения в этой полосе направлялся большим речным потоком—Днепром. По этой речной дороге шло давнее и живое торговое движение, вызванное и поддержанное еще до Р. Х. многочисленными греческими колониями по северному берегу Черного моря. В это торговое движение втянулись и славянские поселенцы в Днепровье. Одно внешнее обстоятельство помогло их торговым успехам. В VIII веке Днепровье с южнорусскими степями завоевано было хазарами. Хазарское иго оказало благотворное действие на промышленные успехи днепровских славян. Хазары, утвердившиеся в степях между Волгой и Днепром, скоро перешли к мирным промыслам и открыли своим днепровским данникам свободный проход по многочисленным степным речным дорогам. Таким образом завязались тесные торговые связи Днепровья с черноморскими и каспийскими рынками. Это торговое движение вызвало среди славянских поселенцев Днепровья усиленную разработку богатств русского леса, преимущественно добычу пушного зверя. Эти торговые успехи развили русское мореходство и русские моряки уже в первой половине X века господствовали на Черном море. Арабский географ Масуди, писавший в это время, говорит о Руси, что она плавала по Черному морю и никто кроме нее по нему не плавал. Следствием этих торговых успехов было появление древнейших торговых городов на Руси по главным речным путям западной полосы. Около каждого из таких городов—Новгорода, Полоцка, Смоленска, Чернигова, Киева—образовался из промышленных поселений торговый округ, для которого город служил центральным складочным местом. Это все факты, пережитые восточным славянством до IX века. С начала этого столетия Днепровье испытало ряд новых переворотов, источ-

ником которых был упадок хазарского владычества в Днепровье. Причиной этого упадка было появление в южнорусских степях новой орды, печенегов, которые еще в первой половине IX века прорвались из-за Волги сквозь хазарские жилища к Днепру. Эти печенеги стали грозить великой опасностью русской торговле. Хазары не могли более защищать русских купцов на востоке; торговые города Руси сами должны были взять на себя охрану своих торговых путей и торговых оборотов. К тому времени относятся укрепления торговых городов и их военно-политическое устройство, с каким они являются впоследствии в X и XI вв. Новая опасность пробудила в городах потребность в вооруженной силе. Эта сила постепенно стянута была в городах и составилась из различных элементов туземных, как и пришлых. Пришлым элементом вошли в состав этой силы заморские варяги, преимущественно скандинавы. Появление этого вооруженного класса в торговых городах сопровождалось тем, что последние подчинили себе свои торговые округа. Это подчинение окрестного населения, для которого город служил торговым средоточием, достигалось неодинаковым способом. В иных местах беззащитные окрестные обыватели добровольно подчинялись большому городу, как укрепленному убежищу в минуту опасности; в других—сами города, пользуясь своей вооруженной силой, насильно подчиняли окрестное население, для которого прежде служили торговыми центрами. Так около половины IX века на Руси обозначается ряд торгово-политических союзов, городовых областей, т. е. промышленных округов, политически подчиненных главным торговым городам. Из всех этих городов с их округами особенное значение для всей полосы равнины, втянутой в торговый оборот, имел город Киев. Он возник

Завоевание, как первоначальное основание политического деления общества в первый период.

Военно-промышленное происхождение Киевского княжества.

с своим торговым округом на самом рубеже степи. Таким образом он служил главными воротами русской торговли, направлявшейся с севера и северо-запада на юг и юго-восток. Торговый оборот на Руси прерывался и останавливался, как скоро степные кочевники захватывали Киев в свои руки. Отсюда вышел общий экономический интерес, который привязывал все торговые города Руси к Киеву. Этот общий интерес состоял в том, чтобы Киев был всегда открыт для русского торгового движения, чтобы мимо него шел свободный путь по степным рекам к каспийским и черноморским рынкам,—следовательно, чтобы в нем находилась сила, способная защищать этот пограничный пункт от внешних врагов. Этот общий интерес и вызвал усиленное сосредоточие в Киеве вооруженного люда, дотоле рассеянного по русским городам. Около Киевского князя, вождя торгово-оборонительной вооруженной дружины, сосредоточивалось наиболее боевых сил, скоплявшихся в стране; помощью этих сил Киевский князь и подчинил себе остальные города и племена восточных славян. Действие общего интереса, созданного экономическим движением, ясно открывается в ходе подчинения русской земли Киевскими князьями, совершившегося в IX и X вв. Племена неодинаково легко принимали на себя киевское иго: одни подчинялись добровольно, другие надобно было завоевывать упорной борьбой. Рассматривая причины этой разницы, находим, что племена или города, охотно признавшие над собой киевскую власть,—кривичи, северяне, поляне,—жили по главной речной торговой дороге, шедшей по Днепру с его северным водным продолжением—бассейном Ильменя. Напротив, племена, упорно боровшиеся с Киевом, жили вдали от этой речной дороги. Значит, киевскую власть охотно признавали нуждавшиеся в ней

племена, которые наиболее участвовали в торговом обороте. Напротив, населения, жившие вдали от этого речного пути и не разделявшие этого общего материального интереса—племена древлян, радимичей и вятичей, не чувствовали охоты признавать власть Киевского князя и упорно с ней боролись. Таким образом, Киевское княжество имело двойное—военнопромышленное происхождение. Оно возникло при содействии общего интереса, созданного торговым оборотом, но этот интерес разделялся далеко не всеми частями русской земли. Эти не разделявшие его части нужно было подчинять силой оружия, завоевывать.

Этнографический и экономический состав общества, объединенного киевскими князьями IX и X вв.

Общество, объединенное властью киевских князей, довольно механически составлено было из очень пестрых этнографических и экономических элементов. Единственный общий интерес, действовавший далеко не в одинаковой мере во всех этих элементах, был материальный, состоявший в охране торговых путей и оборотов. Единственной силой, поддерживавшей союз даже там, где слабо чувствовался этот общий интерес, был вооруженный класс, который образовался под рукой князя Киевского из разнородного бродячего военно-торгового люда, скопившегося в торговых городах Руси. Этот люд был частью туземный, частью пришлый, варяжский. В свою очередь туземное население, городское и сельское, распадалось на несколько племен славянского и финского происхождения. Но с конца X века, когда почти все племена западной полосы стали уже данниками Кивского князя, племенной антагонизм заметно стихает. Варяжские толпы, не переставая приливать на Русь изъ-за моря, мирно уживались с туземцами. Славянские племена, разорванные между городовыми областями, повидимому, начинали забывать свое племенное происхождение. Племенные различия и интересы уступали место

провинциальным, областным. Столь же неопределенны и экономические очертания общества. Торговый капитал продолжал господствовать исключительно, до XI века не встречая соперника со стороны землевладения. „Руссы“, как называет арабский писатель первой половины X века Ибн-Даст верхние слои русско-славянского общества,—эти руссы, по его словам, не имели недвижимого имущества, ни деревень, ни пашен. Единственный их промысел состоял в торговле мехами. Военный класс, с Киевским князем во главе, руководил торговым движением страны и принимал в нем живейшее участие, ежегодно посылая лодки с товарами в Царьград и на другие черноморские и каспийские рынки. Зато и торговые города сохраняли военное устройство, какое усвоили они с начала IX века; образовали они *тысячи* или городовые полки и участвовали в княжеских походах под командой выборных из городового купечества военно-городских старшин—тысяцких и сотских.

Следы сословного деления общества в X и XI вв.

Но среди этого безпорядочного этнографического и экономического брожения в X и XI веках все заметнее начинает выступать наружу политическое разделение общества. Завоевательные походы из Киева на непокорные туземные племена и оборонительная борьба со степными врагами все более размножала вооруженный класс, предводимый Киевским князем, а служба по управлению завоеванными племенами все более обособляла его от управляемого общества, как властителя от данников. Класс этот все резче выделялся из вооруженного купечества торговых городов, с которым он смешивался до тех пор. Еще при князе Владимире Святом *старцы градские*, выборные военные управители торговых городов, заседали в Думе Киевского князя рядом с его дружинниками-боярами. При Ярославе они уже не появляются в боярском совете, даже исче-

зают и из городской администрации: их выборные военно-административные должности замещались княжими боярами по княжому назначению. Так *витязь*, морской наездник, все более отчуждался от *гостя*, вооруженного купца, с которым он прежде шел об руку. Политическое отчуждение начинало отражаться и на хозяйственном быту этих обоих родственных по происхождению классов. При завоевании непокорных племен целые массы пленников становились рабами и делились между завоевателями. Ибн-Даст в немногих словах живо описывает это явление. Руссы, говорит он, производят набеги на славян (т. е. на славян восточных); подъезжая к ним на кораблях, высаживаются, забирают их в плен и продают. Это наблюдение, очевидно, схвачено с завоевательных походов первых киевских князей на славянские племена Днепровья—древлян, северян, радимичей и др. Слова Ибн-Даста подтверждает и наша Начальная Летопись в рассказе о захвате Искоростеня Ольгой в 906 году: Ольга велела одних пленных горожан перебить, других „работе предасть, мужем своим“, т. е. раздала в рабство своей дружине, а остальных оставила на месте платить дань. Таким образом хозяйство военно-правительственного класса все более становилось рабовладельческим. Наполнив холопами свои городские дворы и сбывая излишек на заморских рынках, служилые люди с конца X или начала XI века нашли новое хозяйственное приложение холопскому труду: они начали селить своих холопов на приобретаемых земельных участках, эксплоатируя последние холопьими руками. Так возникло русское частное землевладение, первые неясные следы которого в памятниках являются в самом начале XI века. Землевладение еще резче обособило служилый класс от высшого городского купечества. Все это

питало в военно-правительственном классе чувство политического превосходства над остальным обществом. Этим чувством и ассимилировались разноплеменные элементы, из которых складывался этот военно-правительственный класс. По мере усиления внешней борьбы, которую должны были вести киевские князья, в состав этого класса вытягивались боевые силы из разных племен, им подвластных. Владимир, после принятия христианства, начавши окружать Киев цепью укрепленных городков со стороны степи, вербовал в их гарнизоны лучших людей из новгородцев, кривичей, чуди, вятичей и других. Сплоченный этим чувством политического превосходства, военно-правительственный класс усвоил себе сословное название Руси. Русь в X веке—термин не этнографический и не географический, а социальный, обозначавший господствующее сословие. До сих пор не объяснено этимологическое происхождение этого слова. Под таким именем знают господствующий класс на Руси византийские и арабские писатели X века; этим именем называет его и наша древняя „Повесть Временных Лет", составляющая введение в Начальную Летопись. Разсказав о том, как Олег утвердился в Киеве в 882 г., „Повесть" так характеризует состав его дружины: „беша у него Варязи и Словени и прочи, прозвашася Русью". Итак Русью стали зваться по преданию Повести вооруженные разноплеменные соратники Олега, вместе с ним занявшие Киев.

Таковы признаки политического расчленения русского общества в X и XI веках. Вы видите, что этим расчленением двигало завоевание; но, служа рычагом общественнаго деления, завоевание не было его первоначальным источником. Завоевательная роль военно-правительственного класса была подготовлена его экономическим значе-

нием, раньше создавшимся. Прежде, чем стать с оружием в руках над покоренным населением страны, этот класс стянул в своих руках нити его хозяйственного оборота. Из этого сложного экономического и политического процесса и вышло довольно резкое сословное деление, какое открывается в памятниках XII века, преимущественно в Русской Правде, окончательную редакцию которой я отношу к этому столетию. Согласно с двойным происхождением киевского княжества, военно-промышленным, и это сословное деление имело двойное основание.

Лекция VI.

Сословия по Русской Правде: *княжие мужи*, *люди*, *холопы*. Источники холопства.—Политическое основание этого деления.—След более раннего деления, имевшего иное основание: значение огнищан.—Экономические подразделения основных политических классов: *бояре*, *смерды*, *закупы* и *боярские тиуны*.—Связь экономических различий с юридическим неравенством, как основание этих подразделений.—Три момента в ходе сословного образования русского общества в первый период.

Сословия по Русской Правде. В Русской Правде очень явственно обозначены три класса, на которые распадалось русское общество ее времени: это *княжие мужи*, *люди* и *холопы*. Эти классы отличались неодинаковой оценкой их значения перед законом, выражавшейся в неодинаковой заботливости, с какою закон охранял личную безопасность людей этих классов. Так убийство княжого мужа наказывалось двойною уголовной пеней (*вирой*); убийство людина простой, а за убийство холопа не назначалось вовсе уголовной пени, но взыскивался только гражданский штраф (*продажа*) с вознаграждением господина за вред, причиненный чужому имуществу. Закон различно ценил эти классы по свойству отношений, в каких они стояли к князю, т.-е. к верховной власти.

Княжие мужи. Княжие мужи несли личную службу князю, люди платили ему дань, наконец холопы не несли никаких государственных повинностей, служа частным лицам и не имея

прямого отношения к князю. Впрочем, кроме этой оценки жизни Правда не обозначает никаких других сословных прав—ни гражданских, ни политических, которыми различались два свободные класса княжих мужей и людей. От этого, при ясном разграничении основных сословий, остаются неясны юридические особенности некоторых мелких классов, обозначающихся в их составе. Так, не все свободные слуги князя считались княжими мужами: к последним причислялись только высшие военно-правительственные сановники, а рядовые ратные люди князя и низшие дворцовые слуги, конюхи, повара, сельские приказчики по тарифу жизни уравнивались с простыми людьми, сходясь с княжими мужами только в личной службе князю. Они объединялись с этими мужами общим сословным названием дружины, но отличались особыми званиями *молодшей дружины*, *отроков* или *детских*. Напротив, *люди*—податное простонародье—отличались от низшей дружины своим отношением к князю: как плательщики податей, они относились к князю не одинокими лицами, подобно служилым людям, а целыми мирами, городскими или сельскими обществами, связанными круговой порукой в уплате податей и мирской ответственностью за полицейский порядок (*дикая вира* Русской Правды). Холопство является в Русской Правде суровым институтом с резко очерченными границами. Холоп, ударивший свободного человека, еще при Ярославе мог быть за то убит безнаказанно потерпевшим. Правда не различает видов холопства: она знает одно холопство *обельное* (облое—круглое), т.-е. полное, вечное, потомственное и наследственное; как зависимость холопа переходила от него на его потомство, так и право на холопа передавалось господином своим наследникам. Рабовладение успело выработать довольно разнообразные источ-

Люди.

Холопы.

Источники холопства.

ники холопства. Их было два ряда: холопами делались или по закону или по договору. Принудительное холопство по закону создавалось четырьмя случаями: 1) пленом, 2) преступлениями, за которые закон навсегда лишал преступника свободы, напр., разбоем, поджогом, конокрадством, 3) несостоятельностью купца-должника по его вине, если кредиторы не соглашались ждать уплаты долга, и 4) происхождением от холопа. Добровольное холопство по договору создавалось тремя способами: 1) продажей в холопство, 2) женитьбой на холопке без уговора с ее господином, ограждающего свободу жениха, и 3) вступлением в частную дворовую службу приказчиком или ключником без такого же уговора слуги с хозяином. Холопство в Русской Правде является с такими резкими чертами неволи, которые лишали холопа значения лица в юридическом смысле слова, приближая его к вещи, к домашнему скоту. Но так как закон определял положение холопов, их отношение к господам, источники и границы холопства, то, очевидно, он рассматривал это состояние как особый класс в составе русского общества, отличавшийся от других классов тем, что он не имел прямого отношения к государственной власти, а связан был с нею через посредство господ, которым служили холопы.

Политическое основание сословного деления Русской Правды.

Так гражданское общество по Русской Правде делилось на людей свободных, лично служивших князю, на свободных, плативших ему дань миром, и на несвободных, служивших частным лицам. Отношение первых к князю было *личное*, вторых — *коллективное*, третьих — *посредственное*.

След более раннего деления.

В Русской Правде уцелел неясный след, указывающий приблизительно на время, когда устанавливалось такое общественное деление. Узнаем, что оно было не особенно

давнего прохождения. В одном списке Правды сохранился ряд статей, в которых изложены постановления, состоявшиеся на съезде старших сыновей Ярослава. Эти статьи составлены, вероятно, в конце XI или в начале XII века и в измененном виде вошли в окончательную редакцию Правды, составленную в конце XII века, перемешавшись в ней со статьями разновременного происхождения. Отсюда узнаем, что еще во второй половине XI века, при сыновьях Ярослава, не был окончательно определен состав привилегированного класса княжих мужей. Русская Правда причисляет к лицам, убийство коих оплачивалось двойной уголовной пеней, и *тиуна конюшего*, т.-е. главного приказчика княжеских табунов. Одна из статей, излагающих постановления съезда, гласит, что двойную пеню за убийство *конюха старого у стада* установил впервые старший сын Ярослава Изяслав судебным приговором по делу о своем конюхе, убитом жителями Дорогобужа. „Конюх старый у стада“ это, очевидно, тиун или староста конюший, о котором говорит как о привилегированном княжом муже окончательная редакция Русской Правды.

имевшего иное основание.

Статьи, излагающие постановления съезда, сберегли намек и на общественное деление, предшествовавшее тому, которое обозначено в окончательной редакции Русской Правды. Эти статьи еще не знают класса княжих мужей: там, где окончательная редакция упоминает об этом классе, они говорят об *огнищанах*. Только в одной статье, заимствованной из постановлений съезда, окончательная редакция повторила этот термин, не заменив его званием княжа мужа [1]). Очевидно, во второй половине XII века, когда составлялась окончательная редакция Правды, слово

[1]) Русская Правда, изд. Калачева. слич. I, 32 с II, 72.

огнищанин было обветшалым термином, повторявшимся по привычке, но уже вытеснявшимся из ходячего юридического языка. Объяснение этого термина затруднялось неизвестностью древнего значения термина *огнище*. Один памятник объясняет это значение. В XI веке на Руси было списано с болгарской рукописи несколько слов Григория Богослова, переведенных для болгар; но в русском списке встречаются вставки и переделки, произведенные, очевидно, русской рукой. В одном из этих слов термином „огнище„ переведено греческое ἀνδράποδα (единств. ч. ἀνδράποδον) — рабы, челядь. Значит, огнищанин — рабовладелец. Если Русская Правда дает огнищанину привилегированное положение, какое в ее время занимали княжие мужи, то в этом надобно видеть ее воспоминание о том времени, когда такое положение создавалось условием экономическим, а не политическим, не службой князю, а рабовладением,—точнее говоря, когда рабовладение служило самой характерной особенностью господствующего класса. Таким временем были IX и X века, когда Киевский князь с своею дружиной завоевывал непокорные племена Руси, обращая пленных в рабство, когда, по приведенному выше замечанию Ибн-Даста, арабского писателя первой половины X века, Русь делала набеги на славян, подъезжая к ним на кораблях, забирала их в плен и продавала. Тогда огнищанами преимущественно были те же княжие мужи, обладатели военной добычи; но их ставила во главе общества еще не служба князю, а обладание этой добычей, т.-е. не право, а сила. Тогда привилегированным считался не правитель, а завоеватель. Так в древнейшем туземном памятнике права вскрывается первоначальное основание общественного деления и этим основанием является завоевание. Из того же сопоставления

Значение огнищан.

окончательной редакции Правды со статьями съезда Ярославичей оказывается, что XI век был временем, когда русское общество, делившееся первоначально на завоевателей и побежденных, превратилось в союз управителей и управляемых.

Экономические подразделения основных политических классов.

Но и этот преобразившийся общественный состав недолго сохранял свою первоначальную простоту. В Русской Правде, особенно в ее поздних статьях, сохранились следы дальнейшего общественного деления. В составе основных сословий стали обозначаться новые классы, и признаки, их обособлявшие, не похожи на те, которыми различались основные сословия. Так, среди княжих мужей появляются *бояре*. Русская Правда едва знает это состояние и обозначает его такими бледными чертами, по которым с трудом можно распознать его юридический и экономический облик. Она говорит о боярскихъ холопах, о боярском сельском или земледельческом приказчике и наемном работнике [1]). Очевидно, Русская Правда придает боярину значение крупного привилегированного рабовладельца и землевладельца; такое значение сохранял этот термин и в русском гражданском праве позднейших веков. Далее, в сословии *людей* выделяются два особые класса *закупов* и *смердов*. Появление тех и других, повидимому, было связано с выделением класса бояр. По некоторым указаниям можно думать, что первоначальным рабочим населением боярских вотчин была челядь, руками которой землевладельцы эксплуатировали свои земли. Но чем более развивалось боярское землевладение, тем больше привлекали бояре на свои земли хлебопашцев из свободного населения. Эти хлебопашцы получали от землевладельцев ссуду

Бояре.

---

[1]) Там же, II, 42 и 11.

на обзаведение и земельные участки в пользование, которые обрабатывали барским скотом и барскими орудиями; за что работали на землевладельца. Такие работники-арендаторы и носят в Русской Правде название *ролейных* (пахотных) *закупов* или *наймитов*. Состояние закупов помогает объяснить значение класса *смердов*, очень неясно обозначеннаго в Правде. Этому термину Правда, повидимому, придает двоякое значение: свободного простолюдина вообще и свободного крестьянина в частности. Правда указывает на ближайшее отношение смерда к князю: князь наследовал имущество смерда, не оставившего после себя сыновей. Позднее в новгородской и псковской областях XIII и XIV веков смердом назывался вольный хлебопашец, пользовавшийся казенной землей, т.-е. государственный крестьянин. Повидимому, такое же значение имел этот термин и во времена Русской Правды: так назывался вольный хлебопашец, живший на княжеской земле. Когда княжеская власть укрепилась, в состояние смердов попали все свободные сельские обыватели, жившие на землях, непринадлежащих частным владельцам, потому что все такие земли были признаны княжескими, государственными. Этим и отличались смерды от закупов. Наконец, в составе холопства Русская Правда различает разряд высших холопов, отличавшихся от простых чернорабочих невольников тем, что им господа поручали должности по управлению своими имениями. Этот класс носит в Правде название *боярских тиунов* (приказчиков).

Закупы. Смерды. Боярские тиуны.

Перечисленные классы по происхождению своему не были новыми сословиями, отличными от тех, на какие делилось общество по свойству отношений лиц к князю. Это были различные экономические положения, в которые становились лица тех же сословий. Бояре были те же княжи

Связь экономических различий с юридическим неравенством.

мужи или члены дружины, только приобретавшие земельную собственность. Смерды были свободные „люди", отличавшиеся от других лиц этого сословия, свободных тяглых горожан, тем, что они занимались хлебопашеством, обрабатывая участки государственной земли своим инвентарем. Закупы были те же смерды, только работавшие на землях частных владельцев и не имевшие своего инвентаря или земледельческого капитала, которым ссужали их землевладельцы. Боярские тиуны отличались от рядовых холопов тем, что управляли привилегированными боярскими хозяйствами и за то пользовались некоторыми имущественными льготами, каких не имели чернорабочие холопы. Но эти хозяйственные состояния в Русской Правде уже разделены юридическим неравенством: различием прав. Бояре пользовались преимуществом, в силу которого могли завещать свое движимое и недвижимое имущество дочерям, если не оставляли после себя сыновей. Напротив, имущество смерда, умиравшего бессыновным, его участок, двор и движимость, переходило к князю; только незамужние дочери, остававшиеся после смерда, получали часть его движимости. Это ставило смерда ниже других „людей", свободных тяглых горожан, которые по Русской Правде, наравне с служилыми людьми, могли завещать свое имущество детям, а при их отсутствии родственникам, как хотели. Еще ниже смердов стояли закупы. Смерды, несмотря на ограничение права завещания, оставались лично-свободными людьми. Ссуда делала закупов должниками владельцев и ставила их в личную зависимость от последних, сообщая им характер полусвободных людей. Такой характер этого состояния обнаруживался в том, что, во-первых, хозяин пользовался правом подвергать своего закупа телесному наказанию за вину; во-вторых, закуп мог быть свидетелем на суде только в

Как основание этих подразделений.

незначительных тяжбах и при отсутствии свидетелей из свободных лиц; в третьих, закуп не отвечал сам за некоторые свои преступления, напр., за кражу: пеню за него в таком случае платил хозяин, который за то превращал его в полного своего холопа. Из этих ограничений свободы закупа видно, что, несмотря на долговое обязательство и обусловленную им обязательную работу закупа на господина, первый не считался холопом последнего. Закуп по Русской Правде мог всегда прекратить свою зависимость от господина, заплатив ему долг, и закон ставил известные пределы судебной власти господина, как и его праву на труд закупа. Но те же ограничения свободы последнего указывают на усилия владельцев сравнять закупов с своими сельскими холопами. Наконец боярские тиуны, оставаясь холопами, пользовались некоторыми правами свободных лиц и тем приближались к состоянию закупов: суд принимал его свидетельское показание „по нужде“, когда не было свободных свидетелей; за убийство тиуна, как и свободного простолюдина, закон назначал сорокагривенную уголовную пеню, а не двенадцатигривенный штраф, как за убийство простого холопа. Итак, закон придавал неодинаковое юридическое значение лицам, различавшимся хозяйственным положением.

Таким образом новое экономическое деление общества, обозначившееся в пределах прежнего юридического, в свою очередь стало превращаться также в юридическое. Но это новое деление не вполне совпадало с прежним, было дробнее его. Оно разбивало общество не на три сословия, как прежнее, а на шесть состояний: это были бояре, свободные тяглые горожане, смерды—свободные государственные крестьяне, закупы—полусвободные владельческие крестьяне, боярские тиуны—привилегированные холопы и, наконец, ря-

довые холопы. Самое основание этого нового деления было не то, на каком держалось прежнее. Три прежние класса различались политическими признаками—неодинаковым отношением лиц к князю и неодинаковым отношением княжеского закона к лицам. Неодинаковое отношение лиц к князю выражалось в различии государственных повинностей, падавших на людей служилых, тяглых и холопов; неодинаковое отношение закона к лицам выражалось в различной цене, какую давал закон лицам разных классов по свойству их отношений к князю, неодинаково наказывая за их убийство. Но мы видели, что с этой оценкой Правда не соединяла никаких других прав, которыми различались бы свободные классы княжих мужей и людей. Новые, более дробные, классы, различались двумя другими признаками, экономическим и юридическим: различием имущественных состояний и соединенным с ним неравенством гражданских прав. Таким образом различие прав вырабатывалось не из отношений общества к верховной власти, а из экономических отношений лиц между собою, из имущественного неравенства людей. Очевидно, это была новая, более сложная формация общества, выработавшаяся путем дальнейшего дробления из того общественного склада, какой установился в XI веке. Отношение этой новой формации к прежнему складу можно обозначить так: *русское общество, в XI веке, делившееся по государственным обязанностям на три класса, в XII веке стало делиться еще по гражданским правам на шесть классов.*

Итак, в продолжение перваго периода преемственно обозначились три формации русского общества, из которых каждая следующая была осложнением предыдущей. Первоначально общество распалось на два класса—на завоевателей и побежденных. Потом общество разделилось на три

Три момента в ходе сословного образования русского общества в

Первый период. части—на военно-правительственный класс, свободное простонародье и крепостную челядь. Наконец, эти три класса подразделились на привилегированных землевладельцев, свободных горожан, государственных крестьян, владельческих крестьян и на холопов, привилегированных и рядовых. Первая формация строилась вооруженной силой, завоеванием, вторая—законодательной властью, которая создана была этой силой, третья—работой капитала, т. е. народно-хозяйственным оборотом, который установлен был завоеванием, и общественные последствия которого должна была признать законодательная власть. Таким образом завоевание послужило исходным пунктом сословного процесса, совершавшегося в первый период, и направляло его во всех моментах, последовательно им пройденных.

Но несколько позднее этого процесса, вышедшего из завоевания, начался другой, источником которого служил другой факт и который внес глубокие перемены в общественный склад, создавшийся под влиянием завоевания. Этим фактом было распространение христианства на Руси с конца X века.

Лекция VII.

Положение церкви в русском обществе в первые века христианства на Руси.—Состав церковного общества.—Сходство его с государственным по составу и отличие от него по устройству.—Отношеніе церковного деления общества к политическому.—Действие церкви на состав государственного общества.—Перемены, внесенные ею в русское рабовладельческое право: 1) обычай благотворительного освобождения по завещанию, 2) случаи обязательного дарового отпуска на волю и 3) принудительный выкуп на волю.—Следствия этих перемен для личного и имущественного положения холоповъ.—Выводы из сказанного.

Положеніе церкви в русском обществе в первые века христианства на Руси.

Рядом с тем делением, какое вносилось в общество государством XI и XII веков, и церковь делила его по-своему. Христианская церковь явилась на Русь вполне организованным учреждением, с выработанными источниками права. Эти источники были двоякие: церковные каноны и византийские императорские законы с перебранными в них остатками римского права. Первые были для церкви обязательным руководством, вторые имели только авторитет привычной традиции и юридической выработки. Применение тех и других к жизни русского общества создавало много затруднений. По отношению к русскому праву те и другие источники представляли более новизны, чем противоречий, устанавливая такие отношения, которых не знала русская жизнь или не считала доступными юридической нормировке. Русь, на-

пример, не понимала, как может быть поводом к судебному иску брань, не причиняющая ни личного, ни имущественного вреда. Поэтому церкви приходилось более созидать, чем реформировать, более бороться с юридическим непониманием, чем с юридическими предразсудками. Это и определило ея образ действий. Она не столько противодействовала встреченному на Руси порядку, сколько приноравливалась к нему; терпеливее относилась к положительным порокам, чем к отрицательным недостаткам; ее более огорчало равнодушие к новому, чем упорство в старине.

Состав церковного общества.

Точно так же она действовала и в устроении общества. С принятием христианства постоянно возникали отношения, не укладывавшиеся в рамки установленного порядка. Из общественного строя выпадали лица, с которыми закон не знал, что делать. Сирота, увечный, больной, вольноотпущенный набожного новокрещенного господина не знали к какому пристать классу, и во имя христианского сострадания вопияли о помощи. Все такие брошенные общественные элементы и вошли в состав нового класса русского общества, получившего название *церковных* или *богадельных людей*. Этих богадельных или церковных людей государство охотно предоставило исключительной заботливости церкви. Это общество было очень пестро по своему составу. Его части обыкновенно перечислялись в церковных уставах, которыми христианские князья Руси, начиная с первого из них—Владимира Святого, определили положение церкви в своем государстве, указывали судебно-полицейские и благотворительные дела, которые поручались церковной власти, и выделяли ей из своих имений и доходов материальные средства, необходимые для ведения этих дел. По признакам, какими условливалась принадлежность лиц к церковному обществу, в составе последнего можно различить такие разряды:

1) *Лица черного и бѣлого духовенства* с семьями последнего. Назначение этих лиц—руководить христианами на пути душевного спасения совершением таинств, пастырским словом и живым назидательным примером. То и другое духовенство составлялось из лиц разных классов гражданского общества, начиная с князей и кончая холопами. 2) *Миряне, служившие материальным нуждам церкви.* В древних церковных уставах из таких слуг обыкновенно упоминаются просвирни и свещегас (церковный служитель при богослужении). К этому разряду можно причислить и *прикладней*—холопов, пожертвованных церкви. Она обыкновенно возвращала таким холопам личную свободу и назначала на службу при церковных учреждениях, которым они были пожертвованы. 3) *Миряне, занятия которых подлежали ближайшему наблюдению духовенства* по их тесной связи с ведомством церкви. Таковы были повивальные бабки и врачи—„бабы вдовицы“ и „лечцы“, как тогда говорили. Те и другие помогали духовенству следить, все ли новорождающиеся принимают крещение, а умирающие напутствуются по церковным правилам. В первую пору христианской жизни Руси, когда многие, наружно принявши новую веру, уклонялись от предписываемых ею обязанностей, такое наблюдение было очень важной заботой церкви. Кроме того, врачи были обязаны служить в больницах, которые заводила и содержала церковь. 4) *Миряне, вследствие болезни или увечья лишавшиеся способности работать* и нуждавшиеся в благотворительной поддержке—слепые, хромые, вообще калеки. 5) *Миряне, из набожных побуждений* добровольно становившиеся или чужой волей поставленные в такое положение, которое делало для них необходимой *юридическую защиту или материальную помощь*. Таковы были *паломники*—путешественники-богомольцы, *странники*, питавшиеся подая-

нием и для того становившиеся при храмах во время богослужения; *прощеники* или *пущеники*—холопы, отпущенные на волю при жизни господина благотворительным образом, без выкупа. Затем, *задушные люди*—рабы, получавшие свободу по завещанию на помин души. Наконец 6) *миряне, по собственной вине или несчастной случайности принужденные выступить из своего состояния и лишиться соединенных с ним прав или средств к жизни.* Таковы были сыновья духовных лиц, по безграмотности лишавшиеся возможности вступить в духовную службу; купцы, становившиеся несостоятельными должниками и с потерей капитала принужденные прекратить торговлю; холопы, выкупавшиеся на волю и остававшиеся без общественного положения и определенного рода жизни. Наконец, князья, преждевременно сиротевшие и остававшиеся без княжества, выпадавшие из владельческой очереди, по которой потомки Ярослава занимали княжеские столы в русской земле. Безграмотные сыновья духовенства, обанкрутившиеся купцы, выкупившиеся на волю холопы и преждевременно сиротевшие князья—эти четыре разряда лиц носили в древне-русском праве XII века название *изгоев*. К ним можно причислить и лиц монашествующего духовенства, которые слагали с себя иночество и возвращались в мир. Этот разряд лиц в одном из списков устава Владимира Святого обозначается словами: „кто порты чернеческие свержет“.

Таков состав церковного общества по княжеским уставам XI и XII веков. Я намеренно подробно перечислил его составные элементы, чтобы нагляднее обозначить его пестроту. Наружная юридическая особенность, которой оно отделялось от гражданского общества, состояла в подсудности. По всем делам, по которым светские люди ведались в княжеском суде, люди церковные судились ду-

ховными судьями — митрополитом и епископами, либо их уполномоченными. С течением времени церковное общество стало еще сложнее; особенно расширился разряд церковных слуг. Когда церковные учреждения стали приобретать недвижимые имущества, крестьяне, селившиеся на церковных землях, также получили характер церковных людей, подлежали полной либо ограниченной юрисдикции церковных землевладельцев по уголовным и гражданским делам. Для управления церковными землями и благотворительными учреждениями, порученными церкви, для ведения дел сложной церковной юрисдикции, с течением времени образовался многочисленный штат светских слуг церкви, таких же служилых людей, какие были орудиями княжеского, государственного суда и управления, и с одинаковыми званиями бояр, стольников, дворян и т. д. Митрополичьи бояре и слуги впоследствии даже участвовали в вооруженной защите страны вместе с княжескими ратными людьми, ходили в походы под командой особого митрополичьего воеводы.

Сходство церковного общества с государственным по составу.

Все это делало церковное общество по составу очень похожим на государственное; за исключением самого духовенства, первое—церковное общество—состояло из таких же точно элементов, какие входили в состав второго. У церкви были свои бояре и вольные слуги, свои крестьяне и даже горожане, потому что она владела не только селами и деревнями, но и целыми городами. Еще в начале XIII века епископ владимирский Симон в послании к киево-печерскому монаху Поликарпу писал о кафедральных церквах своей епархии, церкви владимирской и церкви суздальской, сколько имеют они городов и сел, и всем этим владеет „моя худость“. В уставе князя Всеволода даже предполагается возможность церковных бо-

гадельных князей. Таким образом церковное общество не входило в общий строй государственного, как однородное, цельное сословие, не становилось в один ряд с другими его классами, а выделялось из него, как особое, параллельное ему общество. Духовенство, руководимое всероссийским митрополитом, стояло во главе этого общества как правящий класс, как власть, у которой были свои органы управления и свои подвластные. Итак, церковное общество XI и XII веков нельзя назвать сословием.

Отличие церк. общества от государственного по устройству.

Но, при сходстве в составе, церковное общество резко отличалось от государственного по своему устройству. Основания того и другого были совершенно различны. Положение лица в государственном обществе определялось его правами и обязанностями или его экономическим состоянием; положение лиц в церковном обществе определялось их нравственно-религиозным назначением или степенью нужды в чужой помощи. Наибольшей властью в нем облекались лица, отказывавшиеся от всех благ мира— монахи-иерархи. Наиболее привилегированными, т. е. наименее обязанными, считались в нем люди наиболее беспомощные — убогие и безприютные. Если государственное общество было похоже на тогдашний большой русский дом с хозяином, приказчиками и рабочими слугами, то общество церковное было устроено по образцу богадельни, в которой, по евангельскому слову, хотящий быть больше всех должен стать слугою всех. Таким образом церковь осложнила общественное деление, внесла в него новые мотивы, поставила общежитию неведомые задачи и, согласно с ними, заставила людей установиться в новые ряды и шеренги.

Отношение церковного деления обще-

Легко заметить, что она делила общество совсем не в том направлении, как государство: последнее резало его горизонтально, на политические и эко-

номические слои, лежавшие один на другом; церковь, напротив, делила общество вертикально, сверху вниз, отрезывая куски от разных общественных классов и для своих целей расставляя их совершенно не в том порядке, в каком расставлял их государственный закон.

ства к политическому.

Но, поставив рядом с государственным обществом свое особое общество, состоявшее из одинаковых элементов, но устроенное на иных основаниях, церковь оказала сильное действие и на состав самого государственного общества. Переработку последнего она вела снизу, с класса, лежавшего в самой глубине его и, следовательно, наиболее обремененного — с холопства. Она произвела в русском рабовладельческом праве такой решительный перелом, которого одного было достаточно, чтобы дать церкви место в ряду главных сил, созидавших наше общество. Этот перелом обозначился тремя переменами.

Действие церкви на состав государственного общества.

Во-первых, церковь ввела в русское общество обычай благотворительного освобождения рабов по завещанию. Этот обычай был принесен из византийского общества, где его источником было внушаемое христианам сознание нравственной несправедливости рабства. Это сознание успело давно проникнуть в византийское законодательство. Закон императора Константина Багрянородного, относящийся к половине X века, постановил посвящать Богу треть имущества, оставшегося без прямых наследников. В состав этой трети отчислялись все рабы, оставшиеся после умершего, которые при этом получали свободу. Мотивируя этот закон, император признал наследственность рабства учреждением богопротивным и бессовестным. Допустить, говорил закон, что и самая смерть господина не разбивает тяготеющих на рабе оков, значило бы оскорбить святость Божию, мудрость государя, самую совесть человека. Дей-

Перемены, внесенные церковью в русское рабовладельческ. право.

1. Обычай благотворительного освобождения по завещанию.

ствуя во имя этих понятий, духовенство рано, путем исповеди и участия в составлении завещаний, укрепило среди рабовладельцев обычай отпускать по смерти свою челядь или часть ее, чтобы создать из отпущенных вечных богомольцев за освободителя.

2. Случаи обязательного дарового отпуска на волю.

Вторая перемена состояла в установлении случаев обязательного дарового отпуска холопов на волю. Церковь успела установить в XI и XII веках три таких случая. 1) Раба, прижившая детей от собственного господина, по смерти его обязательно освобождалась вместе с прижитыми детьми. 2) Свободный человек, совершивший насилие над чужой рабой, тем самым делал ее свободной. 3) Холоп или раба, которым причинено увечье по вине их господина, становились свободными. Два первые случая обязательного дарового освобождения не были заимствованы прямо из греко-римского права: они были плодом самостоятельного опыта руского духовенства в применении греко-римского и церковного права к туземным нравам. В греко-римском праве очень точно была определена зависимость юридического положения детей от юридического состояния их родителей; это определение основывалось на возможности или невозможности законного брака между лицами разных состояний, на которые делилось римское общество. Здесь действовало правило: если родители были люди разных состояний, между которыми закон допускал брак, то дети наследовали состояние отца; в противном случае—состояние матери. Так, закон не допускал правильного брака свободного лица с несвободным; поэтому дети свободного и рабы рождались рабами, дети свободной и холопа—свободными Эти определения имели целью оградить интересы, связанные с правами римского гражданства, от слишком обильного прилива чуждых элемен-

тов в состав гражданства. Византийское законодательство усвоило себе эти римские постановления и, переработав их, вносило в византийские кодексы, например в Эклогу, кодекс VIII века, и в Прохирон, кодекс IX века. Христианская церковь была равнодушна к языческим институтам, которые ограждались этими определениями; но она старалась усвоить и охотно принимала лишь те из них, под защиту которых можно было поставить более дорогие ей интересы. Так, не отвергая прямо неравных браков, т. е. брачных союзов лиц различных состояний, между которыми римское право не допускало законных браков, церковь, в интересе чистоты семейных нравов, провела в упомянутые кодексы постановление, в силу которого конфисковалась по закону раба, ставшая наложницей женатого господина: местный правитель обязан был продать такую соперницу домохозяйки в пользу казны за границу области. Далее под влиянием духовенства, получил более широкое действие в греко-римском праве особый способ отпуска рабов на волю, носивший название *молчаливого освобождения* — σιωπηρὰ ἐλευθερία, tacita libertas. Такое освобождение имело место в том, например, случае, когда господин вступал в связь, как с женой, с выкупленной им пленницей. Пленница получала свободу в силу презумпции, т. е. юридического предположения, что господин, вступая с ней в связь, тем самым прощал ей стоимость выкупа и, следовательно, возвращал ей свободу. В древнерусском обществе долго и по принятии христианства господствовали чрезвычайно неопрятные отношения к холопкам. Духовенство не имело прямых средств бороться с этим обычаем; оно подступило к нему осторожно, со стороны. Щадя местные привычки и не покидая принесенных из Византии понятий о значении общественных состояний

в брачных отношениях, церковь не принуждала неженатого господина закреплять свою связь с рабой женитьбой на ней и не разрывала насильственно связи с ней женатого господина; она оставляла рабу-наложницу при том и другом до его смерти. Но, применяя к таким связям римскую презумпцию молчаливого освобождения, она требовала, чтобы раба, прижившая детей со своим господином, по смерти его получала свободу, право на которую она приобрела самой связью с ним. Это право переходило с матери и на прижитых ею детей. Последовательно развивая ту же презумпцию, духовенство русское прилагало ее и к случаям насилия, совершенного свободным человеком над чужой рабой: такая раба получала свободу независимо от того, сопровождалось ли насилие известным положением или нет, т. е. учинивший насилие делжен был выкупить ее у господина. Так сложилась в нашем праве норма, выраженная в известной статье Русской Правды, которая гласит, что дети рабы, прижитые от господина, не участвуют в разделе оставшегося после него наследства наравне с законными наследниками, но получают свободу вместе с матерью. Впрочем, Русская Правда не досказала всего: духовенство добилось большего. В Византийском законодательстве было точно определено, какую часть отцовского имущества и в каких случаях получали незаконные его дети. Применяя эти византийские постановления, и русское духовенство провело в законодательство „урочную прелюбодейную часть“, которая обязательно выдавалась детям рабы из имущества прижившего их господина их матери. Эта урочная прелюбодейная часть является как обязательное постановление в церковном новгородском уставе Всеволода Мстиславича 1130-тых годов. Я изложил историческое происхождение

двух случаев обязательного дарового отпуска холопов на волю, чтобы показать, как русское духовенство применяло греко-римское и церковное право к местным общественным условиям.

Принудительный выкуп холопов на волю.

Третья перемена, внесенная церковью в русское рабовладельческое право, состояла в установлении принудительного выкупа холопа. Греко-римское право в иных случаях обязывало господина отчуждать своего холопа, получая за него вознаграждение или выкуп. Таких случаев было два: жестокое обращение с холопом и выкуп пленника; в первомъ случае господина принуждали продать холопа в другие руки,—во втором сам холоп мог выкупиться без согласия господина. Как известно, по греко-римскому праву свободный человек, попавший в пленъ к неприятелю, считался рабом и в своем отечестве. Тогда все права, которыми он пользовался дома, приостанавливались до его возвращения. Если соотечественник выкупал такого пленника, последний становился в личную временную зависимость от него, которую мог прекратить по своей воле, уплативши ему условленную сумму. Если он не был в состоянии уплатить ее, он оставался у выкупившего как бы наемным работником, и тогда судебным порядком определялось, по скольку зачитать пленнику в счет выкупной суммы каждый год его работы. К русскому рабовладению X—XII веков удобно применялось это греко-римское постановление о выкупе пленных. Огромное количество русских рабов получалось из туземного населения; князья и их дружины, завоевывая непокорные племена или враждуя между собою, массами обращали туземцев в рабство, продавая их туземным же купцам. Применяя к этим пленным туземцам греко-римское постановление, церковь и дала широкое действие обязательному выкупу са-

мими холопами своей свободы. Свободный человек, продавшийся в рабство, мог возвратить себе свободу, уплатив хозяину сумму, за которую тот купил его. Действие этого права мы открываем в памятниках XII и XIII вековъ. Легко видеть, как изменилось юридическое значение продажи свободного лица в рабство: эта продажа обратилась в долговое обязательство, создавшее временно-обязанное состояние, которое холоп мог прекратить уплатой долга. Из этой перемены с течением времени и развились сложные сделки о срочной или бессрочной зависимости, обезпеченной личным закладом и въ удельные века образовавшей особое полусвободное состояние *закладней*. С появлением мысли об условной зависимости из холопства изъяты были некоторые виды неволи. Русская Правда, указывая основные источники холопства, обозначает три вида личной зависимости, которые она не признает холопством: это, во-первых, отдача детей родителями в работу, во-вторых, вступленіе свободного человека в личное услужение за один прокорм, и, в третьихъ, вступление въ такое услужение за прокорм с *придатком*, т.е. с платой, выдаваемой вперед в виде ссуды. Эти виды зависимости уРсская Правда характеризует одной общей чертой: дослужив до условленного срока, такие слуги могли отходить от хозяев, ничего не платя им; но они могли уйти и до срока, только уплатив ссуду или вознаградивъ хозяина за прокорм по условию. Прежнее русское рабовладельческое право не признавало таких видов условной зависимости.

Следствия перемен в рабовладельческом праве для личного и имуществ.

Вот главные перемены, внесенные церковью в русское рабовладельческое право. Она существенно изменила юридическій характер русского холопства. Прежде это холопство отличалось цельностью, однообразиемъ и безусловностью; къ нему была вполне приложима встречаемая в

Прохироне характеристика греко-римского рабства: „рабство неделимо“. Состояние рабов не допускает никаких различений. Про раба нельзя сказать, что онъ раб больше или меньше. Теперь в русское холопство внесены были различия и условность: рядом с полнымъ холопством появляется зависимость ограниченная. Эти перемены и сделали возможным появление описанных выше двух переходных состояний закуповъ и привилегированных холопов, т.-е. боярских тиунов, из которых первые не делались холопами, несмотря на свою личную зависимость от хозяев, а вторые пользовались некоторыми правами свободных людей, несмотря на свое холопство. Всем этим было положено начало разложения древне-русского холопства. Вместе с этим разложением росло и юридическое значение личности холопа. Дети Ярослава запретили дозволенное прежде законом убийство холопа за удар, нанесенный им свободному человеку. В Смоленском Договоре с немцами 1229 г. назначена даже денежная пеня за удар, нанесенный холопу свободным человеком. Вместе с юридическим значением личности холопа укреплялось и его имущественное положение. Первоначально холоп не мог иметь ничего своего. Все, что он приобретал, принадлежало его господину. Но с течением времени имущество холопа (*отарица* Русской Правды, римское peculium) стало считаться его собственностью, хотя и ограниченной, неполной. В упомянутом Смоленском Договоре есть статья, из которой видно, что долг холопа, княжеского или боярского, свободному человеку обязан платить тот, к кому переходило по наследству имущество должника. Значит, имущество, по крайней мере, некоторых привилегированных холопов переходило по наследству одинаковым порядком с имуществом свободных людей.

положения холопов.

Выводы из сказанного.

Таково было действие церкви на состав общества; оно было двоякое: 1) церковь усложнила общественное деление, поставив рядом с государственным обществом другое, церковное; 2) она начала подкапывать самое основание государственного общества, изменяя положение холопства. Она изменяла его в двух отношениях: во-первых, она стесняла пределы холопства, выделяя из него некоторые виды зависимости; во-вторых, она размыкала холопство, открывая выход из него в свободные состояния.

Лекция VIII.

Удельный период истории русских сословий.

Основные источники для изучения этого периода.—Новая сословная терминология удельного времени.—Видимое сходство сословного деления удельных обществ с прежним.—Перемена в характере верховной власти.—Исчезновение мысли о политическом подданстве. Гражданский договор и личное подданство как основание политического порядка в удельных княжествах.—Отношение к князьям бояр и слуг вольных.

Обращаемся к изучению второго, так называемого удельного, периода истории русских сословий. Выше обозначены хронологическими границами этого периода начало XIII и половина XV веков. Удельный период — это не только особое хронологическое, но и особое географическое пространство. Общественные отношения, установившиеся в удельные века, выросли не из той исторической почвы, которая была родиной изученных нами общественных отношений предшествующего периода. Старые коренные области Киевской Руси в продолжение удельного времени сперва сохраняли общественный склад, установившийся в XI и XII веках, а потом стали изменять его под действием чуждых влияний. Эти влияния были приносимы в общество юго-западной Руси с конца XIII века ее подчинением Литве, а с конца XIV века

Основные источники для изучения этого периода.

династическим соединением Литвы с Польшей. Общественные отношения, созданные туземными условиями и бывшие плодом самородного развития, действовали не в старой Днѣпровской, а в новой Верхневолжской Руси, которая еще в начале XII века была полуфинской сѣверо-восточной окраиной русской земли и стала новой Русью благодаря усиленному притоку колонизации из старых днѣпровских областей. Кто слушал изложение общего курса отечественной истории, тот припомнит, как и когда совершилось это обрусение финского Поволжья.

Основными источниками для изучения русских сословий в удельные века служат духовные и договорные грамоты удельных князей, преимущественно московских. Это очень обильные источники. Мы имеем шестнадцать духовных грамот, начиная с грамоты великого князя Ивана Калиты, составленной около 1328 г., и кончая двумя духовными великого князя Василия Темного, писанными около 1462 года. Кроме этих духовных грамот, сохранился ряд договорных, числом пятьдесят одна, начиная с договора сыновей Калиты 1341 года и кончая договором Василия Темного с боровским князем Василием Ярославичем около 1456 г. К этим духовным и договорным грамотам можно присоединить еще и ряд таких же грамот времени великого князя Ивана III, потому что и они изображают еще вполне удельные отношения. Эти источники обильны не только по количеству актов, но и по качеству исторических данных. В последнем отношении духовные и договорные грамоты не уступают Русской Правде и церковным уставам князей XI и XII веков; только они изображают общественные отношения несколько с иной стороны. Русская Правда и церковные уставы—цельные уложения, не лишенные некоторой си-

стемы; они дают нам обще-обязательные положения, постоянные юридические нормы, но не показывают ни их казуального применения, ни практических последствий. Напротив, в духовных и договорных грамотах мы находим или хозяйственные распоряжения завещателей, или временные соглашения, которыми устанавливались изменчивые отношения князей и которые часто сами вызывались случайными обстоятельствами или минутными расчетами договаривавшихся сторон. Эти акты указывают казуальное приложение общих норм, практическое действие существовавшего общественного порядка, но не формулируют самых норм, не вскрывают оснований этого порядка. То и другое надобно выводить путем заключений от практических случаев к общим правилам, от последствий к основаниям. Потому духовные и договорные грамоты задают более сложную и трудную работу тому, кто по ним изучает общество; за то они и глубже вводят изучающего в состав общества, дают ему яснее видеть и нагляднее представить действовавшие в нем отношения. По ним мы наблюдаем не сухой остов общества, не социальную схему времени, а живую общественную организацию, цельную картину сословных отношений.

Новая сословная терминология удельного времени.

В этих грамотах изображается исключительно государственное общество удельных веков; общество церковное потерпело в это время мало изменений. Изучая состав государственного общества по духовным и договорным грамотам, прежде всего встречаем новую сословную терминологию. Название „княжих мужей“ для высшего класса общества теперь исчезает, заменяясь званием *бояр*, которое, сохраняя прежнее экономическое значение привилегированных землевладельцев, получает новое значение юридическое: это—высший класс служилого сословия.

Точно также и младшая дружина, носившая прежде название „детских“ или „отроков“, теперь обозначается термином *детей боярских* и *слуг вольных*, *слуг дворовых* или *дворян*. Повидимому, класс детей боярских был только составною частью класса слуг вольных, выделявшейся из него своим происхождением. Это — члены младшей дружины, но происходившие из боярских фамилий, принадлежавших к старшей дружине. Они назывались детьми боярскими, пока не успевали получить звание своих отцов. Точно так же и неслужилое население носит в актах удельного времени новые звания. В Киевской Руси XII века это население называлось просто „людьми“ и распадалось на два класса — на горожан и на смердов, т.-е. сельских обывателей. Теперь городские и сельские тяглые люди носят одинаковое название *людей черных* или *земских*. Закон не различал горожан и сельчан. В договорных грамотах князья повторяют условие, которым они взаимно обязывались не покупать у черных людей ни дворов в городе, ни земли в селе. Даже холопы являются с новым названием. Русская Правда, как мы знаем, не различала видов холопства, зная только одно холопство — *обельное*. Теперь полные холопы называются *челядью дерноватой*. Это те же полные холопы; новое название произошло от „дерна“, который при покупке холопа служил символическим знаком, указывавшим на то, что лицо или вещь приобретались в полную собственность. В удельное время является и новый вид укрепления холопства: это — письменная крепость, носившая название *грамоты дерноватой*.

Видимое сходство сословного деле-

Несмотря на новую сословную терминологию, можно подумать, что общественное деление в удельные века оставалось прежним. В самом деле, под новыми сослов-

ными названиями можно распознать три знакомые нам по Русской Правде разряда лиц. Общество удельного времени, повидимому, также делилось на прежние три класса: на людей служилых, которые лично служили князю; на людей тяглых, которые миром платили князю, и, наконец, на холопов, служивших частным лицам. Но, рассматривая ближе отношения этих трех разрядов или классов к удельным князьям, замечаем существенную перемену, какая в них совершилась. Перемена эта стоит в тесной связи с политическим характером удельного князя. Удельные князья верхне-волжской Руси XIII и XIV веков были дальнейшими потомками того же княжеского рода, который владел русской землей в XI и XII веках. Но по своему политическому характеру эти потомки далеко не были похожи на своих предков XII века. В XII в. русской землей владел целый княжеский род; отдельные члены рода имели политическое значение не сами по себе, не как одинокие лица, а как звенья, входившие в состав одной родственной цепи князей. Следовательно, верховная власть в то время была не единоличной, а собирательной. Управляемое общество было связано с нею отношениями политического подданства, т.-е. отношениями обязательного подчинения по закону, которые не зависели от частных сделок или личных соглашений. Совсем иной характер получила верховная власть, когда ее носителями стали удельные князья: это были одинокие самостоятельные владельцы, никакими постоянными политическими отношениями не связанные друг с другом. По мере этого политического уединения падало и правительственное значение удельного князя: в границах своего удела он был собственно не политический правитель, а частный владелец. Его княжество было для него не обществом, а хозяй-

ния удельных обществ с прежним.

Перемена в характере верховной власти.

ством; он им не управлял, а эксплоатировал его. Он считал себя собственником всей территории удела, но только территории с принадлежащими к ней угодьями. Люди, свободные лица, юридически не входили в состав этой собственности. Свободный человек приходил в удельное княжество, работал и уходил из него, был для него политической случайностью. Князь не видел в нем подданного въ нашем смысле слова, потому что и себя не считал государем. Он пользовался известными верховными правами в своем уделе, законодательствовал, судил, вообще правил; но свободные люди подчинялись этим верховным правам князя, пока оставались в его княжестве, в силу договора с ним, который всегда мог быть разсрван той и другой стороной. Следовательно, политические права князя вытекали из его гражданских сделок с свободным населением удела. Слово „государь" на языке того времени обозначало личную власть свободного человека над несвободным, над холопом. Удельный князь, подобно всякому землевладельцу, имел таких холопов; они одни и были его личными подданными. Благодаря всему этому, удельное владение по своему юридическому характеру приблизилось к простому частному землевладению. Итак, существенная перемена, которая произошла в характере верховной власти, состояла в исчезновении политического подданства и в замене его временной зависимостью, основанной на частной гражданской сделке. Удельные князья были более гражданскими владельцами своих удельных территорий, чем политическими управителями удельных обществ.

Исчезновение мысли о политическом подданстве.

Эта перемена и изменила характер отношений к князю всех свободных классов удельного общества. Теперь свободные обыватели удела были связаны с князем не отно-

Гражданский договор и личное

шениями обязательного подданства, а временными обязательствами, вытекавшими из договора с ним. Эти обязательства по юридическому существу своему были одинаковы с теми, какими связывались частные свободные лица между собою. Точно так же и личные подданные князя, его холопы, принадлежали ему совершенно на том же праве, по какому владели холопами частные свободные лица. Итак гражданский договор и личное подданство— вот два основания политического порядка в удельном княжестве. Достаточно сделать беглый обзор отношений к князю свободного и несвободного населения удельного княжества, чтобы заметить оба эти основания. Начнем с классов, отношения которых к князю определялись договором.

Подданство как основания политического порядка в удельных княжествах.

Во главе общества стояли служилые люди, распадавшиеся на два класса—бояр и слуг вольных или дворян. Духовные и договорные грамоты очень точно обозначают отношения этих классов к князю. В их определениях проведено прежде всего строгое разграничение двух порядков отношений. Бояре и слуги вольные имели в удельных княжествах двоякое значение — служебное и экономическое: они были орудиями княжеского управления и составляли его боевую силу; с другой стороны, они составляли класс личных землевладельцев. Духовные и договорные грамоты строго отделяют служебные отношения от имущественных, поземельных. Служебные обязанности носили чисто личный характер и не падали на землевладение служилых людей. Точно так же и землевладение бояр и слуг вольных не стояло ни в какой зависимости от их служебных отношений. Это строгое разграничение основывалось на праве вольной службы, которым пользовались бояре и вольные слуги. Это право состояло в том, что

Отношения к князьям бояр и слуг вольных.

вольный слуга мог свободно выбирать себе место службы среди удельных княжеских дворов. Это право сложилось еще в предшествующий период; его источником было сосредоточение верховной власти в целом княжеском роде, составлявшее особенность политического порядка в тот период. Так как власть принадлежала всему роду, сообща владевшему русской землей, то не было препятствий для служилых людей переходить от одного князя-родича к другому. Когда верховная власть разбилась между удельными князьями, старый обычай удержался при помощи воспоминания об их родственном происхождении и выражался в договорных грамотах, как право служилых людей. Формулу этого права встречаем в договоре Калитиных сыновей 1341 года. Здесь младшие братья говорят старшему, великому князю Семену: „а бояром и слугам вольным—воля: кто поедет от нас к тобе и к великому князю или от тобе к нам, нелюбья ны не держати“ (вражды за прием отъехавших слуг нам друг к другу не иметь). Переезжая на службу к другому князю, вольный слуга не лишался вотчины, приобретенной им в покинутом княжестве. Отсюда и вышло то обычное явление, что многие вольные слуги служили в одном княжестве, а владели землями в другом. Это явление и побуждало точно отделять служебные отношения вольных слуг от поземельных. Договорные и духовные грамоты довольно подробно определяют тот и другой порядок отношений бояр и вольных слуг.

1) Как землевладелец, вольный слуга нес связанные с тогдашним землевладением повинности в пользу того князя, в уделе которого находилась его вотчина. Это отношение к князю по месту землевладения выражалось в формуле „судом и данью тянуть по земле и по воде“. Это значило, что суд по поземельным делам служилого человека, как и

право облагать данью его вотчину принадлежали тому князю, в уделе которого находилась эта вотчина. 2) Как служилый человек, вольный слуга нес известные повинности в пользу того князя, которому служил. В походах бояре и вольные слуги становились под знаменами этого князя, а не того, в чьем уделе владели землей. Значит, их служба носила чисто личный характер, падала на служилое лицо, а не на его поземельную собственность. Впрочем, была одна военная повинность, которая падала на служилое лицо по земле, привязывая его не к тому князю, которому он служил, а к тому, в уделе которого владел землей. Если город подвергался неприятельскому нападению, осаде, защищать его обязаны были все землевладельцы его уезда, даже те, которые служили в уделе другого князя. Эта повинность называлась *городной осадой*. Она так выражена в договоре великого князя Василия Дмитриевича с братьями 1405 года: „а кто которому князю служит, где бы ни был, полезти ему (идти в поход) с тем князем, которому служит: а городная осада, где кто живет, тому туто сести“. Последние слова значат, что в случае осады города в нем должны садиться для его защиты все землевладельцы его уезда, не разбирая, какому князю кто из них служит.

Так определялись служебные и поземельные отношения бояр удельного времени. Легко заметить общее основание, на котором строились все эти определения: таким основанием служил договор слуги с князем, а не общий закон. В служебных отношениях это основание очевидно само собою. Указание на него мы встречаем в одном рассказе летописи. В 1378 году, по причине смут в Литве, к великому Московскому князю приехал на службу князь Трубчевский Дмитрий Ольгердович: он, по словам лето-

писи, „урядился у великого князя Московского и взял крепость и ряд“. Великий князь с честью принял знатного слугу и дал ему „крепость и ряд“. Таким образом служебное положение слуги при княжеском дворе закреплялось „рядом“—личным договором. Но то же основание можно заметить и в поземельных отношениях вольных слуг к князю. Вольные слуги приобретали землю в уделе с разрешения его князя и владели ею на условиях, которые определялись их взаимным соглашением. Вот почему эти условия в удельное время были чрезвычайно разнообразны. Князья давали служилым землевладельцам большую или меньшую служебную власть в их вотчинах и освобождали последние от тех или других поземельных даней и повинностей.

Лекция IX.

Отношения *черные* или *земских* людей к удельному князю.—Слуги „*под дворским*" как переходный класс между служилыми и черными людьми.—Характер сословных отношений к князю, вытекавших из договора. — Действие договора на личное подданство.— Холопы и их хозяйственные разряды.—Закладни как переходный класс между свободными людьми и холопами.—Отношения общественного деления в удельные века к предшествующему.

Изучая положение бояр и вольных слуг в удельных княжествах, мы видели, что их отношения к князю определялись гражданским договором с последним. Отношения черных или тяглых людей в удельных княжествах устанавливались на том же основании; только черный человек не договаривался с князем прямо, как договаривался боярин или слуга вольный. Это различие объясняется отношением князя к различным разрядам земель в его уделе. Все земли в удельном княжестве можно разделить на два разряда: одни находились в непосредственном владении князя, другие он уступал в собственность частным владельцам—лицам и учреждениям, сохраняя над ними только права верховного вотчинника, т.-е. право суда и дани, или даже уступая и эти права, целиком или по частям, частным собственникам вместе с другими правами владения. Земли первого разряда князь большей частью отдавал в пользование на известных условиях черным людям,

Отношения черных или земских людей к удельному князю.

городским или сельским, но не каждому лицу порознь, а целым обществам, обязывая их круговой порукой в исполнении условий пользования. Земли владельческие раздавались в пользование тем же черным людям самими владельцами на условиях, ими назначаемых, но в число этих условий входили дани и повинности, которых требовал удельный князь со всех черных людей, работавших в его княжестве. Черный человек договаривался или с обществом, в которое он вступал, или с землевладельцем, в вотчине которого селился. Но соглашение с тем и другим было косвенным договором с самим князем, в уделе которого он селился, потому что требованиями князя определялись исключительно или преимущественно те условия, на которых предлагали черному человеку землю тяглое общество или землевладелец. Если черный человек не соглашался на эти условия, он мог перейти в другое княжество. Это право перехода всюду признавалось за черными людьми наравне с боярами и слугами вольными. В жалованных грамотах князья предоставляли частным землевладельцам право призывать на свои земли тяглых людей и из чужих княжеств, не считая перехода по такому призыву незаконным побегом. В договорной грамоте рязанских князей 1496 года крестьяне в праве перехода из одного княжества в другое прямо уравнены с людьми высших классов. „А боярам, говорят договаривающиеся князья-братья, и детям боярским, и слугам, и *христианом* меж нас вольным воля“. При такой свободе перехода крестьяне, жившие на землях частных владельцев, в удельные века сделали важное юридическое приобретение. Во времена Русской Правды ролейный закуп, владельческий крестьянин-должник, становился холопом своего владельца, если уходил от него, не возвратив полученной

ссуды; в XV веке такого крестьянина иногда возвращали к покинутому владельцу до уплаты ссуды, а иногда только обязывали уплатить ссуду в два года, притом без процентов, но ни в каком случае не лишали личной свободы. Поступок крестьянина, за который в XII веке Русская Правда карала как за тяжкое преступление, в XV веке закон считал простым гражданским правонарушением.

Слуги „под дворским" как переходный класс между служилыми и черными людьми".

Класс черных людей связывался с классом слуг вольных одним переходным состоянием. То был класс, носивший название слуг „под дворским", или слуг дворцовых. Кроме слуг вольных, которые несли ратную службу князю, при дворе последнего находились еще слуги, несшие различные хозяйственные службы по дворцовому ведомству. То были: дьяки, подьячие, псари, конюхи, садовники, бортники (дворцовые пчеловоды) и другие ремесленные и чернорабочие люди. Юридически они распадались на два слоя: одни из них были крепостные холопы князя, другие—лично-свободные люди. Эти последние за свои услуги князю получали от него участки земли в пользование. В отличие от холопов, которые несли те же хозяйственные службы, эти свободные дворцовые слуги и назывались „слугами, что под дворским". Такое название произошло оттого, что главным их управителем был княжеский дворецкий или „дворский". Эти слуги пользовались полученными от князя участками земли, пока состояли на службе. Но они, как и вольные люди, могли покинуть ее и перейти на службу к другому князю; только вместе с тем они лишались и своих земельных участков. Их отношение к князю всего точнее определяется в одном месте духовной грамоты удельного Серпуховского князя Владимира Андреевича 1410 года; говоря о дворцовых слугах—псарях, конюхах, садовниках, бобровниках, пользовавшихся участками кня-

жеской земли, завещатель замечает: „а кто из них не захочет жить на тех землях, ин земли лишен, поди прочь, а сами сыну моему князю Ивану не надобны, на которых грамоты полной не будет, а земли их сыну моему князю Ивану“. Смысл этого места таков: дворцовые слуги, лично свободные, а не холопы полные, если не захотят служить детям завещателя, могут уйти от него, но земли их от них отнимаются и переходят к наследникам завещателя. Итак, дворцовые слуги получали от князя земельные участки не в собственность, а только во временное пользование. Повидимому, они даже лишены были права приобретать какую-либо землю в собственность; так можно заключить из другого места той же духовной грамоты. В числе дворцовых слуг находились и княжеские ключники, которыми были как свободные лица, так и холопы. О ключниках свободных завещатель замечает: „а что мои ключники некупленные (т. е. свободные), а покупали деревни за моим ключом—сами ключники детем моим не надобны, а деревни их детем моим, в чьем будут уделе“. Итак, даже свободные ключники, которые, занимая эту должность, покупали себе деревни в уделе, покидая службу князю, лишались и этих купленных деревень. Купля—акт, которым приобреталась вещь в собственность; значит, свободные ключники могли куплей приобретать деревни только в условную собственность, обусловленной службой местному князю, чем они отличались от бояр и слуг вольных. Все это сообщало дворцовым слугам характер переходного класса, стоявшего между вольными слугами и черными людьми и совмещавшего в себе некоторые особенности тех и других. Подобно слугам вольным, они несли личную службу князю, но эта служба была не боевая, а хозяйственная, приносившая князю прямую имущественную пользу, какую

приносили ему и черные люди, и князь извлекал эту пользу из дворцовых слуг такъ же, как и из черных людей, в виде работы на дворец или в виде платежа в дворцовую казну с той земли, которой они пользовались, только и платежи, и работы падали на дворцовых слуг по личному назначению князя, как падала ратная служба на вольных слуг, а не по мирской разверстке, как падало тягло на черных людей. Наконец, подобно последним, дворцовые слуги могли лишь пользоваться княжеской землей, но не могли приобретать ничьей земли в княжестве на праве собственности, как приобретали ее бояре и вольные слуги. Значит, одной стороной своего положения дворцовые слуги соприкасались со слугами вольными, а другой—с черными людьми.

Характер сословных отношений к князю, вытекавших из договора.

Таким образом отношения всех свободных классов удельного общества к князю вытекали из *гражданского договора*. Такой источник сообщал им характер сделок, основанных на обоюдном соглашении интересов—на обмене услуг и выгод. Князь покупал труд свободного человека, платя ему за это какой-либо статьей его хозяйства. Свойство этой статьи соответствовало роду труда, какой покупал князь у свободных людей, и той цене, какую он придавал покупаемому труду. Этот обмен очень явственно обозначен в княжеских грамотах удельного времени, и по ним легко усмотреть сословные особенности, которыми различались классы удельного общества. Служилые люди не составляли однородного плотного сословия: они распадались на два класса, соответствовавшие старшей и младшей дружине XII века—на *бояр* и *вольных слуг*. Бояре служили князю правительственным советом, составляли его Думу, занимали высшие должности по управлению военному и гражданскому, центральному как и областному, были ближайшими сотрудниками князя и руководящими органами

удельного управления и суда. За эти услуги князь платил им *кормлениями*—так называлось пользование доходами, какие соединены были с высшими должностями по центральному и по областному управлению. В княжеских грамотах иногда обозначался самый размер этих кормлений; так великий князь Семен в духовной своей, отказывая свой удел жене, замечает о своих боярах: „кто из моих бояр станет служить моей княгине и займет какую-либо должность, тот будет отдавать моей княгине половину получаемого от этой должности дохода“ [1]). Значит, доход выбирал из управляемого общества сам управитель-кормленщик, делясь им с княгиней пополам. Слуги вольные несли рядовую ратную службу князю, составляли его боевую силу и за это князь платил им *доводом*—так назывались второстепенные низшие должности по удельному управлению с административно-судебными доходами, какие были с ними соединены. Кормление—доход от должности по высшему управлению, довод—от должности по управлению низшему. Этим различием вознаграждения за службу объясняется одно условие в договоре сыновей Калиты 1341 года; договаривающиеся князья-брятья подтверждают право всех вольных слуг, высших и низших, бояр и дворян, выбирать род и место службы: „а вольным слугам воля, кто в кормлении бывал и в доводе при отце нашем и при нас“. Был и другой способ вознаграждения за службу служилых людей высших и низших—землевладение. Князья позволяли им покупать земли в своих уделах, даже сами жаловали им земельные имущества на праве собственности,

---

[1]) „А кто моих бояр иметь служити у моеё княгини, а волости имут ведати, дают княгине моей прибытка половину“. Сбор. Гос. Гр. и Догов. Т. I, № 24.

и как жалованные, так и купленные имения наделяли различными судебными и податными льготами. Мы видели, что это служилое землевладение в удельные века не было связано с служебными отношениями землевладельцев. Трудно сказать, в какой мере был распространен в удельных княжествах, и даже действовал ли где-нибудь, третий способ вознаграждения за вольную службу—денежное жалованье, которое тем отличалось от административно - судебного кормления, что выдавалось служилому человеку из княжеской казны, а не выбиралось из управляемого населения прямо самим кормленщиком. Но об этом жаловании, *уроке*, как говорили в старину, вспоминает один летописец удельного времени как о способе вознаграждения за службу, когда-то употреблявшемся на Руси при „древних князьях". Те князья, замечает летописец, бросая косвенный упрек своему времени: те князья не копили много имения, не обременяли людей вымышленными вирами и продажами (судебными пошлинами), но собирали только правые виры и раздавали их дружине на оружие, а дружина кормилась этим и воевала чужие страны, ободряя себя боевым кликом: „потрудимся братья для своего князя и для русской земли!" Дворцовые слуги несли хозяйственную службу князю, платили ему хозяйственным личным трудом за пользование земельными участками, которые от него получали. Черные люди, городские и сельские, снимали у князей земли городские, торгово-промысловые, или сельские, пахотные, и за это тянули тягло—работали на князя, либо платили ему. Таков был обмен услуг и выгод, которым определялись отношения всех свободных классов удельного общества к князю.

Что такое все эти сословные различия в юридическом смысле? суть ли они сословные права и обязанности в

Действие договора

а личное подданство.

политическом значении этих слов? Общественные классы, которые различались указанными отношениями, можно ли назвать сословиями в настоящем смысле этого слова? Эти классы различались своими отношениями к князю так же, как различались классы русского общества XI и XII веков. Но теперь эти отношения были не обязательные, а добровольные, вытекали не из общего закона, а из частного договора с князем. Условия этого договора различались по роду услуг, какие обязывались делать в пользу князя люди разных классов, и по свойству выгод, какие они получали в вознаграждение за эти услуги. Бояре и слуги вольные, городские и сельские обыватели, слуги дворцовые были не подданные князя, а либо его служилые наемники, либо арендаторы его земли, либо то и другое вместе. Поэтому повинности, какие несли они в пользу князя, были не столько государственные обязанности, сколько личные хозяйственные обязательства. Согласно с этим и преимущества, которыми они пользовались, были не столько политическими или гражданскими правами, сколько хозяйственными выгодами, которыми князь вознаграждал их за оказываемые ему услуги. Права и обязанности в политическом смысле слова вытекают из общего постоянного закона и имеют целью общее благо. Преимущества и обязательства, которыми различались классы удельного общества, вытекали из гражданского договора с князем и имели целью частные выгоды, частные интересы договаривавшихся сторон. Из такого характера отношений различных классов удельного общества к князю вытекала необходимо подвижность общественных состояний. Если положение в обществе определялось соглашением с князем, то это положение не могло быть наследственным и должно было часто меняться. Удельное общество отличалось подвижностью

и изменчивостью состояний; слуги дворцовые легко переходили как в разряд слуг вольных, так и в класс людей черных; даже черные люди становились слугами дворцовыми и могли переходить в разряд слуг вольных. Князья, правда, старались сдерживать это колебание общественных состояний: в их договорных грамотах заметно стремление замкнуть отдельные классы, преимущественно высшие—бояр и слуг вольных, закрывая доступ в эти состояния людям неслужилым. Так, в упомянутой уже мною духовной Владимира Серпуховского мы встречаем совет его наследникам: „а боярам и слугам, которые не под дворским—вольным воля; а кто будет под дворским слуг, тех дети мои меж собой на службу не принимают“. Князь-завещатель советует наследникам не принимать на ратную службу дворцовых слуг. Такое же условие встречаем в договорной грамоте великого князя Дмитрия Донского с упомянутым удельным Серпуховским князем: „которые слуги тянут к дворскому, а черные люди к сотнику, тех нам в службу не принимать, а смотреть нам за ними сообща“. Но самое появление этого условия в договорной грамоте показывает, что оно шло в разрез с установившимся порядком. Князья старались прекратить постоянное передвижение лиц из одного состояния в другое, вводя это как новую меру, которая была посягательством князей на действующее право во имя порядка и правительственного удобства.

Хо[illegible] и их [illegible]р-ственн[illegible] разр[illegible]

Так устроены были в удельных княжествах свободные общественные классы. Но, кроме свободных состояний, внизу удельного общества лежал еще класс несвободный. Люди этого класса находились в личном подданстве у князя или у лиц высших состояний. Личное подданство основывалось на частной сделке, а не на общем законе;

такими зависимыми лично людьми были холопы. Их юридическое состояние не изменилось в удельные века, но за то изменилось их состояние экономическое. Действие основного принципа удельного устройства, который делил общество на классы более по экономическим, чем юридическим признакам, отразилось на холопстве чрезвычайной дробностью деления его на хозяйственные разряды. В удельном княжестве—и прежде всего при дворе удельного князя—многочисленные холопы делились на два главных разряда: на холопов *больших* и *меньших*. Большие холопы разделялись в свою очередь на два слоя—на людей *служилых* и на людей *приказных*; служилые люди были походными спутниками князя или вольных слуг; приказные люди служили по хозяйственному управлению князя или его бояр, были их приказчиками, ключниками, дьяками и т. п. От больших холопов отличались меньшие, носившие общее название *делюев* или *деловых* людей. Это—чернорабочая челядь. „Деловые“ люди в свою очередь разделялись на два разряда—на людей *дворовых*, исправлявших низшие дворовые службы, и на людей *страдных*—холопов, посаженных на земле и обработывавших либо участки дворовой земли, либо участки, данные им в пользование за оброк. Юридически несвободные люди всех этих хозяйственных разрядов были холопы полные. Таким образом, оставаясь в прежнем юридическом положении, холопство распалось на множество экономических разрядов.

Закладни, как переходный класс между свободными людьми и холопами.

С другой стороны тот же хозяйственный договор создал особый промежуточный класс, лежавший между холопами и вольными людьми. Мы видели, что в первые века христианской жизни Руси церковь настояла на праве свободного человека, продавшегося в рабство, прекратить зависимость по своей воле возвратом заплаченной за него

суммы. В удельное время князья и бояре начали принимать на свою дворовую службу вольных людей, давая им ссуду на известных условиях и не лишая их права покинуть эту службу, возвратив ссуду. Такие зависимые лица получили в удельные века название *закладней*. Они отличались от холопов условностью службы и правом прекратить ее по своей воле. Их отношения к князю или боярам основывались на хозяйственной сделке: то были договоры свободных рабочих, бравших у своих хозяев ссуду и обязывавшихся за то работать на них до возврата последней.

Если теперь мы еще раз бросим общий взгляд на состав удельного общества, оно представится нам разбитым на следующие разряды. То были: 1) бояре, 2) вольные слуги, 3) слуги дворцовые, 4) черные люди, городские и сельские, 5) закладни и, наконец, 6) холопы. Основанием такого деления, источником, из которого вытекали различные отношения к князю этих шести разрядов, служил хозяйственный гражданский договор.

Изучая состав русского общества в XI и XII веках, мы заметили в нем двойное деление—политическое и экономическое. Политическое деление держалось на отношениях лиц к верховной власти; более позднее, экономическое на различии имущественных состояний, соединенном с неравенством прав. Теперь в удельные века общество разделилось также по отношениям лиц к князю, только не обязательным, а добровольным. Сущность этих отношений заключалась в договорном обмене вещей и услуг, в обмене службы или податного тягла, с одной стороны, на пользование какой-либо статьей княжеского хозяйства, с другой. Различием вещей и услуг определялось и деление общества на классы. Итак, удельное

общество делилось не по обязательным отношениям к князю и не по имущественным состояниям, а по условиям гражданского договора с князем. Следовательно, деление удельного общества было не политическое и не экономическое, а хозяйственно-юридическое. Таким термином можно отличить это деление от двух предшествующих. Такой характер общественного состава вполне соответствовал и характеру удельного князя, который, как мы видели, был не государем в политическом смысле этого слова, а хозяином в смысле хозяйственно-юридическом. Такое деление удельного общества имело тесную историческую связь с делениями предшествующими. Первоначальное деление по обязательным отношениям к князю дробило общество на людей служилых и неслужилых. Но из этого политического деления вытекали экономические различия между обоими классами, соединявшиеся с неодинаковыми гражданскими правами, а из этих имущественных и юридических различий складывались различные общественные состояния. Служилые лица становились преимущественно землевладельцами: лица неслужилые работали торгово-промышленным капиталом или земледельческим трудом; а по землевладению и торгово-промышленному капиталу служилые и торговые люди пользовались правами, каких лишены были земледельцы, работавшие на чужой земле, казенной или частной. Различие имущественных состояний, сложившихся в XI и XII веках, можно заметить и в основании удельного деления общества. Это деление определялось условиями гражданского договора, какой заключали с князем свободные лица, родом хозяйственных услуг и выгод, какими обменивались обе стороны. Но, очевидно, условия договора свободных лиц с князем определялись их имущественным состоянием или общественным поло-

Отношение общественного [illegible] к удельным [illegible] имущест- [illegible]

жением. Землевладельцы вступали в личную правительственную или ратную службу к князю; лица, обладавшие торгово-промышленным капиталом или земледельческим инвентарем, снимали у князя торгово-промышленные городские места или пахотные сельские участки. Так вскрывается историческая связь между общественными делениями, преемственно сменявшимися. Каждое следующее деление основывалось на экономических последствиях, вытекавших из предшествующего. Прошу вас заметить эту связь, потому что она объяснит нам происхождение и сущность дальнейших явлений, какие мы будем изучать.

Лекция X.

Третий период в истории русских сословий.

Классификация чинов в Московском государстве.

Теперь, изучив состав удельного общества, обращаемся к третьему периоду в истории наших сословий. Довольно трудно обозначить его хронологические границы. Третий период в истории русских сословий—это общественная формация, сложившаяся в Московском государстве XV, XVI и XVII веков. Завязку этой формации можно заметить около половины XV века; ее изменение и переход в дальнейший новый склад становится заметным во второй половине XVII века. Поэтому я обозначу хронологическими пределами этого периода половину XV и половину XVII вв. Изучение общественного состава в Московском государстве этих веков представляет большие трудности; главная причина их—чрезвычайная дробность общественного деления. Общество распадается на множество иерархических разрядов: этих разрядов так много, что трудно составить полный и точный их перечень. Затруднение увеличивается еще тем, что эта социальная дифференциация не останавливается в продолжение всего периода,—напротив, идет все усиленным ходом. Общество дробится на все более мелкие разряды на глазах наблюдателя. Мозаический подбор мел-

ких слоев не остается неподвижным, постоянно меняется. Рядом с основными классами, которые обозначаются в первое время, становятся классы переходные, которые, постепенно твердея, присоединяются к основным и выделяют из себя новые переходные слои. Благодаря этому, все усиливающемуся, дроблению, общество в Московском государстве XVI и XVII веков производит на изучающего впечатление постоянно движущегося калейдоскопа. Чтобы найтись в этом безпорядочном, повидимому, дроблении, необходимо помнить главное основание общественного деления этого времени. Я уже указал на это основание: им служило деление классов по роду государственных повинностей, разверстываемых по имущественному состоянию лиц. Таким образом каждый класс отличался от другого двумя признаками—политическим и экономическим. Политическим признаком служила известная специальная повинность, падавшая на этот класс, экономическим—имущественное состояние лиц этого класса. По двум этим признакам можно и различить отдельные мелкие разряды друг от друга и свести их в крупные классы, установить некоторый порядок в их классификации. Впрочем, я не скрою страха пред этой классификацией: общество делилось так дробно, что я боюсь обременить вашу память одним перечнем этих классов, а между тем этот перечень необходим для того, чтобы составить себе понятие об общественном строе и его основах. Я пока займу ваше внимание сухим перечнем классов московского общества в иерархическом их порядке.

Изучение причин и хода этого дробления я начну прямо с его результатов—перечнем тех мелких разрядов, на какие разбилось общество в Московском государстве. Для этого мы возьмем московское общество в том составе,

какой оно получило приблизительно к половине XVII века, и пересчитаем его слои в вертикальном его разрезе, сверху вниз. Как ни обременителен для памяти такой перечень, но, не заучив его, трудно понять самый ход общественного дробления.

Все мелкие иерархические разряды, на которые делилось общество в Московском государстве, на политическом языке тех веков носили название *чинов*. Чином в Московском государстве назывался общественный слой, который нес свою специальную государственную повинность, соответствовавшую его экономическому состоянию. Все чины, по их хозяйственному и государственному положению, можно распределить на три отдела. То были: 1) чины служилые, 2) тяглые и 3) нетяглые.

Чины служилые по отечеству.

Чины служилые разделялись на две группы: на чины служилые *по отечеству* и на чины служилые *по прибору*. К чинам служилым по отечеству (т. е. по отчеству) принадлежали лица, которые несли на себе государственную службу по своему происхождению, как наследственную повинность. Эти чины в свою очередь распадались на два разряда: 1) на чины *думные*, 2) на чины *служилые* собственно. Служилые люди низших чинов XVI века говорили, отличая себя от чинов высших: „мы люди служилые, а не думные“. Думных чинов было три: *бояре*, *окольничие* и *думные дворяне*. Думные чины состояли из лиц правительственных, занимавших должности по высшему управлению и места в государственном совете — в Государевой Думе. Чины „служилые собственно“ разделялись также на два разряда—чины *московские* и чины *городовые*. Московские, т. е. столичные, чины в нисходящем порядке были: *стольники*, *стряпчие*, *дворяне московские* (столичные) и *жильцы* (дворцовые). По самым этим званиям

Чины думные.

Чины московские.

можно заметить, что чины московские первоначально различались родом придворной службы. Но впоследствии люди московских чинов составляли высший слой боевой московской силы: из столичных стряпчих и других московских чинов составлялся „государев полк“, соответствующий нынешней гвардии. Люди московских чинов назначались также *головами* или даже *воеводами*, т. е. офицерами или полковниками в армейские полки, а также служили органами низшей администрации.—Чинов городовых было три: дворяне *выборные* или *выбор*, *дети боярские дворовые* и *дети боярские городовые* собственно. Об этих чинах в списках провинциального дворянства обыкновенно писалось, что одни из них служат „из выбору“, другие по дворовому списку, а третьи служат городовую или *осадную* службу. Чтобы понять различие повинностей, падавших на эти городовые чины, надобно знать устройство главной рати в Московском государстве. Масса этой рати состояла из дворянства, рассеянного по уездам. Но по имущественному состоянию это дворянство делилось на слои, каждый из которых нес ратную повинность не в одинаковой мере: одни провинциальные дворяне ходили в дальние походы, т. е. к границам, отдаленным от тех уездов, в которых они владели землей; другие могли ходить только в близкие походы для обороны границ, вблизи которых имели земли. Наконец, третьи не могли совсем ходить в походы, потому что не имели лошадей и надлежащего походного вооружения; они обыкновенно составляли пешие гарнизоны своих уездных городов. Эти различные роды службы и обозначались на московском служилом языке словами: „служба государева дальняя, служба ближняя и служба городовая или осадная“. Дворяне выборные и дети боярские дворовые несли дальнюю службу; кроме того,

выборные дворяне по известной очереди посылались для отправления разных обязанностей при дворе и в столице.

Чины служилые по прибору.

„Чины служилые по прибору“ были также многочисленны. К ним относились ратные служилые люди низших разрядов, каковы были *стрельцы* (постоянная пехота, возникшая в начале XVI века), *пушкари* и *затинщики* (т. е. служители при затинных пищалях—крепостных орудиях), вообще артиллерийская прислуга, *пограничные казаки*, *рейтары*, *солдаты* и *драгуны*, полки которых возникли при новой династии в XVII веке. Эти приборные чины вербовались правительством из охотников, людей разных классов, преимущественно из людей, свободных от государственного тягла. Первоначально люди этих чинов зачислялись на службу временно только на известный поход и распускались по окончании его; но в XVII столетии и *приборные* люди становились постоянными ратниками, служившими до своей смерти, до старости или до болезни. Эти приборные чины отличались от служилых по отечеству тем, что не составляли служебной иерархии, а считались равными между собою, отличались родом службы, а не достоинством звания; потому в них не было иерархического движения. Переход казака в рейтары или стрельцы был переменой рода службы, а не служебным повышением, каким был, например, переход выборного дворянина в жильцы или жильца в чин дворянина московского.

Чины тяглые: посадские и уездные.

Второй отдел составляли чины *тяглые* или *земские*. Тяглые люди подразделялись в свою очередь на людей *посадских* и *уездных*. Первые были тяглые городские обыватели, вторые—тяглые обыватели сельские. Не предполагайте резкого экономического различия между посадскими и уездными людьми, не думайте, что первые были торговцы

и промышленники, а вторые—хлебопашцы: такого различия между теми и другими не существовало. Как между посадскими людьми очень многие занимались хлебопашеством, так и среди людей уездных существовало очень много промышленников, ремесленников и торговцев. Тот и другой разряд различались между собой политически—свойством обществ, в которые они соединялись. Посадские люди входили в состав городских обществ, люди уездные—в состав обществ сельских. Общества сельские отличались от городских родом специальных повинностей, падавших на те и другие, и способом разверстки общего тягла между отдельными лицами. Государственная подать в городских обществах разверстывалась по дворам, в обществах сельских—по размеру сельских участков.

Посадское население города Москвы.

Посадские люди были неодинаково устроены в столице и в провинциальных городах. Устройство посадского населения города Москвы отличалось особенной сложностью. Это население распадалось на следующие классы: *1) гости*, *2) гостиная сотня*, *3) суконная сотня*, *4) черные сотни* и *слободы*. Первые три разряда составляли высшее купечество, выделявшееся из торгово-промышленного населения столицы.

Гости.

Гости—это крупные оптовые торговцы, которые вели дела с другими городами или даже с чужими землями; они отличались от торговых людей гостиной и суконной сотен размером капитала. Подьячий второй половины XVII века Котошихин говорит, что гости имели оборотного капитала от 20-ти до 100 тысяч рублей. Так как московский рубль его времени, т. е. времени царя Алексея, равнялся семнадцати нынешним, то 20 т. р. значили то же, что теперь 300 т. слишком рублей, 100 т. р. — около двух миллионов.

Сотни гостиная и суконная.

К *сотням гостиной* и *суконной* принадлежали купцы, обладавшие меньшими ка-

питалами. Если гостей можно сравнить с нынешними коммерции-советниками, то сотни гостиная и суконная соответствовали нынешним первой и второй гильдиям. Торговые люди трех названных разрядов, соответственно размерам капиталов, несли неодинаковые государственные повинности. Сверх общего городского тягла, падавшего на все посадское население, они исполняли еще финансовые поручения по эксплоатации разных казенных монополий и доходных статей. Таковы были: продажа *соболиной казны государевой*, т. е. мехов, которыми торговала казна; продажа питей, составлявших монополию казны; сбор таможенных пошлин на внутренних рынках, и т. п. Эти казенные операции велись по очереди гостями и людьми обеих высших сотен не только безвозмездно, но и под их имущественной ответственностью. Такая ответственная служба в отличие от ратной называлась *верной* или *целовальной*, т. е. присяжной. На гостей падали более тяжелые и ответственные поручения, чем на людей гостиной и суконной сотен.

Черные сотни и черные слободы.

Люди *черных сотен* и *черных слобод* составляли массу торговопромышленного населения столицы, соответствовавшую позднейшему мещанству. Сотни и слободы различались между собой родом промышленных занятий; потому их можно сравнить с позднейшими цехами. Слободы отличались от сотен тем, что состояли из торговцев и ремесленников, приписанных к дворцу и поставлявших во дворец различные припасы или работавших на него. Так, были слободы дворцовых садовников, кузнецов, *хамовников* (ткачей столового белья на дворец), *кадашей* (ткачей полотен на белье для государева семейства) и т. п. Каждая черная сотня и слобода составляли особое общество, управлявшееся выборным старостой или сотником.

Теперь остается описать состав посадского населения в провинциальных городах, состав сельского населения и, наконец, промежуточные слои, лежавшие между основными чинами. Из изложенного мною очерка уже можно видеть, как труден для памяти и скучен самый перечень мелких чинов, из которых сложилось общество в Московском государстве. Но изучение этого состава необходимо, чтобы понять основные начала, на каких строилось это причудливое общество.

Лекция XI.

Продолжение предыдущего.

Мы начали изучать состав общества в Московском государстве XV, XVI и XVII веков. Я начал это изучение перечнем классов, на которые оно разделялось. Оно делилось на три главных отдела: на людей *служилых*, людей *тяглых* и людей *нетяглых*. Каждый отдел подразделялся на разряды или *чины*. Я перечислил чины первого отдела и начал перечень чинов второго. Второй отдел—люди тяглые—разделялся на два разряда: на людей посадских и уездных, т. е. городских и сельских. Люди посадские подразделялись на чины *столичные* и *городовые* или провинциальные. Чины посадские столичные были: гости, люди гостиной сотни, люди суконной сотни, люди московских черных сотен и дворцовых слобод. На этом и остановился мой перечень. Продолжаю перечень тяглых чинов.

За чинами посадскими московскими следовали чины посадские провинциальные или *посадские люди городовые*. По торговой состоятельности или размерам оборотного капитала они также разделялись на разряды, соответствовавшие нашим гильдиям и носившие название людей *лучших*, *середних* и *молодших*. Каждый из этих экономических разрядов составлял особый чин, политически отличавшийся от других размером общего посадского тягла, на него падавшим,

и тяжестью служб или казенных поручений, на него возлагавшихся. С двора „лучшего“ посадского человека шло тягло вдвое тежелее, чем со двора „середнего“, а с последнего вдвое тежелее, чем со двора „молодшого“ человека. „Лучший“ или „середний“ человек обыкновенно служил по выбору либо верным головой на кружечном дворе в селе своего уезда, либо в таможне своего города, но не верным головой, а только целовальником, т. е. присяжным помощником верного таможенного головы. Так распределялись между городовыми посадскими чинами и тяжесть тягла, и степень ответственности по исполнению казенных поручений. Теперь перехожу к перечню чинов второго разряда тяглых людей—людей тяглых уездных (сельских).

Люди тяглые уѣздные.

В их среде существовало двоякое деление—по юридическому положению обрабатываемых ими земель и по размерам их рабочих сельско-хозяйственных сил или средств. По юридическому положению земель различались: 1) крестьяне *черные* и *дворцовые*, жившие на казенной государевой земле, прикрепленные к своим участкам или, точнее, к своим сельским обществам, но лично свободные. 2) Крестьяне *крепостные*, поселившиеся на землях частных владельцев обыкновенно со ссудой на сельско-хозяйственное обзаведение и состоявшие в личной крепостной зависимости от них, но не прикрепленные ни к своим земельным участкам, ни к сельским обществам.

Крестьяне черные и дворцовые. Крестьяне крепостные.

По рабочим средствам тяглые сельские обыватели также делились на два разряда. То были: 1) *крестьяне* собственно, обрабатывавшие полные или нормальные наделы, какие были приняты в известной местности по качеству почвы и по густоте населения, и платившие с них полные оклады поземельного тягла. 2) *Бобыли* (маломочные крестьяне), подразделявшиеся также на два разряда: одни обрабатывали

участки меньшого размера сравнительно с крестьянскими, другие совсем не имели средств пахать, владели только дворовыми усадьбами и жили сельскими промыслами или ремесленным трудом. Соответственно тому и крестьянское тягло падало на них в уменьшенном размере. Теперь обратимся к перечню разрядов третьего отдела в составе общества Московского государства.

Люди нетяглые. Этот отдел составляли *люди нетяглые*. Они отличались от других классов тем, что не несли ни государевой службы, ни податного тягла. Они разделялись на два класса—на людей *вольных* и на *холопей*, как говорили в старину, или на холопов, как говорим мы.

Люди вольные. I. *Вольные* или *гулящие* люди составляли класс чрезвычайно пестрый по своему экономическому составу. Одни из них жили за чужим тяглом; то были люди, не имевшие своих хозяйств и вступавшие в товарищества с тяглыми людьми. Они обыкновенно помогали последним в их работах, но не принимали на себя податного тягла. То были или сторонние, чужие для хозяев, лица, или их родственники—отцы, потерявшие способность к работе, дети, еще не севшие на отдельные участки, и т. п. Те и другие—и чужие лица, и родственники—носили название *захребетниковъ*, *соседей* или *подсоседников*. Другие вольные люди не имели определенных занятий и постоянного местожительства, промышляли подвижными перехожими занятиями, „кормились походя“ по старинному выражению. Наконец, третьи совсем не работали, а жили Христовым именем, просили милостыню. Вольные люди жили в городах и селах, но не приписывались ни к городским, ни к сельским обществам.

Холопы. II. *Холопы*. В положении холопства XVI и XVII веков встречаем явление, противоположное тому, какое мы видели в холопстве удельного времени. В то время холопство,

составляя однородный в юридическом отношении класс холопов полных, дробилось на мелкие хозяйственные разряды; теперь, напротив, холопство, сохраняя установившиеся в удельные времена экономические состояния, чрезвычайно мелко дробилось на различные юридические разряды. Все эти разряды различались между собою степенью и условиями личной неволи, которая и составляла особенность всего этого класса, отличавшую его от людей служилых, тяглых и вольных. Я перечисляю эти разряды, начиная с наиболее тяжелых видов неволи и кончая наиболее легкими.

1) *Холопство полное*. До XVII века оно возникало из тех же источников, которые действовали во времена Русской Правды и в удельные века. Холопство полное было, во-первых, безусловным и бессрочным,—во-вторых, потомственным и наследственным. Как неволя переходила от холопа на его потомство, так и право на невольника передавалось господином его наследнику. Письменная крепость, которою укреплялось холопство полное, носила название *полной грамоты*. Полные.

2) *Холопство докладное*. Источник, из которого оно возникало, был один из тех, которым создавалось холопство полное—продажа лица в рабство. Но эта продажа устанавливала зависимость условную и временную. Условность этой зависимости выражалась в том, что докладной холоп отдавался не на всякую работу, а только на службу в должности сельского ключника. В сделках это выражалось формулой, которая гласила, что холоп „отдавался“ за столько-то рублей „на ключ в село, а по ключу и в холопы“. Временный характер неволи выражался в том, что „докладной“ холоп холопил господину только до смерти последнего, после которой по закону выходил на волю, не платя долга. Это холопство получило свое название от юридической формальности—*доклада*, которым оно укреплялось. Докладные.

Письменная крепость, заключавшая в себе сделку, докладывалась наместнику, который проверял ее допросом холопа и скреплял ее своей печатью. Поэтому и эта письменная крепость, укреплявшая докладное холопство, носила название *докладной грамоты.*

Кабальные.

3) *Холопство кабальное.* В разные времена оно возникало из разных источников. В XVI веке таким источником служил заем, обеспеченный личным закладом должника и соединенный с обязательством последнего „за рост служити", т. е. работать на заимодавца в его доме вместо уплаты процентов. В XVII веке источником кабального холопства был простой уговор холопа служить во дворе господина без всякого займа и без выговоренного ясно вознагражденія за эту службу. Холопство кабальное, подобно докладному, было временным: оно продолжалось только до смерти господина, после которой кабальный холоп по закону выходил на волю. Письменный акт, которым укреплялось холопство кабальное, носил название *служилой кабалы,* которую надобно отличать от „кабалы заемной"—простой долговой расписки, не создававшей личной зависимости и не соединенной с обязательной работой.

Жилые.

4) *Холопство жилое.* Оно развилось из кабального с тех пор, как последнее перестало возникать из займа, соединенного с обязательной работой. Холопство жилое отличалось от кабального разнообразием источников и условий неволи. Оно возникало из займа, соединенного с обязательной работой за рост, из найма, соединенного с условной платой по окончаніи работы, и, наконец, из прокорма, т.-е. из обязательства со стороны хозяина одевать и кормить работника. Холопство жилое было не только временным, но и срочным. Смотря по соглашению, оно продолжалось определенное в крепости число лет

(„урочные лета“) или до смерти господина, или до смерти его детей; обыкновенно это значило — до смерти холопа. Оно отличалось от кабального еще тем, что неволя возникала не только из свободного договора лица, отдавшегося в неволю, с господином, но также и из договора родителей и старших родственников невольника или мужа невольницы. В такую неволю отдавали родители своих детей, дяди — племянников, старшие братья — младших, мужья — своих жен. Выражение Минина: „заложим своих жен!“ не было ораторской фразой, а самой деловой юридической формулой, выражавшей простые, ежедневные сделки. Акт, которым укреплялось это холопство, носил название *жилой* или *житейской* записи.

Я кончил утомительный перечень чинов, на которые распалось московское общество в XVI и XVII веках. Я описал состав этого общества, как оно сложилось приблизительно к половине XVII века, ко времени Уложения. Я перечислил составные его части в вертикальном разрезе. Мы видели, что общество делилось на три главных отдела — на людей служилых, на людей тяглых и нетяглых; каждый отдел разделялся на несколько разрядов, подразделявшихся в свою очередь на несколько мелких слоев или чинов. Эти чины имели неодинаковое значение и взаимное отношение. В иных отделах чины составляли иерархическую лествицу, ступени которой различались между собою тяжестью и важностью государственных обязанностей, падавших на каждый чин. Потому здесь существовало иерархическое движение лиц, переход их по службе или по средствам из низших чинов в высшие. Таковы чины, на которые распадался отдел служилых людей или отдел людей тяглых посадских. В других отделах чины не имели значения ступеней лествицы, расположен-

ных в вертикальном направлении. То были разряды, параллельные друг другу в направлении горизонтальном. Они различались между собою не степенью тяжести, не важностью государственного служения, а только родом специальных обязанностей, которые все имели для государства одинаковое значение. Таковы были чины, на которые распадались служилые люди по прибору: стрельцы, казаки, пушкари, затинщики, и т. д. Поэтому здесь не было иерархического движения лиц. Служилый человек за службу или по его средствам не повышался из пушкарей в казаки, из казаков в стрельцы, ибо и стрельцы, и казаки, и пушкари несли различные, но в политическом смысле равноценные службы. Для того, чтобы прочнее запечатлеть в памяти чиновное дробление общества в Московском государстве, я сведу изложенный перечень в следующую таблицу, которая представит наглядную графическую схему общественного деления.

Таблица общественного деления в Московском государстве.

А. Служилые люди.

I. Служилые люди по отечеству.

a) *Чины думные:*

1. бояре,
2. окольничие.
3. думные дворяне.

b) *Чины служилые московские:*

1. стольники,
2. стряпчие.
3. дворяне московские,
4. жильцы.

Б. Тяглые люди.

I. Тяглые люди посадские.

a) *Чины посадские московские:*

1. гости,
2. гостиная сотня,
3. суконная сотня,
4. черные сотни и слободы московские.

b) *Чины посадские городовые:*

1. лучшие люди,

c) *Чины служилые городовые:*

1. выбор,
2. дети боярские дворовые,
3. дети боярские городовые.

II. Служилые люди по прибору.

1. стрельцы,
2. казаки,
3. пушкари и т. д.

2. середние и
3. молодшие.

II. Тяглые люди уездные.

a) *Крестьяне черные и дворцовые:*

1. крестьяне собственно,
2. бобыли.

b) *Крестьяне крепостные:*

1. крестьяне собственно,
2. бобыли.

B. Люди нетяглые.

I. *Люди вольные.*

II. *Холопы.*

1. полные,
2. докладные,
3. кабальные,
4. жилые.

Лекция XII.

Происхождение и ход общественного деления в Московском государстве. — Политические основания этого деления. — Перемена в значении верховной власти. — Отличие власти Московского государя от двух ей предшествовавших русских типов верховной власти. — Перемена в характере отношений государя к обществу: 1) возникновение идеи политического подданства, 2) исчезновение личного гражданского подданства и новое политическое значение звания „государевых холопов“, 3) превращение договорных сословных обязательств в государственные обязанности. — Общее основание сословной развертки этих обязанностей. — Выводы.

Политические основания общественного деления в Московском государстве.

Из какого источника вышло столь дробное общественное деление, как оно началось и совершалось? Это деление вышло из очень сложного исторического процесса, начавшегося в жизни древней Руси с тех пор, как разбитая на уделы северо-восточная Русь соединилась под властью Московского государя. Этот процесс не принадлежит к порядку крупных всемирно-исторических явлений; но он очень своеобразен. В нем вскрылись не только черты народного характера, но и общие мотивы исторического движения, пружины механики общежития, и если вы, подобно мне, придаете научный интерес явлениям такого рода, то терпеливо последуете за мной в микроскопических наблюдениях, в которые я хочу вас ввести. Прежде всего, я изложу общие политические основания этого деления, ко-

торые попытаюсь вывести из подробностей всего склада Московского государства, указывая на самые эти подробности только мимоходом.

Политическое объединение северо-восточной Руси решительно изменило характер отношений, установившихся в удельные века между князем и всеми классами удельного общества. Мы видели, что в удельные века эти отношения держались на частном гражданском договоре или на крепостном личном подданстве и состояли в обмене материальных услуг и выгод между обеими сторонами. Такой характер отношений вполне отвечал юридическому значению удельного князя, который был владельцем-хозяином удела, а не государем-правителем удельного общества. Территориальное рассеяние власти по уделам и еще сохранявшееся воспоминание о родственном происхождении князей, между которыми она была разделена, давали свободным лицам возможность разрывать договор с одним князем и заключать его с другим. Таким образом состав удельного общества, возникновение и прекращение его отношений к князю, зависели от чисто-случайного условия — от воли самого князя и свободных частных лиц, с ним договаривавшихся. Самое пространство территориальной власти князя определялось волей его предшественника: каждый удельный князь обыкновенно владел лишь тем, что ему доставалось по духовному завещанию отца, брата или дальнего родственника.

Перемена в значении верховной власти.

Сосредоточение рассеянной по уделам власти в лице Московского государя изменило его положение в государстве с двух сторон, но в одном направлении. 1) Пространство и содержание его власти перестали зависеть от такого случайного условия, как воля отдельных лиц. Они определялись государственным требованием, политической

необходимостью. Когда северо-восточная Русь соединилась под властью Московского государя, последний очутился властителем всей Великороссии, т.-е целой великорусской народности. Мало того, он укрепил за собою титул „государя всея Руси“, в котором громко звучало притязание и на другие части русской земли, еще не находившиеся в его обладании. Таким образом Московский князь становился в положение творца национального единства и блюстителя национальных интересов. Русское население, обитавшее в пределах Московского государства, подчинялось ему не в силу договора с ним, а в силу своей принадлежности к русскому народу и общности народных интересов. Владелец территории теперь стал и правителем общества. Пространство и характер его власти, как и состав управляемого им общества, теперь определялись уже не условиями и количеством гражданских сделок и не предсмертной волей его предшественника, а границами народности и целями народного блага. 2) Возникшая из столь повелительных условий зависимость подданных от Московского государя не могла быть и прекращаема с прежней легкостью старым удельным способом — уходом, выселением. В XVI веке, после того, как Ярославль, Ростов, Новгород, Тверь, Псков, Рязань и княжества Черниговской линии вошли в состав Московского государства, рядом с ним, на всем пространстве русской равнины, не оказалось другой территории, которая принадлежала бы владельцу самостоятельному и родственному по крови и по вере Московскому государю. Теперь из Московского государства стало некуда уйти, не совершая незаконного побега. Выселение, которое признавалось удельными князьями как право всех свободных обывателей русских княжеств, теперь получило характер политического преступления и

национально-религиозной измены. Так власть, которой свободные лица подчинялись прежде условно и временно, стала для них безусловно обязательной.

Отличие власти Московского Государя от двух ей предшествовавших русских типов верховной власти.

Получивши такой характер, Московский государь явился в истории нашего государственного права новым типом верховной власти, отличным от типов, господствовавших в обоих предыдущих периодах. В XI и XII веках верховная власть на Руси принадлежала целому княжескому роду, который сообща владел всей русской территорией и правил жившим на ней разноплеменным населением. В XIII и XIV веках этот владетельный род распался на множество родственных и независимых друг от друга владельцев, которые были наследственными собственниками своих удельных территорий, но не считались политическими правителями удельных обществ. Составные единицы этих обществ—свободные лица—были не подданными его, а лишь контрагентами, вольными служилыми наемниками или вольными съемщиками земли в его уделе. Московский государь совмещал в себе некоторые признаки обоих этих типов: он был и наследственным владельцем всей государственной территории, и политическим правителем жившего на ней населения. Но к этим двум признакам, территориальному и политическому, в содержание власти Московского государя присоединился еше третий—национальный. Власть княжеского рода XI и XII веков не имела такого национального значения: она вытекала не из чувства народного единства, а из факта завоевания Идея русской народности, едва начавшая зарождаться в умах, еще не была проведена в государственное право, в политический порядок. Такого значения не имели и удельные князья XIV века, потому что каждый из них владел лишь частью русской территории и самая мысль о

политическом единстве народа погибла среди удельного раздробления русской земли. Напротив, в лице Московского государя эта национальная идея является не только основанием его действительной политической власти, но и оправданием его политических притязаний. Ставши блюстителем общих интересов великорусского племени, главной части русского народа, он стремился сделаться и творцом политического единства всего этого народа и поставил себе задачей распространить свою власть на все его ветви и на все области, когда-либо бывшие в обладании русского народа. Эти притязания и были заявлены в принятом московским великим князем титуле „царя и великого князя всея Руси". Таким образом власть Московского государя отличалась от власти княжеского рода XII века тем, что была единоличной, а не коллективной, от власти удельного князя тем, что была не только территориальной, но и политической; наконец, от той и другой тем, что была национальной.

Перемены въ характере отношений государя к обществу.

Такая перемена в значении верховной власти решительно изменила характер ее отношений и ко всему обществу, и к отдельным его классам. Я перечислю эти перемены, которые представляют ряд следствий, тесно между собою связанных и вытекших из одного источника — из национального значения верховной власти.

Возникновение идеи политического подданства.

1) Это новое значение верховной власти *превратило вольных контрагентов удельного князя в политических подданных Московского государя.* Так воскресла мысль о политическом подданстве, слабо и на короткое время блеснувшая в нашем праве XI и XII веков и скоро погасшая среди разрыва княжеского рода на враждебные линии и среди одновременного распадения русской земли на обособленные области. Но эта мысль о политическом

подданстве теперь вышла из другого источника — не из того, из которого она вышла в первом периоде. Тогда ее источником было завоевание; подданными считались покоренные. Теперь эта мысль вышла из чувства национального единства и сознания внешних опасностей, угрожавших народной свободе. Теперь подданным стал считаться русский, т.-е. частный человек одного племени и веры с Московским государем.

Исчезновение личного гражданского подданства.

2) В связи с этой переменой стояла другая. *Личное подданство холопа удельного князя превратилось въ подданство государственное.* В этом состояла одна из самых характерных особенностей московского государственного права: у Московского государя не было частных, лично-крепостных холопов, какие были у удельного князя как и у князей XII века; в XV и XVI веках такие холопы слились с свободными подданными Московского государя. Но здесь следует объяснить одно явление, которое может помешать установлению правильного взгляда на строение общества в Московском государстве и которое часто этому мешает. Лично-крепостные холопы государя, сливаясь с его свободными подданными, сообщили последним свое юридическое звание: свободные лица, преимущественно служилые люди, в удельное время отличавшиеся от холопов званием слуг вольных, обращаясь к Московскому государю XVI и XVII веков, называли себя „его государевыми холопами". Не следует придавать этому того обостренного, шокирующего смысла, какой подсказывается нашим современным, несколько щекотливым политическим чувством: не следует думать, что все свободные лица в Московском государстве стали такими же личными крепостными Московского государя, какими были холопы удельных князей или какими и в XVI веке оста-

Новое политическое значение звания „государевыхъ холоповъ".

вались холопы частных рабовладельцев. Такие холопы могли быть у князей XI и XII веков потому, что ни один из них не был носителем политической верховной власти. Верховная власть была сосредоточена в целом роде, а отдельные члены его были лишь местными представителями этой власти; потому они могли вступать в частные крепостные отношения с отдельными лицами. Такие холопы могли быть и у удельного князя, который считался не властителем удельного общества по закону, а только одной из сторон по договору. Московский государь XVI века не мог иметь таких холопов: последние были орудиями частного личного интереса, а Московский государь, начав сознавать себя национальным властителем, был связан со своими подданными не личными интересами, а целями народного блага. Рассматриваемое явление относится более к политической терминологии, чем к государственному праву; но не следует пренебрегать и терминологией: история политических терминов есть история если не политических форм, то политических представлений. Мысль о государственном подданстве, возникшая из политического объединения великорусской народности, была новой идеей, незнакомой русскому обществу прежних веков, разбитому на множество независимых политических союзов. В удельное время знали подданного только в юридическом образе холопа, укреплявшегося за своим господином средствами гражданского права. Когда возникла идея государственного подданства, новому политическому отношению усвоен был привычный термин гражданского права. Итак, звание государевых холопов, которым стали величаться в Московском государстве прежние бояре и слуги вольные, значило, что и они из временных вольных наемников государя превратились в его

вечно-обязанных подданных, и более ничего не значило это звание. Когда в умах рождаются новые представления, люди, силясь их выразить, роются в старом заученном лексиконе и хватаются за первое подходящее по смыслу слово, им подвертывающееся. Повторю: когда в Московском государстве возникла зависимость во имя общего народного блага, а не частного интереса, тогдашний язык стал обозначать новые политические отношения старыми терминами гражданского права. Но первые не следует отождествлять с последними. Этот вывод, извлеченный из истории одного сословного термина, надобно твердо запомнить, чтобы не ошибиться в понимании явлений, по которым мы будем следить за строением нашего общества в XV и XVI веках. Значит, и превращение лично-крепостных государя в государевых подданных было тесно связано, как последствие, с национальным значением государевой власти.

Превращение договорных сословных обязательств в государственные обязанности.

3) Изменился источник отношений разных классов общества к государю. В материальном, хозяйственном смысле эти отношения остались прежними, но они вытекали теперь не из частного договора, а из общего закона. Служилые люди по преимуществу служили государю мечом или правительственным советом и получали от него доходные должности, кормления; но они теперь обязаны были служить, хотя бы и не получали кормлений, и если продолжали получать их, то только как средство, помогавшее им исправно служить. Прежде государь кормил их *за то*, что они служили; теперь он кормил их *для того*, чтобы они были в состоянии служить. Точно также тяглый человек платил удельному князю тягло, *если* и *пока* пользовался в его уделе городским промысловым местом или пахотным участком; теперь он обязан был пользо-

ваться таким местом или участком *потому, что* без того не мог платить тягло. Значит, виды условий и выгод, которыми обменивались государь и свободные обыватели государства, не изменились, но изменился характер обмена, связь между условиями и выгодами. Прежде эта связь была юридическая, устанавливалась обоюдным добровольным соглашением, т. е. актом гражданского права; теперь она стала политической, принудительной, устанавливалась односторонним требованием власти. Поэтому и договорные выгоды свободных лиц, бывшие прежде юридическим условием или юридическим последствием их договорных услуг князю, теперь стали лишь экономическими средствами для исправного несения государственных повинностей. Эти перемены в юридической связи условий и выгод, т. е. в источнике отношений государя к обществу, можно выразить такими словами: *договорные обязательства со стороны свободных лиц превратились в государственные обязанности, а договорные выгоды со стороны князя—въ казенное пособие для исправного исполнения этих обязанностей.*

Общее основание сословной разверстки государств. обязанностей.

Это превращение в истории русского государственного права было коренным фактом, которым надолго определилось политическое положение русского общества. Этот факт сообщил всему строю Московского государства своеобразный характер. В других странах мы знаем государственные порядки, основанные на сочетании сословных прав с сословными обязанностями или на сосредоточении прав в одних сословиях и обязанностей в других. Политический порядок в Московском государстве основан был на разверстке между всеми классами только обязанностей, не соединенных с правами. Правда, обязанности соединены были с неодинаковыми выгодами, но эти выгоды не были

сословными правами, а только экономическими пособиями для несения обязанностей. Отношение обязанностей к этим выгодам в Московском государстве было обратно тому, какое существовало в других государствах между политическими обязанностями и правами: там первые вытекали из последних, как их следствия; здесь напротив, выгоды были политическими последствиями государственных обязанностей. Это различие отношения выражалось в том, что там сословные обязанности слагались с лица, отказавшегося от сословных прав; здесь, напротив, не позволено было слагать с себя обязанности даже под условием отказа от выгод, и часто обязанность оставалась на лице, не пользовавшемся соответствующими выгодами. Так, обязательная ратная служба в Московском государстве соединена была с поместным владением, но иному служилому человеку не давали поместья, если он и без того имел средство служить, владел достаточной вотчиной. Такой своеобразный склад государственного порядка объясняется господствующим интересом, его создавшим. Этим интересом было ограждение внешней безопасности народа, во имя которой политически раздробленные прежде части его соединились под одною властью. Великороссия объединилась под властью Московского государя не вследствие завоевания, а под давлением внешних опасностей, грозивших существованию великорусского народа. Московские государи расширяли свою территорию и вооруженной борьбой; но то была борьба с местными правителями, а не с местными обществами. Поразив правителей княжеств или аристократию вольных городов, московские государи не встречали отпора со стороны местных обществ, которые большей частью добровольно и раньше своих правителей тянули к Москве. Итак, политическое объединение Великороссии

вызвано было необходимостью борьбы за национальное существование. Эта необходимость мешала установиться самому понятию о сословном праве. В первом периоде нашей истории, когда государственный порядок развился из завоевания, такое понятие установилось легко. Победители старались присвоить себе возможно больше прав, возложив на побежденных возможно больше обязанностей. В Московском государстве, все силы которого направлены были на внешнюю борьбу, усилия законодательства должны были сосредоточиться на том, какое участие принимать в этой борьбе разным классам общества, а не на том, какими правами будет пользоваться каждый класс. Предметом законодательной разработки и стала разверстка тяжестей национальной борьбы, которые налагала эта борьба, а не сословных прав, которые не вели к цели.

Из сказанного видно, что все три перемены в характере отношений государя к обществу вытекли из национального значения, какое получила верховная власть в Московском государстве. Под влиянием этих перемен изменилось отношение экономического деления общества к политическому. В удельное время экономическое положение свободных лиц в уделе определялось родом обязательств, в которые они входили со своим князем. Служилый человек обыкновенно становился землевладельцем потому, что право приобретения земельной собственности было непременным условием его договора с князем, и потому, что землевладение при тогдашнем состоянии народного хозяйства было единственным удобным средством материального обеспечения служилого человека. Подобно тому и черный человек становился либо городским промышленником, либо хлебопашцем, потому что непременным условием его договора с князем было либо пользование городским промы-

словым местом, либо пахотным участком. Теперь отношение экономического деления к политическому совершенно изменилось, стало обратным: так как государственные повинности стали обязательны сами по себе, а хозяйственные состояния служили только средством для их исполнения, то теперь экономическим положением класса должен был определяться род государственных повинностей, на него падавших. Московская политика теперь должна была согласовать сословную раскладку государственных обязанностей с теми экономическими состояниями, в которых она застала выходившие из удельного порядка общественные классы. Этой переменой в отношении экономического деления к политическому указано было и общее основание разверстки повинностей между подданными. В устройстве общественных классов эта перемена связала неразрывно экономическое положение каждого из них с родом государственного его служения. Отсюда сложилось правило, которое и легло в основание общественного деления в Московском государстве – разверстать государственные обязанности между классами общества по хозяйственному состоянию каждого из них.

На этом основании московская политика и строила государственное положение всех классов общества. Из этого основания она выработала и специальные приемы разверстки, которыми руководилась при раскладке государственных повинностей между отдельными классами.

Лекция XIII.

Практические приемы разверстки государственных повинностей между отдельными классами общества.—Приемы разверстки между служилыми людьми по чинам.—Состав и характер московского боярства в удельное время.—Три генеалогические слоя в составе московского боярства XVI века.

Практические приемы разверстки государственных повинностей между классами общества.

Напомню содержание предшествующего чтения. Я пытался вывести и формулировать политические основания общественного деления в Московском государстве. Эти основания положены были коренной переменой, происшедшей в характере верховной власти под влиянием политического объединения Великороссии. Эта власть из договорной и территориальной превратилась в обязательную и национальную. Национальное значение ее было источником важных перемен, происшедших в ее отношениях к великорусскому населению. Так как эти отношения держались на общих народных интересах, то все население государства из контрагентов превратилось в подданных государя. Так как основным интересом, служившим основанием отношений государя к подданным, было ограждение внешней безопасности государства, то тяжесть внешней обороны разделена была на специальные обязательные повинности, которыми и заменились прежние договорные обязательства населения перед князем. Таким образом государственная повинность стала основанием обществен-

ного деления, существенным признаком сословия или класса. Из этих политических оснований общественного деления вышло само собой главное правило разверстки государственных обязанностей между классами. В удельное время договорными обязательствами разных частей населения определялись их экономические состояния. Когда договорные обязательства превратились в государственные обязанности, их разверстка между классами приспособилась к различию экономического положения каждого из них. Так общим правилом разверстки обязанностей было принято распределение их между классами по экономическим состояниям последних.

Руководясь формулированным в конце прошлого чтения правилом сословной разверстки государственных повинностей, московская политика и создала в XVI и XVII веках новое общественное устройство, которое постепенно установилось на место удельного среди внешней борьбы. Это устройство — целая политическая система, которой нельзя отказать ни в стройности и последовательности, ни в практической пригодности. Пригодность системы доказали ее результаты: она помогла государству в продолжение двух веков слишком, с половины XV и до второй четверти XVIII века, выдержать трехстороннюю борьбу — на западе, юге и юго-востоке, с которой по тяжести ни в какое сравнение не могут идти внешние затруднения, испытанные в те века государствами Западной Европы. Что касается стройности и последовательности системы, это, надеюсь, обнаружится из самого ее изложения. Нам необходимо внимательно рассмотреть эту систему: тогда не будет никакого труда объяснить происхождение и значение того сословного устройства, которое установилось в нашем государстве XVIII века.

Строя общество на указанных политических основаниях, московская политика крепко держалась за общественный порядок, унаследованный ею от удельного времени. В удельное время, как мы видели, общество распадалось на две главные части, различавшиеся между собою отношением к князю и хозяйственным положением. Служилые люди несли личную службу князю, административную и ратную, и в их же руках сосредоточивалась частная земельная собственность. Люди тяглые пользовались чужой землей, княжеской или частной, и за то несли мирские платежи и работы. Московская политика начала перестройку удельного общества тем, что этот порядок, создавшийся посредством соглашения частных интересов, закрепила во имя интересов государственных, сообщив им обязательность. Так, например, если в удельное время личными земельными собственниками обыкновенно были служилые люди, то теперь было установлено, что личные земельные собственники непременно должны становиться служилыми людьми. В удельные века кто служил, тот обыкновенно становился личным земельным собственником; теперь—кто был личным земельным собственником, тот обязан был служить. Но у московского правительства не было особого правительственного персонала, который бы заведывал делами службы служилых и тяглых людей. В удельное время орудиями администрации были те же служилые люди, и только неважные местные дела земских тяглых обществ, городских и сельских, предоставлены были выборным земским властям—старостам и сотским. Московское правительство XVI века увеличило число дьяков и подьячих, которые в удельное время вели несложное канцелярское делопроизводство. Однако, при этом оно не только не отказалось от удельного правительственного по-

рядка, но еще усложнило и развило его в том же направлении, расширив круг деятельности низших местных органов администрации—земских учреждений, которые оставались едва заметными в удельное время. Теперь московское правительство попыталось этим земским учреждениям передать все местное управление. Таким образом все государственное управление в Московском государстве распалось на две сферы: в одной сосредоточены были дела, касавшиеся внешней обороны страны и устройства ее боевых сил, в другой—дела внутренней безопасности и государственного хозяйства, т. е. устройства тех экономических источников, из которых должны были получать питание боевые силы. В первой сфере, военно-административной, правительственными орудиями остались те же служилые люди, которых положение и организация устроялись в этой сфере. Дела полицейские и финансовые, которые составляли вторую сферу, возложены были на местные земские общества, безопасность которых ограждалась этим порядком учреждений и которые доставляли материальные средства для содержания боевых сил страны. В первой сфере правительственные органы действовали по непосредственному поручению или *приказу* государя, и потому она называлась *приказной*; во второй—органами управления служили ответственные выборные власти земских обществ, которые только действовали под руководством и контролем центральных приказных учреждений, и потому эту сферу управления можно назвать *земской*.

Так обозначались и практические приемы разверстки государственных обязанностей между отдельными классами общества. Эти приемы выработаны были посредством применения общего основания разверстки к тем экономическим состояниям, какие установились в удельные века.

Таких состояний было два: одни свободные люди владели землей на праве собственности, эксплоатируя ее руками вольных съемщиков или крепостных рабочих, холопов— другие пользовались чужой землей, казенной или частной, эксплоатируя ее непосредственно собственным трудом. Сообразно с тем приемы разверстки государственных обязанностей, выработанные путем такого применения, можно выразить в следующих трех правилах: *1) кто владеет своей землей, тот должен нести государственную ратную службу; 2) кто непосредственно пользуется чужой землей, частной или казенной, тот несет государственное податное тягло; 3) управление как службой, так и тяглом ведется посредством самих служилых и тяглых людей с тою разницей, что первые получають свои правительственные полномочія по назначению государя, вторые— по мирскому выбору, и потому деятельность первых соединена с властью, деятельность вторых—только с ответственностью.* Запомнив эти три правила, мы без труда разберемся в том сложном общественном складе, какой установился в Московском государстве XVI и XVII вв. Напротив непризнание этих правил повергает наблюдателя в полное недоумение при виде этого беспорядочного склада.

Приемы разверстки между служилыми людьми по чинам.

Теперь рассмотрим, как разверстывались государственные обязанности в каждом отдельном классе по чинам. Прежде всего, применяя указанные приемы разверстки государственных обязанностей к устройству служилых людей по отечеству, московская политика разделила этот многочисленный класс на длинный ряд иерархических слоев. На этот класс, как мы знаем, падали две повинности— ратная и приказная; но каждая из них была раздроблена на мельчайшие доли или специальные функции, соответственно которым и вся служилая масса раскололась на

несколько чинов. Это дробление облегчалось составом многочисленного служилого люда, собравшегося под рукой Московского государя. Независимо от разверстки государственных повинностей и даже раньше ее этот класс слагался из очень пестрых элементов, различавшихся происхождением и экономическим положением. Двор Московского великого князя, в удельное время делившийся на бояр, слуг вольных и дворовых, со второй половины XV в. вобрал в себя дворы других великих и удельных князей, делившиеся на те же самые разряды. Но бояре и слуги других княжеств не слились с боярами и слугами московскими, стали ниже их в порядке политического значения своих княжеств, образуя ряд новых ступеней служилой московской иерархии. Наконец, выше всех этих разрядов, и туземных и пришлых, стали бывшие владетельные князья с их потомками, превратившиеся из самостоятельных государей в слуг Московского государя; а в самом низу густым пластом легли новые служилые люди, навербованные для усиления внешней обороны страны из неслужилых классов—из семей духовенства, из горожан, из степных казаков, даже из крестьян и холопов. С происхождением в то время было связано и хозяйственное положение столь непохожих друг на друга классов. Новобранцы из неслужилых состояний были люди безземельные; потомки удельных бояр и слуг вольных в большинстве были крупные или мелкие землевладельцы. Наконец, большинство потомков владетельных князей не только владело крупной земельной собственностью, но и сохраняло в своих вотчинах значительную долю правительственных полномочий, какими пользовались их владетельные предки в удельные времена. Происхождением и экономическим положением условливалась служебная годность служилого лица. При

тогдашнем положении народного и государственного хозяйства землевладение было необходимым условием исправного отбывания ратной службы, как она была тогда устроена. Для занятия высших должностей по службе приказной нужны были навык и авторитет, которые приобретались практикой власти и особенно „породой“, отечеством, происхождением из родовитой фамилии, членов которой общество привыкло видеть облеченными властью и которым потому привыкло повиноваться. С этими средствами и условиями московская политика и должна была согласовать устройство служилого класса. Легко видеть, как она должна была действовать в этом устройстве. Сделав ратную службу пожизненной и потомственной обязанностью всех служилых людей, надобно было разверстать ее по размерам служилого землевладения и с этой целью прежде всего наделить худородных безземельных служилых людей казенной землей в размерах, которые бы обеспечивали исправное исполнение обязанностей рядовой ратной службы. Далее, на людей средней породы и состоятельности сверх ратной повинности надобно было возложить исполнительные дела приказной службы,—людям знатнейших фамилий и вместе крупным землевладельцам дать руководящее значение в военном и гражданском управлении,—и посредством таких разнообразных сочетаний породы, землевладельческой состоятельности и службы разместить весь пестрый служилый люд по степеням чиновной лествицы. Приемы, которые московская политика прилагала к устройству этого люда, разверстывая ратную и административную повинность по чинам, можно для памяти обозначить такой короткой формулой: *приказная служба — по отечеству, ратная—по земле, земельный надел—по службе, чины— по отечеству и по службе.* Из разверстки приказной

службы по отечеству постепенно развились высшие думные чины, с которых по принятому в перечне чинов порядку мы и начнем изучение процесса чиновного деления в Московском государстве.

Состав и характер московского боярства в удельное время.

Еще в удельное время при московском дворе собралось боярство, которое и численностью, и политическим характером заметно отличалось от боярства, служившего при других княжеских дворах северной Руси. При господстве боярского права служить князю по временному личному уговору, часто меняя место службы, боярство нигде, ни при одном дворе, не могло составить плотного общественного класса. В каждом княжестве это был не общественный класс, плотный и солидарный по своему положению и интересам, а скорее изменчивый круг одиноких лиц, случайно встретившихся друг с другом при одном княжеском дворе. Но в Москве обстоятельства рано начали сбивать таких одиноких служилых лиц в плотный общественный класс. Служба при московском дворе уже в XIV веке доставляла служилому человеку выгоды, каких он не мог найти ни при каком другом дворе. Это было причиной усиленного прилива служилых людей в Москву и сравнительно меньшей наклонности московских бояр переезжать к другим князьям. Благодаря этому усиленному приливу, к половине XV века в Москве собралось боярство, элементы которого представляли собою почти всю тогдашнюю Русскую землю. Родоначальники московских боярских фамилий сошлись в Москву чуть не изо всех углов Русской земли, даже из таких, где в те века еще очень мало пахло Русью. Достаточно простого перечня главных фамилий, чтобы видеть этот сборный состав московского боярства. Около половины XV века при дворе Московского государя видная деятельность при-

надлежала членам фамилий: Волынских, пришедших с Волыни, Квашниных из Киева, Плещеевых и Фоминых из Чернигова, Фоминских и Всеволожских из Смоленска, Алферьевых и Безниных из Твери, Овцыных из Мурома, князей Патрикеевых-Гедиминовичей из Литвы, Сабуровых и Годуновых из Орды, Ховриных-Головиных из Крыма, Кошкиных, Захарьиных и Колычевых из Пруссии. Кроме того среди этих фамилий стояли с видным значением, но неизвестного происхождения, боярские роды Морозовых, Поплевиных, Бутурлиных, Челядниных и многих других. Несмотря на различие происхождений, в этом боярстве заметна бо́льшая устойчивость положений и отношений. Выгоды московской службы увеличивались с политическими успехами Москвы. Вот почему московское боярство в продолжение полутора века усердно работало в полном согласии и об руку с московскими государями. Благодаря этим выгодам и видной деятельности, какая открылась московскому боярству с усилением Московского княжества, здешние бояре привыкали к дружному действию в одном направлении, воспитывая в себе твердые политические привычки и крепкое политическое предание. Все это сообщало московскому боярству больше сословной сплоченности и выправки сравнительно с его братией других княжеств. Бояре московские переставали быть случайными товарищами по службе и равнодушными наемниками своего князя. В начале XV столетия на Руси ни при одном княжеском дворе не было боярства более дисциплинированного и более преданного своему князю. В этом боярстве и стала совершаться глубокая перемена с половины XV века под влиянием политических событий, которые превратили московский удел в великорусское государство.

Политическое объединение северо-восточной Руси принесло в Москву густой слой знатного удельного княжья, сведенного или добровольно сошедшего с наследственных столов. Этот слой стал выше старого нетитулованного московского боярства. Московский государь должен был признать за первым служебное превосходство пред последним, давая служилым князьям первые места в управлении. Это предпочтение вынуждалось самым ходом политического объединения Руси. Едва ли не большая часть удельных князей добровольно подчинилась Московскому государю с своими уделами. Таковы были многочисленные князья Ярославские, Пронские, Микулинские, Воротынские, Одоевские, Вяземские и многие другие. Принимая их важные политические услуги, Московский государь обыкновенно оставлял их владельцами или по крайней мере наместниками-правителями их прежних уделов с значительной долей их владетельных прав. В первое время своей московской службы это были не столько подданные Московского государя, сколько союзные с ним государи, его державные вассалы. Многие из них, например, князья Одоевские, Белевские, долго сохраняли при себе особые удельные войска, которыми сами командовали в московских походах независимо от воевод московских полков. При таком положении знатное удельное княжье не могло скоро слиться в плотный класс со старым нетитулованным боярством Москвы; оно легло поверх его густым и надменным слоем, помня, что у него самого еще недавно были на службе точно такие же бояре, каких оно встретило при московском дворе. С другой стороны, бояре этих служилых князей, с переходом последних на московскую службу, разрывали свои служебные связи с прежними хозяевами и вступали в непосредственную зависимость от

Московского государя. Но и они не слились со старым московским боярством, не вошли в его плотно сомкнутые ряды, а стали в социальном распорядке ниже его, как бывшие слуги младших князей, сравнительно с Московским государем. К этому новому слою примкнули и удельные князья, владевшие мелкими уделами или утратившие удельную самостоятельность еще до перехода на московскую службу. Так старое московское боярство обложилось сверху и снизу двумя пришлыми классами, из которых один давил его книзу, погружая его в рядовую служилую массу, а другой подпирал его кверху, отрезывая его от этой массы.

Лекция XIV.

Происхождение думных чинов.—Обособление чина окольничего от чина боярина.—Генеалогическое значение обоих этих чинов.—Происхождение и значение чина думного дворянина.—Устройство московских чинов.—Двор Московского государя въ XVI в.—Набор детей боярских для столичной службы по закону 3 октября 1550 г.—Двойной генеалогический состав московского дворянства.—Двоякие специальные поручения—административные и военные, падавшие на московскихъ дворян сверх общей ратной повинности.—Отношение московских чинов к думным.

Мы обозначили три генеалогические слоя в новом составе московского боярства. Эти новые наслоения в его составе и усложнили высшую чиновную иерархию. Прежде всего они внесли чиновное деление в однообразный дотоле состав государевой Думы—государственного совета. В удельное время все члены этого совета носили одинаковое звание бояр; с начала XVI века рядом с этим званием является звание *окольничего* с значением второго думного чина. В удельное время окольничество было дворцовой должностью, ведомство которой, впрочем, недостаточно известно. По смыслу самого звания, окольничий был ближайшим человеком в свите князя, находившимся постоянно *около* него, распоряжался всем во дворце во время приема послов, ездил перед князем в поездках последнего, приготовляя все нужное в пути. С начала XVI века особая должность

Происхождение думных чинов.

Обособление чина окольничего от чина боярина.

окольничего исчезает при московском дворе. Вместе с тем государева Дума составляется из членов двух разрядов—одни зовутся просто боярами, другие „боярами окольничими“, и последние ставятся ниже первых. Повидимому, отношение бояр окольничих к боярам было такое же, какое теперь существует между тайными советниками и действительными тайными. Наконец, еще в первой половине XVI века окольничество совершенно отделилось от боярства и получило значение второго думного чина.

Генеалогическое значение обоих чинов.

Но это были не просто служилые чины: они представляли собою и особые генеалогические слои боярства. До нас дошли списки бояр и окольничих с начала великокняжения Ивана III до конца царствования Өедора Алексеевича; значит, эти списки обнимают два слишком века. Рассматривая эти списки, находим, что званием бояр облекались преимущественно люди знатнейших титулованных фамилий. Некоторые из них вступали в Думу с званием окольничих и потом становились боярами, но другие прямо получали чин боярина. К этому последнему разряду принадлежали по спискам наиболее громкие имена потомков удельных князей—князья Ростовские, князья Пенковы, Ярославские, Воротынские, Мстиславские, Шуйские и другие. Считая фамилии бояр за время с 1505 года по 1593 год, включительно, находим, что через государеву Думу в это время прошло около двухсот бояр, из них 130 принадлежали к знатнейшим титулованным фамилиям и только 70 к нетитулованному боярству. Значит, титулованная знать в это время выслала в Думу около 65% бояр, тогда как нетитулованная всего около 35%. Итак, удельное княжье численностью преобладало в звании бояр в продолжение всего XVI столетия.—Совсем другой служилый мир открывается перед нами, когда мы просматриваем списки околь-

ничих за те же 89 лет. За это время в звании окольничих перебывало в Думе до 140 человек, из них с небольшим 30 человек, значит менее 23%, принадлежали к знатному титулованному боярству, к потомкам удельного княжья; все остальные окольничие вышли из нетитулованных боярских фамилий. Справляясь о происхождении этих фамилий по родословной книге XVI века, находим, что это все потомки старинного московского боярства, родоначальники которых начали служить в Москве еще в XIV веке или даже несколько раньше. Чаще всего в списке окольничих являются немногие коренные фамилии старого московского боярства с их отраслями—Морозовы с Поплевиными, Салтыковыми, Тучковыми и Шеиными, Кошкины с Захарьиными, Яковлями, Шереметевыми, Сабуровы с Годуновыми, Давыдовы с Бутурлиными и Челядниными, Плещеевы и прочие. Таким образом в списках московских окольничих XVI века вскрывается старое боярское гнездо, которое свилось в Москве еще в XIV столетии. Это боярство было придавлено наплывом новых титулованных слуг с половины XV века. Но оно не погибло среди этого наплыва, успело удержать свое положение и отстоять в государственном совете второй думный чин.

Происхождение и значение чина думного дворянина.

С половины XVI века в списках членов Думы появляется третий чин — думных дворян. Чин этот имел еще более сложное происхождение. Если пересчитать по упомянутым спискам фамилии, из которых выходили бояре и окольничие в княжение Ивана III, его сына и внука, то насчитаем около ста таких фамилий. Но до нас дошла родословная московского боярства, составленная в конце XVI века; пересчитав по этой книге все боярские фамилии, которые служили в Московском государстве того века, найдем их не менее двухсот. Итак, целая половина всего

московского боярства в его новом составе в продолжение XVI века не имела своих представителей в Думе и на деле лишена была того политического преимущества, которое одно давало боярским фамилиям значение боярства. Так образовался в составе боярства особый слой, оставшийся за думным штатом. По происхождению, „по отечеству“, он принадлежал к боярству, но начал отделяться от него по службе, не попадая в Думу, в звание бояр и окольничих. Люди этого слоя обыкновенно носили название *детей боярских*, т. е. кандидатов на боярство. Хотя эти люди оставались за дверьми Думы, но им нашли видную деятельность в новом административном строе Московского государства. Чем более расширялись его границы, тем более усложнялся его административный механизм. Появился ряд новых учреждений, непохожих на прежние; эти учреждения ведали не военные, а финансовые и полицейские дела. К этим делам непривычна была первостепенная военно-придворная знать; для них потребовались новые дельцы, обладавшие деловой опытностью, какой не давала ратная служба, и умением вести канцелярские дела. Люди этого слоя, составившегося из упавших московских боярских фамилий и из боярских родов, которые пришли из уделов, теперь и понадобились для этих новых административных задач. Начиная службу снизу, хорошо знакомые с подробностями административного делопроизводства, они иногда высоко поднимались по службе и получали в заведывание важные дела, с которыми постоянно должна была справляться боярская Дума. Таким образом этих гражданских административных дельцов правительство должно было ввести в состав Думы. Но они были слишком худородны, чтобы их можно было вводить в Думу прямо с званием бояр или окольничих; они принадлежали, говоря

старым московским языком, к „таким статьям родов, которые в боярах не бывают“. Таковы были Зюзины, Адашевы, Алферьевы, Черемисины, Сукины и другие. Для них и создан был третий думный чин. В княжение Василия, отца Грознаго, в торжественных случаях упоминается по актам вслед за боярами и окольничими дети боярские, *что в Думе живут*, т. е. бывают, имеют в ней место или приглашаются на ее заседания. С половины XVI века эти дети боярские, в Думе живущие, получают звание думных дворян.

Так произошло разделение личного состава Думы на три чина. В списках людей, которые облекались этими чинами, мы встрѣчаем три особых слоя въ составе московского боярства. Думные чины в то время не были неподвижными, замкнутыми политическими состояниями; члены одной и той же фамилии одновременно носили разные думные чины. Думных дворян за службу возводили въ окольничие, окольничие дослуживались до боярства, но в то время эти звания еще не превратились в простые служебные ранги, сохраняли некоторое социальное различие: за каждым из них стоял особый генеалогический слой. Бояре выходили преимущественно из знатнейших княжеских фамилий, к которым присоединились немногие роды старого московского боярства. Окольничество принадлежало преимущественно тем фамилиямъ этого последнего, которые успели спасти свое положение при наплыве новых титулованных слуг в Москву. Наконец, думное дворянство было политическим приютом для выслужившихся дельцов того смешанного класса, который состоял из упавших фамилий старого московского боярства и из массы пришлых бояр удельных. Таким образом чиновный состав Думы в XVI веке отражал в себе генеало-

гический склад московского боярства того времени. Между слоями, из которых состояло это боярство, и развер- станы были соответственно их генеалогическому зна- чению различные функции высшей приказной службы. Деятельность думных людей не ограничивалась законода- тельными работами в Думе: они занимали и другіе выс- шие должности, управляли московскими приказами и обла- стями, командовали полками, словом руководили всем упра- влением, но не с одинаковым авторитетом. Важнейшие должности по военному и гражданскому управлению по- ручались боярам, второстепенные — окольничим; на дум- ных дворян возлагались преимущественно второстепенные должности по гражданской администрации, финансовой и полицейской.

Устройство московских чинов.

За думными чинами въ служилой иерархии следовали *чины московские*. Происхождение их тесно было связано с чиновным делением Думы. В думу, при ее нешироком численном составе, попадали немногие члены боярских фамилий, притом они получали места в ней после дол- гих лет службы вне ее: боярами и окольничими станови- лись уже пожилые служаки. Огромное большинство лиц, принадлежавших к боярскому классу, всю жизнь остава- лось в звании детей боярских, дожидаясь места в Думе. Эти непопавшие в Думу члены боярских фамилий или

Двор Московского государя в XVI в.

дети боярские и составляли собственно двор Московского государя. Во второй половине XVI в. эти дворовые дети боярские получили общее название *московских дворян*. До половины XVI в. двор этот не имел правильного устрой- ства. Дети боярские или дворяне московские расписаны были по разным уездам, где находились их недвижимые имущества. Но в 1550 году дворяне, обязанные службой в столице, были сосредоточены в один класс и крепче

привязаны к столице, получили правильную организацию и более определенное служебное назначение. 3 октября 1550 г. государь приговорил с боярами набрать по разным уездам тысячу человек детей боярских, лучших слуг, и раздат им поместья в Московском и ближайших уездах не далее 70 верст от столицы. Эти новобранцы должны были всегда быть на готове в столице для исполнения различных правительственных поручений. Их разделили на три „статьи“ или разряда по размерам поместных окладов. К этим детям боярским присоединили несколько бояр и окольничих, которые не имели ни вотчин, ни поместий вблизи Москвы. Боярам, окольничим и дворянам первой статьи назначили поместный оклад в 200 четей (четь—1½ десятины) пахотной земли, не считая сенокосной, детям боярским второй статьи — по 150 четей, третьей статьи— по 100. Всего было испомещено 28 бояр и окольничих и 1.050 детей боярских; пахотной земли им роздано 138.200 четей, т. е. 207.000 десятин пахотной земли. До нас дошел полный список этой тысячи. В первой статье, очень немногочисленной, встречаем все титулованные или знатные нетитулованные имена: здесь обозначен и князь Андрей Михайлович Курбский, и Никита Романович Юрьев, родной брат царицы. Напротив, во второй статье являются люди неодинакового происхождения: рядом со знатью обозначены члены очень скромных служилых фамилий. Наконец, в третьей статье очень мало родовитых имен; господствует рядовое дворянство. Таким образом статьи, на которые разделены были дети боярские, испомещенные вокруг столицы, представляли собою особые чины, различавшиеся степенью знатности. К концу XVI в. деление на статьи заменилось делением на чины *стольников, стряпчих, дворян московских* и *жильцов*. Название этих чинов

Набор детей боярских для столичной службы по закону 3-го окт. 1550 г.

прежде значили придворные должности, подобно званию окольничего; теперь они получили значение простых чинов. Этим набором пополнены были ряды дворянства, привязанного службой к столице.

Двойной генеалогический состав московского дворянства.

Оно получило двойственный состав: рядом с людьми знатных фамилий стали люди, набранные по различным уездам государства из низшего провинциального дворянства. Служба „по московскому списку" была началом служебной карьеры для людей знатных фамилий и завершением ее для людей средняго и низшего дворянства. Молодой сынъ боярина, достигнув боевого возраста, обыкновенно начинал служить дворянином московским или стольником и потом, смотря по знатности, получал место в Думе с званием окольничего или прямо боярина. Напротив, дворянин провинциальный, долго прослужив по „выбору", потом возвышался в чин жильца, в редких случаях дворянина московского и еще реже стольника. Этот двойственный состав московского списка легко различить, просматривая боярскую книгу 1627 г.: здесь обозначены имена бояр, окольничих и всех чинов Московского списка: поименовано 236 стольников, 94 стряпчих и 826 дворян московских; жильцов несколько позднее, в половине века, было около 2.000. Любопытно остановиться на длинном списке дворян московских; первые два-три десятка имен в нем принадлежат все к знатнейшим титулованным или нетитулованным фамилиям; это князья Голицыны, Хованские, Ростовские, Прозоровские,— дети бояр Шереметевых, Салтыковых, Бутурлиных. Чем ниже спускаемся мы по этому списку, тем реже мелькают знатные имена. Напротив, все чаще и чаще попадаются фамилии, которых члены никогда не появлялись в списках думных чинов: Биркины, Боборыкины, Загряжские,

Наумовы и т. д., с отметками при именах некоторых из них, что прежде они служили выборными дворянами по такому-то городу. Значит, „Московский список" был служебным поприщем, на котором встречались друг с другом обе половины служилого класса—знатная и рядовая. Согласно с этим двойственным составом, на московское дворянство падали, сверх их общей ратной повинности, и двоякие служебные поручения—административные и военные. Стольники и дворяне московские в мирное время были вечно на посылках: их назначали управителями второстепенных московских приказов, воеводами во второстепенные города, в свиту к послам, отправляемым к иностранным дворам, их посылали и для производства следствий по важным уголовным делам в различные части государства, словом—на них возлагались все особые административные и дипломатические поручения. Это были исполнительные орудия гражданскаго управления. Рядом с этим они занимали совершенно особое положение в военном строе: стольники стряпчие, дворяне московские и жильцы составляли значительный и наилучше вооруженный корпус, называвшийся Царевым полком и обыкновенно сопровождавший царя в военных походах; их бывало иногда более 6.000 человек. Но они редко ходили в походы всей массой: они имели еще значение офицерского запаса для провинциальных служилых людей. Часть их рассылалась в военное время по армейским полкам, состоявшим из провинциального дворянства. В этих полках они служили полковниками и головами, т. е. батальонными и ротными командирами, а также составляли свиту полковых воевод, т. е. корпусных командиров. Таким образом одну часть московского дворянства, составлявшую Царев полк, можно назвать московской гвардией, а другая,

Двоякие специальные поручения—административные и военные, падавшие на московск. дворян сверх общей ратной повинности.

руководившая полками городового дворянства, имела значение московского генерального штаба. Но не думайте, что и в Царевом полку люди Московского списка служили рядовыми: они были большею частью крупные землевладельцы, которые выходили в поход с значительным числом вооруженных холопов. Мы увидим после, как разверстана была эта ратная служба по размерам землевладения. Каждый московский дворянин выступал въ поход с десятками или сотнями вооруженных холопов и ими командовал. Таким образом люди московских чинов, служа командирами частей в городовых полках, вместе с тем и в своем Царевом полку имели значение командиров вотчинных холопьих отрядов. Чтобы нагляднее видеть это двойственное значение московского дворянства, достаточно просмотреть роспись 1681 года. Всего стольников и других московских чиновныхъ людей по этой росписи считалось 6.385 человек, из них 3.761 человек рассеяны были по полкам провинциального дворянства в офицерских должностях; 2.624 входили в состав московского гвардейского корпуса, „Царева полка", но они приводили с собою в этот полк 21.000 слишком вооруженных холопов, так что вес московский корпус состоял почти из 25.000 с небольшим; на каждого дворянина в нем приходилось круглым числом почти по десяти холопов. Перечисленные

Отношение московских чинов к думным.

московские чины различались между собою свойством административных и военных поручений, какие возлагались на людей каждого из них: стольник назначался в более важную „посылку", чем дворянин московский, и т. д. Вместе с тем в среде этих чинов существовало такое же иерархическое движенне, как и в думных чинах: жилец повышался во дворяне московские, дворянин—в стряпчие или в стольники. Но это движение несколько отличалось

от того, какое происходило в думной службе. Думные чины давались преимущественно *по отечеству* или по породе. То же отечество служило основанием чиновного возвышения и для знатных людей, служивших по Московскому списку, но значительное большинство столичного дворянства поднималось на чиновной лествице *по службе*, т. е. по заслугам, а не по породе. Таким образом двойственный генеалогический состав Московского списка отражался и в служебном движении людей, по нему служивших.

Лекция XV.

Происхождение служилых чинов городовых.—Разверстка службы по земле и превращение удельных дворов в местные общества служилых вотчинников.—Разверстка земли по службе и образование новых обществ служилых помещиков.—Поземельное устройство новобранцев на опасных границах государства.—Следствия разверстки службы по земле и земли по службе: 1) разрушение первоначальных местных обществ служилых вотчинников; 2) происхождение двойственного характера и состава столичного дворянства; 3) установление нормы поземельной службы.

Происхождение служилых чинов городовых.

Изучая происхождение высших служилых чинов, думных и столичных, мы видели, что они имели генеалогический источник и правительственное значение. Они соответствовали слоям, из которых составилась московская служилая знать к XVI в. и различались важностью правительственных поручений, какие возлагались на людей того или другого чина. Чиновное деление низшего провинциального дворянства имело другое основание: здесь чиновные различия возникли из распорядка поголовной ратной службы, т. е. общей повинности, падавшей на всех служилых людей, как столичных, так и городовых. Если высшие чины были различные степени правительственного доверия или авторитета, которым облекались лица, их носившие, то чины городовые были различные степени боевой годности. В тогдашнем военном строе боевая годность слу-

жилого человека определялась не столько строевой выучкой или личной храбростью, сколько количеством вооруженных дворовых людей, с которыми он выступал в поход, и качеством своего и их вооружения. Такой боевой годностью иной молодой знатный стольник, унаследовавший от отца обширную вотчину, намного превосходил иного старого боярина, выводя в поле несравненно большее количество хорошо вооруженных ратников. Тем не менее в военном и гражданском управлении стольник становился гораздо ниже боярина, пока сам не дослуживался „до Дум", т. е. до думного чина. Напротив, положение провинциального дворянина в городовой чиновной иерархии определялось исключительно его боевыми средствами. Эта разница происходила оттого, что обязанности правительственной службы распределялись между служилыми людьми по их отечеству, породе, а тягости службы ратной разверстывались по земле, т. е. по землевладельческой состоятельности.

Разверстка службы по земле.

Первоначально, т. е. в первую пору образования Московского государства, „дворы" терявших самостоятельность князей оставались на местах, образуя местные землевладельские общества; с них снимался только верхний слой—знатнейшее удельное боярство, которое вслед за своими князьями переселялось в Москву для столичной службы. Но и в столице эти пришлые элементы московского двора некоторое время не смешивались со старыми московскими служилыми людьми, образуя особые родословные или удельные группы. Так, знатные придворные люди, присутствовавшие во дворце при торжественном приеме польских послов в 1542 г., были расписаны на такие группы: „князи *Оболенские*, князи *Ростовские*, князи *Ярославские*, князи *Стародубские*, *двор Тверской*, *Москва*".

Превращение удельных дворов в местные общества служилых вотчинников.

В последней группе поименованы члены двух старинных московских фамилий—Морозовых и Шеиных, да один Ласкирев—сын выехавшего в Москву в конце XV в. знатного грека из фамилий Ласкарисов. Люди, принадлежавшие к этим местным группам,—князья Оболенские, Ростовские и двор Тверской, Москва—владели вотчинами в тех княжествах, имена которых носили. Так ратные люди в Московском государстве первоначально складывались в местные служилые общества *по земле*, т.-е. по месту землевладения.

Разверстка земли по службе и образование новых обществ служилых помещиков.

Но рядом с этими местными обществами, основанными на удельном распорядке служилых людей, возникали другие, вызванные новыми стратегическими условиями внешней обороны. По мере расширения Московского государства, в состав его территории входили местности, в которых было мало или вовсе не было служилых землевладельцев, но которые нуждались во внешней защите. Для ограждения таких местностей от внешних нападений они заселялись безземельным людом, состоявшим из низших слуг прежних удельных дворов, из тяглых людей и даже привычных к оружию холопов, которых правительство брало из боярских дворов и ставило в ряды провинциального дворянства. Подьячий второй половины XVII века Котошихин, вспоминая об этой усиленной военной вербовке, в своем описании Московского государства говорит, что в прошлые давние годы, когда у Московского государства были войны с окрестными государствами, ратных людей набирали из всяких чинов и многие из них „за службу и полонное терпение“ (т. е. за страдания в плену) освобождались от *холопства* и *крестьянства* и получали в награду за свою службу небольшие поместья и вотчины. Средством для поземельного устройства этих новобранцев был новый вид

Поземельное устрой-

землевладения, выработавшийся в Московском государстве и получивший названии *поместного*. Я не буду говорить ни о происхождении этого землевладения, ни о тех юридических отношениях, которые входили в состав поместной системы: одни из вас, может быть, слушали об этом в общем курсе русской истории, другие услышат в общем курсе истории русского права. Для нас теперь важны практические последствия этой системы, которые показывают, как устроялось военно-служилое и поземельное положение провинциального дворянства при помощи законодательства о поместном владении. Напомню только, что в Московском государстве поместьем, в отличие от вотчины, наследственной поземельной собственности, назывался участок казенной земли, данный служилому человеку во временное, обыкновенно пожизненное, владение под условием службы и как средство для службы. Этот вид землевладения возник еще в удельные века: его черты носили на себе те участки, которыми князья наделяли за службу— и только на время службы—не боевых, а дворцово-хозяйственных своих слуг, знакомых уже нам под названием слуг „под дворским“. Только в XV и XVI веках это землевладение было распространено на всех служилых людей и приведено было законодательством в стройную систему.

ство поверстанцев на опасных границах государства.

Эга поместная система была выражением другого правила, которое положено было в основу военно-поземельного устройства служилых людей и было тесно связано с первым, которое проводилось чрез вотчинное землевладение. Мы видели, что когда ратная служба стала обязательной повинностью целого класса, ее тягости были разложены между служилыми людьми по земле, т. е. по размерам вотчины каждого. Но если все люди, владевшие землей, должны были нести ратную службу в меру земельного владения, то

естественно—все, кто нес постоянную ратную службу, должны были владеть землей соразмерно с служебными тягостями. Так, правило *служить по земле* привело к другому, обратному—*владеть землей по службе*. Согласно с этим новым правилом и наделялись поместьями безвотчинные или маловотчинные служилые люди. Это испомещение не только ввело новых землевладельцев в ряды старых местных вотчинных обществ, но и созидало в продолжение XVI и XVII веков одно за другим новые уездные землевладельческие общества, на которые падала обязанность защищать ближайшие к ним границы государства. Наиболее угрожаемые западные, южные и восточные границы были обсажены более или менее густыми рядами помещиков, которыми, как живой изгородью, с трех сторон был защищен государственный центр. Мы можем судить о ходе этих оборонительных работ по нескольким сохранившимся в памятниках данным. В 1488 году, несколько лет спустя по завоевании Новгорода, здесь был открыт заговор, вследствие которого более 8.000 бояр, знатных горожан и купцов переселены были из Новгорода в Московскую землю. Эти бояре и знатные горожане были в большинстве крупные землевладельцы. Личные землевладельцы должны были служить, по правилу московской политики; но туземные землевладельцы на своих новгородских вотчинах были опасны для московского правительства. Поэтому 8.000 переселенцев были рассыпаны по уездам Владимирскому, Нижегородскому, Муромскому, Переяславскому, Юрьевскому, Ростовскому и Костромскому и наделены поместьями. На их опустелые места посланы были сотни московских служилых людей, которым розданы были в поместья конфискованные вотчины переселенцев. При этом, чтобы добыть требуемое количество московских служилых заместителей, велено было рас-

пустить более пятидесяти семей походных холопов, служивших во дворах московских бояр Тучковых, Шереметевых, Ряполовских, Травиных и других. Все эти невольноотпущенные получили поместья в Вотьской пятине, пограничной с шведскими и ливонскими владениями. До нас дошла окладная книга этой самой пятины, составленная в 1500 г. В 14-ти погостах двух уездов этой пятины, Ладожского и Ореховского (уездный город Орешек) мы встречаем по окладной книге 106 московских помещиков и между ними много бывших холопов московских бояр. В имениях всех этих помещиков значилось около 45.000 десятин пахотной земли, на которой работало более 4.000 крестьян и помещьичих дворовых людей. Такое служилое гнездо свито было Москвой в пограничном с шведскими владениями уголке Новгородской земли менее чем в два десетилетия. Еще раньше и гуще заселены были восточные и северо-восточные уезды. В 1499 г. совершен был под командой кн. Семена Курского поход за Урал на вогулов, нападавших на русские владения; под начальством князя было послано между прочим 1.304 служилых человека Устюжского уезда и более 2.000 служилых людей уездов Вятского, Важского и Пинежского. Еще заботливее огораживались самые опасные, южные границы. Барон Герберштейн, посетивший дважды Московию в начале XVI в. и хорошо ее изучивший, говорит, что даже в мирное время по рекам Оке и Дону ставили ежегодно до двадцати тысяч ратных людей для предупреждения татарских нападений. По установившемуся порядку мобилизации, большинство этих сторожевых отрядов состояло из служилых людей южных пограничных уездов. Можно даже уловить по книгам XVI в. географическое распределение провинциального дворянства. В центральных уездах, особенно в Московском, было очень

мало городовых дворян; решительно преобладали землевладельцы высших чинов, думных и московских, обыкновенно крупные вотчинники и с крупными поместными окладами. Поместья самих городовых дворян, рассеянные между крупными имениями людей высших чинов, в этих уездах были также довольно значительны. Чем дальше от Московского уезда на восток и юг, тем реже становились поместья и вотчины высших чинов, тем больше являлось провинциальных помещиков, и тем мельче были их поместные оклады. Размеры помещичьего и вотчинного землевладения шли в редеющем порядке от центра к южным, западным и восточным окраинам. Возьмем список служилых людей Коломенского уезда с их поместными окладами 1577 г. По этому списку значилось 295 помещиков, за которыми по окладам числилось 804.000 десятин пахотной земли, не считая лесной, луговой и неудобной. Следовательно, на каждого помещика приходилось по 285 десятин. Возьмем список служилых людей Ряжского уезда 1597 г. Ряжский уезд в конце XVI в. принадлежал к числу юго-восточных пограничных. По списку в нем было 770 поместий, в которых по окладам значилось 127.860 десятин; следовательно, среднее поместье имело 166 десятин. Такова разница от среднего поместья Коломенского уезда, заключавшего в себе 285 десятин. В этом Ряжском и в смежных или еще более южных уездах—Епифанском, Ефремовском, Козловском, Лебедянском, Елецком, Ливенском, Воронежском—в конце XVI и начале XVII в. садились служилые люди „вновь на диких полях“. Там было чрезвычайно мало, в иных местах даже совсем не было крестьян, служилые люди были здесь первыми русскими поселенцами с своими дворовыми людьми. Они рассаживались не одинокими помещичьими усадьбами, а огромными сплошными и притом укрепленными селениями и почти все жили

„однодворкою", т. е. имели только свои собственные дворы, не имея дворов крестьянских.

Следствия развёрстки службы по земле и земли по службе.

Совместным действием обоих правил, которые легли в основание устройства служилых провинциальных людей, и вызван был ряд важных для этого класса следствий.

1) Разрушение первоначальных местных обществ служилых вотчинников.

1) Разбились старинные общества служилых вотчинников, которые образовались еще в удельное время. Малоземельные слуги удельных князей, жившие кормлениями, теперь рассеялись по поместьям в разных уездах, отдаленных от места службы их отцов. То же самое случилось и с потомками самих удельных князей: князья Оболенские стали помещиками в Новгородской земле, князя Дулова, из линии Ярославских, встречаем мелким помещиком в Ряжском уезде, а князя Засекина, из той же линии,—в Каширском.

2) Происхождение двойственного характера и состава столичного дворянства.

2) В половине XVI века, как только установились новые уездные служилые общества, состоявшие из вотчинников и помещиков, с них опять был снят верхний слой для службы столичной, как было сделано еще прежде, в XV веке. Этим слоем и была та тысяча, о которой я упоминал в прошедший раз, набранная из детей боярских разных уездов и получившая поместья около Москвы. В нее попали, по выражению указа 1550 г., „лучшие слуги", т. е. наиболее состоятельные и годные к ратной службе. То были или знатные люди, владевшие хорошими наследственными вотчинами, каков был, напр., князь Мезецкий, у которого в вотчине оказалось более 2000 десятин пахотной земли,—или потомки служилых людей очень простого происхождения, но успевшие удачно устроиться на пожалованных им поместьях. Между ними встречались даже потомки бывших боярских холопов, распущенных при великом князе Иване III и полу-

чивших поместья в Новгородской земле. Получивши подмосковные поместья, люди этой тысячи не потеряли своих вотчин и поместий в уездах, из которых они были взяты, но, вошедши в состав столичного дворянства, они вышли из дворянских уездных обществ, к которым прежде принадлежали. Отсюда и произошел двойственный генеалогический и служебный характер этого дворянства. В нем встречались люди отечества, породы, с людьми службы, выслуги. Это были и лучшие боевые ратники („Царев полк"), и исполнительные орудия управления. Таким образом одной стороной своей деятельности и вершиной своего состава московское дворянство было обращено к боярству, а другой стороной своей деятельности и нижней частью состава—к провинциальному дворянству.

3) Установление нормы поземельной службы.

3) Если государственное положение боярства держалось на отечестве, а положение столичного дворянства — на отечестве и приказной службе, то положение городового дворянства строилось единственно на ратной службе. Применяя оба правила, в половине XVI в. законодательство установило норму поземельной службы. В летописи, среди узаконений 1556 г., мы встречаем плохую парафразу закона, не дошедшего до нас в подлиннике, который гласил приблизительно следующее: „государь рассмотрел, что иные вельможи и воины многими землями завладели, а службой оскудели—не соразмерна их служба с государевым жалованьем (поместьями) и с их вотчинами; потому государь указал измерить их земли и уровнять их поместьями, наделив каждого, кто чего заслуживает; а лишнее отобрать и разделить между неимущими. И тогда установлена была точно определенная служба с вотчин и поместий: со ста четвертей доброй угожей земли человек на коне и в полном доспехе, а в дальний поход с дру-

гим конем запасным,—и кто послужит по земле, того государь пожалует кормлением и на людей походных даст денежное жалованье; кто же землей владеет, а *службы с нее не платит*, с того самого взыщут деньги за походных людей. И все устроял государь так, чтобы служба его государская была безо лжи и без греха по правде" [1]).— Чтобы понять этот важный закон, надобно припомнить значение земельной чети или четверти в XVII в. Четь— пространство пахотной земли, засеянное четвертью ржи; а тогда обыкновенно сеяли так, что пространство земли, засеянное двумя четвертями, равнялось нынешней десятине. Итак, четь, как земельная мера, равнялась половине десятины, в трех полях, следовательно,—$1^1/_2$ десятинам. Таким образом нормой поземельной службы был установлен один вооруженный конный ратник с каждых 150 десятин пахотной земли. Поэтому владелец трехсот десятин пашни должен был выступать в поход сам-друг с вооруженным холопом, и т. д. Но эта норма имела двухстороннее применение согласно с двумя указанными правилами, из которых была выведена. Если с каждых 150 десятин пахотной земли по закону ставился в поход один вооруженный конный ратник, то, с другой стороны, каждый служилый человек, являвшийся в поход вполне вооруженным конным ратником, должен был иметь поместье не менее 150 десятин пахотной земли. Применяя так служебную норму, московское правительство и разверстало между провинциальным дворянством тягости ратной службы, разделив этой разверсткой провинциальное дворянство на три чина, которые следовали снизу вверх в таком порядке: дети боярские городовые, дети боярские дворовые и дворяне выборные.

[1]) Лет. по Никонов. списку, VII, 261.

Лекция XVI.

Дети боярские городовые; происхождение этого звания.—Разверстка службы между городовыми чинами по *десятнямъ* XVI и XVII в.—Отношение помещичьего землевладения къ вотчинному.—Поместные оклады и поместные дачи.—Отличие городового чиновного деления от московского и думного.—Влияние военного устройства Московского государства на сословно-географическое размещение русского общества.

Дети боярские городовые. Происхождение этого звания.

Термина *дети боярские* не понимали уже в XVII веке: его не умел объяснить Котошихин; но происхождение его объясняется довольно просто. В удельных княжествах образовалось очень много боярских фамилий, т.-е. служилых родов, члены которых бывали в звании бояр. Но звание боярина обыкновенно жаловалось служилым людям уже в зрелых летах, притом не всем членам боярских фамилий. Члены боярского рода, еще не получившие звания бояр, в удельное время назывались *детьми боярскими*, которые стояли выше простых вольных слуг или дворян. С исчезновением уделов, только знатнейшее удельное боярство перешло в Москву. Члены боярских родов, не носившие этого звания, остались на местах, нося звание детей боярских, как бы кандидатов на боярство. Но мы видели, что большая половина боярских фамилий, записанных в боярскую родословную книгу XVI века, не провели в продолжение всего этого столетия ни одного

члена в Думу. Таким образом бо́льшая половина старых боярских фамилий удельного времени перестала принадлежать к действительному боярству. Члены этих, так сказать, заштатных боярских фамилий рождались и умирали в продолжение целого века слишком в звании детей боярских. Таким образом *сын боярский* становился синонимом провинциального служилого человека. Некоторых из этих городовых детей боярских брали в столицу „во двор", т.-е. для дворцовой службы. С половины XVI века или раньше эти дети боярские получили название *дворовых* или *дворян*. Так *дворянин*, прежде означавший слугу вольного небоярского происхождения и потому стоявший ниже сына боярского, теперь превратился в придворное звание, в которое возводились только некоторые городовые дети боярские. Благодаря тому, звание детей боярских стало низшим провинциальным чином. Высшие чины провинциального дворянства стали зваться детьми боярскими дворовыми и выборными дворянами. Некоторые из них дослуживались до столичного дворянства и в чине московских дворян назывались *дворовыми дворянами* или *дворянами большими*.

Разверстка службы между городовыми чинами по десятням XVI и XVII вв.

Теперь посмотрим, как разверстывалась служба между служилыми людьми и как они верстались поместными окладами. Для того и другого назначались *смотры* или *разборы*. Смотр служилым людям уезда производился полковыми воеводами на походе, или особо назначаемыми ревизорами, *разборщиками*, которые в мирное время приезжали в уезды и созывали на съезд все уездное дворянство. Разбор и верстанье служилых людей производились посредством допроса выборных их представителей, которые назывались *окладчиками*. Их выбирали, смотря по надобности, в числе четырех, пяти и даже более десяти

человек; при вступлении в должность они приносили присягу; в каждом уезде это была как бы коллегия уездных предводителей дворянства. Они обязаны были сообщать о дворянах своего уезда все сведения, какие были нужны присланному из столицы разборщику. Руководствуясь их показаниями, разборщик назначал каждому дворянину род службы, назначал беспоместным дворянам поместные оклады, составлял список всех служилых людей уезда, разделяя их на чины и чины на статьи, подробно обозначая как оклад, так и род службы каждого человека. Эти списки носили название *десятень*. Несколько их дошло до нас еще от XVI в.; XVII столетие оставило их нам сотни; ни одна из них не издана [1]). Изучение этих списков открывает приемы разверстки службы и окладов между служилыми людьми. Согласно с обоими основными правилами разверстки, поместные оклады назначались по качеству службы или боевой годности, и наоборот—качество службы и степень боевой годности определялись прежде назначенными окладами. Боевая годность определялась четырьмя способами. 1) Разборщик спрашивал окладчиков про служилого человека, каков он *собою*? Если ему говорили, что он собою молод или „молодец", ему назначали хороший оклад; если говорили, что он собою худ, т.-е. стар или слаб, его писали в низший разряд. Так встречаем выражения окладчиков: „собою молод и окладу того стоит". 2) Разборщик спрашивал, каков служилый чело-

---

[1]) Это утверждение относится к 1886 г. С 1890 г. Московский Архив Министерства Юстиціи, в котором хранятся десятни, издал несколько археологических работ о десятнях. Некоторое количество их, в выдержках и полностью, напечатано также в изданиях местных архивных комиссий.

А. Ю.

век *своею головою*? Если окладчики говорили, что он своею головою добр или середний, это значило, что он имеет хорошие материальные средства и хорошо ведет свое земельное хозяйство, имеет хорошее вооружение, коней, боевых холопов, словом, хорошее походное обзаведение и способен нести добрую походную службу. 3) Разборщик спрашивал, каков служилый человек *отечеством*? Если ему говорили, что он отечеством добр, это значило, что отец его служил в хорошем чине, напр., выборным дворянином, и следовательно мог передать сыну боевой навык и боевые средства. Наконец, 4) разборщик спрашивал, каков служилый человек *своею службой*, т.-е. бывал ли он прежде в походах, приобрел ли боевую опытность, или только что выступает на служебное поприще? Руководствуясь этой оценкой, разборщик писал одних в низший чин детей боярских городовых, назначая им служить службу „осадную" либо „ближнюю", состоявшую в защите ближней границы, других писал в чин детей боярских дворовых, назначая им службу „дальнюю", состоявшую в далеких походах, которые требовали хорошего походного прибора и больших расходов; наконец, третьих зачислял в чин дворян выборных, которые кроме дальних походов очередными партиями призывались в Москву для исправления разных придворных обязанностей. Служилый человек, признанный добрым и собою, и по отечеству, и даже по службе, иногда возражал разборщику, желавшему записать его в высший разряд, говоря: „на службе быть мне не с чего: бобылишки и крестьянишки мои худы, а сам я беден" и просил записать его в низший чин. Для примера приведем из Коломенской десятни 1577 г. описание службы одного дворового сына боярского второй статьи: поместный оклад 350 четей; быти ему на службе

на коне в панцыре в шеломе в саадаке (с луком и стрелами) в сабле да три человеки (боевые холопы) на конех в пансырех в шапках железных, в саадакех, в саблех с копьи да три кони простые да человек о дву меринех в кошу (в обозе с запасами).

Сообразно с прежней службой и степенью боевой годности назначались служилым людям разных чинов различные размеры поместных окладов. Впрочем, в разных уездах и общие нормы чиновных окладов были не одинаковы: это зависело от густоты служилого населения. В Московском уезде оклады вообще были мельче, чем в Ряжском, потому что первый уезд был гуще заселен служилым людом, чем последний. В каждом уезде оклады различались по чинам. Но так как к поместным окладам в подспорье назначались еще и оклады денежного жалованья, которое выдавалось обыкновенно пред походом, то, благодаря различным комбинациям поместных и денежных окладов, каждый чин распадался на несколько статей. Возьмем упомянутую десятню Коломенскаго уезда 1577 г. В Коломенском уезде не было „выбора“: служили только дворовые и городовые дети боярские. Поместные оклады дворовых людей были от 400 до 200 четей, т.-е. от 600 до 300 десятин, денежные—от 14 рублей до 8 (от 840 до 480 р. на наши деньги); по размерам этих окладов дворовые люди распадались на 14 статей. Городовым людям назначались оклады от 300 до 100 четей; денежный оклад—от 14 до 6 р.; их было более 20 статей.

Городовые дети боярские служили либо на конях, либо пешие; в первом случае они ходили лишь в ближние походы для защиты ближайших границ, во втором—не ходили в походы, а составляли гарнизон. Дети боярские дворовые служили везде на конях: либо также ходили в

ближние походы, либо, смотря по состоятельности, назначались и в дальние. Наконец, выборные дворяне, высший разряд провинциального дворянства, не только исполняли все службы низших чинов, но и отправлялись в редкие, особенно тяжелые и отдаленные походы—напр., чрез всю степь против Крыма. В такие походы изо всех уездов выбирались только отборные служилые люди, составлявшие *выбор*. Так, в 1533 г. царь приговорил послать на крымские улусы боярина Шереметева с детьми боярскими московских городов выбором; из смоленских выбрать лучших слуг, а из северских городов, ближайших к месту назначения, всех поголовно.

Итак, поместные оклады назначались по чинам, как чины назначались по службе, т.-е. по боевой годности и по заслугам. Но количество четвертей, назначенное в оклад, не всегда бывало действительным поместным владением служилого человека. От оклада надобно отличать *поместную дачу*. Оклады назначались по чинам, но размеры дач соображались с тем, имел ли служилый человек вотчину или нет. Если он не имел вотчины, ему давали во владение полный оклад; если он имел вотчину, то ему давали в дачу только часть оклада; вотчина служила подспорьем к поместью. Можно найти указание и на отношение дач к поместным окладам. Возьмем десятню Елецкого уезда 1622 г., в которой обозначены при поместных окладах и действительные дачи. Сосчитав те и другие, найдем, что средний поместный оклад дворовых детей боярских (выборных там не было) был 240 четвертей, городовых—93, *новиков*, т.-е. только что поступивших на службу и вновь верставшихся поместьями—в 79 четвертей; всего назначено было в оклады 878-ми служилым людям уезда 123.230 четвертей. Но так как у многих служилых

Отношение поместного землевладения к вотчинному.

Поместные оклады и поместные дачи.

людей были более или менее значительные вотчины, то в действительное владение этим служилым людям было отведено всего 53.570 четвертей. Итак, оклад относился к даче как 2,3 к 1. Отсюда можно обозначить такой формулой отношение оклада к даче: оклад по чину, дача по вотчине. Оклад находился в прямом пропорциональном отношении к чину, дача—в обратно-пропорциональном к вотчине. Чем выше чин, тем выше оклад; чем больше вотчина, тем меньше дача.

Отличие городового чиновного деления от московского и думного.

Так обозначилось служебное и поземельное различие между чинами провинциальнаго дворянства. Легко заметить основание этого деления, отличное от того, на котором держалась иерархия думных и московских чинов. Отношение чинов городовых к думным и московским можно выразить в такой формуле: чины думные по отечеству чины московские—по отечеству и службе, чины городовые—только по службе.

Теперь предстояло бы решить нам вопросъ: как описанное устройство столичного и провинциального дворянства подействовало на склад общества, на его местное географическое размещение. Нет достаточно данных, чтобы сказать, какое количество земли роздано было в поместное владение в XV, XVI и XVII вв., где это поместное владение было распространено шире, где меньше. Мы не можем представить себе живо весь склад, какой получило общество, когда поместная система вместе с военным строем достигла полного развития. Мы можем только почувствовать, изучая этот строй, что все Московское государство, может быть — за исключением немногих местностей, покрылось более или менее густым слоем служилых вотчинников и помещиков, вооруженных и всегда готовых подняться в поход. Почти вся территория Московского го-

сударства устроена была как обширный лагерь, который был обращен фронтом в три стороны—на запад, юг и восток. Но есть один способ по данным позднейшего времени представить себе, какое действие оказал описанный военный склад служилого класса на географическое размещение русского общества. Я попытаюсь изложить вам эти данные и указать на то, о чем говорят они. Мы имеем подробные списки крепостных крестьян по ведомостям IV ревизии, которая была произведена в 1782 г. Крепостное население распределено было по губерниям не с одинаковой густотой, оно составляло неодинаково высокий процент всего сельского населения губернии. Если выписать губернии в каком нибудь порядке с обозначением этого процента, то, при первом взгляде, колебания его, повидимому, ничего не говорят. В самом деле, что можно извлечь, напр., из того, что в Московской губернии крепостное население во время IV ревизии составляло 66% всего населения губернии, Вятской — всего 2%, Пермской—33%? Что крепостное население не везде было одинаково густо, это известно и понятно; но в каком порядке оно разместилось и какие исторические условия действовали на это размещение? Ответ на этот вопрос не дается при первом взгляде на цифры; но расположим губернии, начиная с Московской, по группам, в порядке их близости к последней, обозначая процент крепостного населения в каждой группе:

I. Московская 66%, Владимирская 67%.

II. Смоленская, Калужская, Тульская, Рязанская, Нижегородская, Костромская, Ярославская и Псковская 83 — 69%, Тверская 64%.

III. Орловская, Саратовская, Тамбовская, Пензенская. Симбирская, Новгородская 68 — 45%, Вологодская 34%.

IV. Курская, Воронежская, Казанская, Пермская, Уфимская 47—18%.

В этом перечне нет югозападных и западных губерний: они не были территорией Московского государства, и строение общества находилось там под действием других условий. Обозначенные губернии определяют территорию Московского государства. Что значат эти цифры? Очень густой процент крепостного населения в двух губерниях первой группы; это — самый центр Московского государства, где помещались его главный штаб и постоянная квартира его верховного вождя. Здесь крепостной процент очень густ, но есть местности, где он еще гуще. Легко заметить, что такое губернии второй группы — они поясом окаймляют две центральныя; в них процент значительно гуще, чем в последних. Это—*первая боевая линия*, окружавшая штаб, первая оборонительная цепь и потому самая густая. Над укреплением ее всего более работали; когда эта цепь была разорвана, Московское государство становилось неспособным защищаться; как скоро татары прорывались сквозь эту линию, Москва гибла. Припомним географическое отношение губерний третьей группы ко второй, заметим, что они составляют также кольцо, оцепляющее первый пояс. Здесь процент крепостного населения ниже второй группы, приближается к тому, какой мы видели в центральных губерниях; это — *вторая боевая линия*, об укреплении ее менее заботились, для укрепления ее и меньше оставалось боевых сил. Надобно обратить внимание на то, что как в первом, так и во втором поясе, окружавшем московско-владимирский центр, встречаем по одной губернии, где процент крепостного населения гораздо ниже, чем в других губерниях одного с ней пояса. Таковы в первом поясе Тверская, во вто-

ром — Вологодская. Обе эти губернии — северные; таким образом обе боевыя цепи, окружавшие центр, заметно редели, потому что здесь меньше было нужды в обороне. Процент крепостного населения от Москвы к северу вообще быстро падал: в Московской—66%, в Тверской—64%, в Новгородской—55%, в Олонецкой—6%, в Архангельской почти не было крепостных. Наконец, четвертая группа составляла третью цепь, которая окаймляла вторую. Эта цепь не сплошная: вы видите, что ряд этих губерний не соединяется в непрерывное территориальное пространство. Эта цепь, на укрепление которой оставалось всего менее боевых сил, была передовой оборонительной линией и состояла из отдельных, разорванных звеньев которые обращены были против разбросанных восточных, юговосточных и южных инородцев — татар крымских, ногаев, башкир и др.—и защищали отдельные окраины, наименее угрожаемые. Вот почему в этой последней разорванной цепи и крепостной процент падает до низкой степени—до 18.

Итак, что такое эти три кольца, окаймлявшие московско-владимирский центр? Это три боевые цепи, густота которых уменьшалась по мере удаления от центра. Следовательно, они представляют собою три степени напряжения боевых сил для защиты государственного центра. Еще в XVI и XVII вв. государство защищалось не столько укреплениями, сколько людьми, дворянской поместной милицией. Крепостное население своей густотой должно указывать, где эти боевые силы дворянской милиции сосредоточены были наиболее. Боевая крепость уезда определялась не количеством дворян, а количеством ратных сил, находившихся в уезде. В ином уезде было немного дворян, но каждый был способен вывести в поход по не-

сколько сот и даже тысячи. Курбский говорит, что князья Одоевские и другие водили со своих вотчин и поместий тысячи вооруженных слуг. Итак, уезд, в котором был десяток таких крупных землевладельцев-дворян, выводивших в поле целый корпус, в боевом отношении был сильнее уезда, в котором была тысяча мелких дворян, из коих каждый являлся в поход с одним холопом или даже одиноким. Но количество выводимых людей определялось количеством пахотной земли: с каждых 150 десятин шел вооруженный конный ратник. Количество пахотной земли зависело от количества крестьян, на ней работавших. Следовательно, где гуще было крепостное население, там сильнее были сосредоточены боевые силы. Вот почему эту густоту крепостного населения и можно принять за мерило напряжения боевых сил для защиты той или другой земли Московского государства. Ревизские сказки 1782 г.— это поздняя, но верная летопись, рассказывающая о том, как устраивалась оборона Московского государства в XVI и XVII вв., т.-е. как географически размещалось общество для этой обороны. Размещение крепостного населения по означенным четырем группам губерний показывает, что сильно защищен был самый центр государства, где находился штаб, руководивший его обороной; но что еще сильнее защищена была первая линия, которая кольцом огибала главный штаб. Эта линия только на севере, в Тверской губ., представляла меньше крепости (64%). Третья линия представляла другое кольцо, огибавшее первое, но уже с меньшей крепостью. Наконец, четвертая линия представляла не сплошную цепь, а ряд разорванных звеньев, которые окружали вторую цепь. Это размещение крепостного населения концентрическими кругами вокруг Москвы в русской империи XVIII в., очевидно, вполне

было следствием того устройства военных сил, какое установлено было московской политикой XVI и XVII вв., следствием того расселения боевых землевладельцев, какое было установлено поместной системой. Эта политика размещала классы общества по соображениям стратегии, по требованиям Московского Разряда, генерального штаба, окружая центр тройным оборонительным поясом, постепенно редевшим и, наконец, разрывавшимся по мере удаления от Москвы на юг, юго-запад и юго-восток. Так в позднейших ревизских данных XVIII в. мы находим довольно яркий след, указывающий на то, какое влияние военный строй, установившийся в Московском государстве, оказал на сословно-географическое размещение русского общества.

Лекция XVII.

Положение приборных служилых людей между городовым дворянством и тяглым населением.—Сходство приемов в устройстве служилых и тяглых классов.—Казенные поручения и ответственность за их исполнение. — Главные обезпечения ответственности: вера, доверие и порука.—Основное правило присяжной земской службы и основание чиновного деления высшего столичного купечества.

Положение приборных служилых людей между городовым дворянством и тяглымъ населением.

Обращаюсь теперь к изучению устройства многочисленного тяглого населения в Московском государстве. Но по порядку изложенной мною чиновной таблицы я предварительно сделаю короткое замечание о служилых людях по прибору. Этот класс был соединительным звеном между служилыми людьми по отечеству и тяглым населением. Первоначально он в двух отношениях отличался от служилых людей по отечеству: во-первых, служба приборных людей была временная и личная, а не наследственная, как служба служилых людей по отечеству; стрельцы, казаки, пушкари вербовались из разных классов общества; из беднейших городовых детей боярских, из тяглых и вольных людей, и составляли по городам гарнизоны и полицейские команды, селились особенно по границам, как пограничные сторожевые отряды. Во-вторых, приборные люди содержались не поместными дачами, которые отводились в личное владение каждому, а либо денежным жалованьем, либо землевладением, но на особом праве, которое совме-

щало в себе черты поместного и крестьянского землевладения: казенная земля отводилась целым обществам таких пограничных военных поселенцев, как и крестьянам, но она отводилась на условиях поместного владения, в пожизненное пользование и с обязательством ратной сторожевой службы. Это совмещение двух землевладельческих прав впоследствии перешло на класс однодворцев, которые с одной стороны платили подушную подать подобно крестьянам, а с другой — имели право владеть крепостными душами подобно дворянам. Но с течением времени то и другое из указанных отличий постепенно исчезало: значительная часть приборных людей передавала свои служебные обязанности детям и внукам, которые получали уже характер служилых людей по отечеству. Не раз упомянутый мною московский подьячий половины XVII века Котошихин замечает о стрельцах своего времени: „и бывают в стрельцах вечно, и по них дети и внучата и племянники, стрелецкие ж дети, бывают вечно ж“. Между тем в начале XVI века, когда возникла стрелецкая пехота, она вербовалась по прибору из вольных людей, принимавших на себя лишь временную службу. С другой стороны, многие казаки и другие сторожевые люди за свои заслуги получали земельные дачи на поместном праве в личное владение и зачислялись по этим дачам в низшие чины городового дворянства. Таким образом приборная служба имела значение канала, посредством которого происходил постоянный обмен сил между городовым дворянством и неслужилыми классами. С одной стороны в приборные чины падали все отброски этого дворянства, с другой — чрез эти чины проникали в состав дворянства лучшие боевые силы, поднимавшиеся из глубины неслужилых классов.

Сходство приемов устройства служилых и тяглых классов.

К устройству тяглого населения московская политика применяла приемы, очень похожие на те правила, по которым устроялись служилые чины. Поэтому и организация тяглых чинов многими чертами напоминает чиновное деление служилых людей.

На тяглое население падали две главные обязанности: земская казенная служба и государственное податное тягло. Но обе эти обязанности, подобно ратной и приказной службе служилых людей, были раздроблены на мельчайшие доли, которые разверстывались между различными разрядами тяглого населения. Как в служилой иерархии высшие чины возникали из разверстки приказной службы между служилыми людьми по *генеалогическому отечеству*, точно так же и высшие тяглые чины были созданы раскладкой тяжестей казенной службы между тяглыми людьми *по экономической состоятельности*. Таким образом генеалогическому отечеству служилых людей соответствовало экономическое состояние людей тяглых.

Казенные поручения и ответственность за их исполнение.

Земская казенная служба состояла в том, что тяглые общества сами обязаны были ставить казне агентов для исполнения казенных поручений, для которых она не имела своих специальных исполнительных органов. Несмотря на чрезвычайное разнообразие этих казенных поручений, их можно свести в три разряда: 1) сбор *даней и пошлин*, т. е. прямых и косвенных налогов; 2) надзор за исполнением натуральных казенных повинностей, каковы были: ямская гоньба, постройка и ремонт городских укреплений, эксплоатация казенных угодий по наряду, напр., рыбной ловли, казенных лугов и т. п.; 3) ведение казенных торгово-промышленных предприятий, напр., продажа питей, составлявшая казенную монополию, казенное добывание и продажа соли, казенная разработка рудников в XVII веке,

продажа дорогих мехов, поступавших в казну вместо подати с населений, занимавшихся звероловством, казенная закупка хлеба, и т. д. до бесконечности. Все эти казенные поручения были, как вы видите, или местные повинности, или казенные промышленные операции. По этому двойственному характеру они и носили название либо *государева* дела, либо дела *земского*. Центральным и областным коронным учреждениям — приказам, наместникам XVI в. и воеводам XVII—принадлежал только высший надзор и руководство всеми этими финансовыми операциями; но непосредственное ведение дела, вся черная работа падала на агентов, которых обязаны были ставить из своей среды тяглые миры. Эта казенная земская служба отличалась от службы приказной одной существенной чертой. Приказное управление требовало от управляемых повиновения и потому главным условием его успеха был *личный авторитетъ* управителя. Напротив, казенная служба направлена была к получению наибольшей прибыли для казны и потому главным условием ее успешности должна была служить строгая *имущественная ответственность* со стороны агентов. Так как эта служба была безвозмездная, то казна требовала двоякого обеспечения ответственности земского агента — нравственного и материального. Нравственным обеспечением служила *вера*, присяга, которой земский агент обязывался умело и добросовестно вести казенное поручение. Поэтому агенты и их помощники, на которых под присягой возлагались сборы косвенных налогов и ведение торгово-промышленных операций казны, носили название *верных голов и целовальников*. Голова—главный агент, целовальники—его подчиненные помощники. Матерьяльной гарантией ответственности служило *доверие* казны земскому агенту, как опыт-

Главные обеспечения ответственности:

вера.

доверие.

ному и состоятельному торговцу либо промышленнику, который доказал свою коммерческую опытность хорошим ведением собственных дел и состояние которого могло бы вместе с тем вознаградить казну за причиненный ей агентом ущерб. Поэтому правительство требовало, чтобы тяглые миры выбирали по казенному поручению „людей добрых, которые были бы душою прямы и животом прожиточны и которым в сборе государевой казны можно было бы верить“. Если мир не выбирал такого надежного человека, имущественная ответственность за казенные убытки переносилась на самих избирателей, которые в таком случае

Круговая порука.

были обязываемы *круговой порукой* за своего выборного. Так выработалось основное правило присяжной или целовальной службы по казенным поручениям, которое можно выразить в такой формуле: *земская присяжная служба по личному доверию или по мирской порукѣ.* Прошу вас различать обе эти гарантии, которыми казна старалась обеспечить успешность и исправность мирской службы—личное доверие и мирскую поруку.

Выборная казенная служба по личному доверию, но не по мирской поруке, и была источником высших чинов тяглой иерархии. Богатейшие и надежнейшие купцы, на которых, в звании голов, казна возлагала самые трудные и ценные, следовательно, наиболее ответственные поручения, напр. сбор таможенной пошлины на больших ярмарках в Архангельске или Астрахани, продажу дорогих казенных мехов, эти богатейшие купцы получали чин *гостей.* Купцы менее значительные и надежные, которым поручались менее важные дела или которые назначались целовальниками, помощниками к гостям, возводились в звание торговых людей *гостиной* либо *суконной сотен.* Следы такого разделения высшего купечества становятся заметны

в Москве еще в конце удельного времени и мы уже в XIV веке рядом с гостями встречаем *суконников* в составе московского купечества с значением одного из высших разрядов. Степень казенного доверия, какой условливались более или менее важные поручения, соразмерялась с оборотным капиталом уполномочиваемого агента; о размере этого капитала можно судить по свидетельству Котошихина о гостях его времени. Это были торговцы, которых ежегодный оборот простирался от 20 до 100 тысяч тогдашних московских рублей, а так как рубль половины XVII в. равнялся 17-ти нынешним, то этот оборот можно оценить суммой от 340.000 до 1.700.000 р. на наши деньги. Но чин гостя или торговца высшей сотни, гостиной или суконной, приобретался не размером ежегодного оборота, а самой службой по казенному поручению, успешным исполнением последней. Как бы ни был велик торговый оборот купца, он не получал звания гостя, если еще не отправил ни одной службы. Котошихин замечает о тех же гостях: „а бывают они гостиным именем пожалованы, как бывают у царских дел в верных головах и в целовальниках, у соболиные казны и в таможнях и на кружечных дворех (т. е. в казенных кабаках)“.

Гости, торговцы гостиной и суконной сотен в тяглой финансовой иерархии были то же самое, что столичные служилые чины—стольники, стряпчие, дворяне московские и жильцы—в иерархии военно-правительственной. Как те, так и другие были приписаны к столице и обязаны были в Москве иметь постоянное местожительство, где бы ни находились поместья и вотчины одних, торговые и промышленные предприятия других. Как московские дворяне рассылались из столицы по областям „для всяких дел“— править городами, командовать полками и их частями в

звании воевод и голов, руководить провинциальным дворянством, так точно и московских гостей и торговцев гостиной и суконной сотен рассылали из столицы по областным городам в звании голов и целовальников направлять казенные операции. Московское купечество высших чинов вообще служило ближайшим орудием правительства в управлении провинциальным торгово-промышленным населением и стояло к последнему в отношении полномочного руководителя. Так, московских гостей посылали в областные города верстать местных посадских людей податными окладами; им иногда поручали назначать торговых людей провинциальных городов на должности местных кабацких и таможенных голов—знак, что казна верила им больше, чем посадским провинциальным обществам. Это был, если можно так выразиться, финансовый штаб Московского государя. Наконец, самый состав этих чинов близко напоминал список столичных служилых людей. Гостей и торговцев обеих высших сотен никогда не бывало много. При царе Федоре Ивановиче гостей и людей гостиной сотни числилось 350, в суконной сотне—всего 250. Смутное время и сопровождавший его упадок торговли и промышленности страшно опустошили ряды высшего столичного купечества. В 1649 г. гостей оставалось только 13 человек; в гостиной сотне считалось 158, но надежных и годных к службе было так мало, что им приходилось получать казенные поручения через год; в суконной сотне из 116 человек только 42 были в состоянии служить, а так как из них ежегодно назначалось на службу по 18 человек, то некоторым приходилось по очереди ходить в службу также через год; службы были годовые. Это вызывало потребность в частом пополнении состава высших тяглых чинов, и как

ряды московской боярской молодежи постоянно пополнялись лучшими служилыми силами, поднимавшимися из глубины провинциального дворянства, так в сжимавшийся круг высшего московского купечества постоянно приливали лучшие промышленные дельцы из столичных черных сотен, из дворцовых и даже церковных слобод и из областного посадского купечества. „Гости, гостиная и суконная сотни полнятся всеми городами и слободами лучшими людьми“. Так говорили в XVII в. В одном документе 1649 г. приведена подробная ведомость этого пополнения высших купеческих разрядов за первую половину XVII в. Может быть, вы найдете нелишним рассмотреть эту ведомость; я передам ее в такой форме. В 1621 г. в гостиную сотню по наряду дано из черных московских сотен и слобод 12 человек, в суконную — 50; в 1625 г. в гостиную из областных городов—34; в 1630 г.—в ту же сотню из других областных городов—34, в суконную — из областных городов—19; в 1635 г. в гостиную сотню из патриарших и монастырских богатых крестьян—44, в суконную из того же класса—11; в 1642 г. в гостиную из дворцовых слобод—12, в суконную оттуда же—9; в 1644 г. в гостиную из богатой московской дворцовой слободы Кадашей (т. е. поставщиков полотен столового белья во дворец)—24; в 1646 г. в суконную из разных слобод—36; в 1647 г. в гостиную сотню из московских черных сотен и слобод—104, в суконную из тех же сотен и слобод—81. Эта таблица укажет вам на силу, с какой сказывалась потребность в постоянном пополнении высших служилых разрядов купечества. Это были настоящие рекрутские наборы купечества в казенную службу, наиболее тяжелую и ответственную. Новобранцы из низшего купечества назначались в высшие торгово-служилые чины по казенному на-

ряду против воли, единственно по расчету на их хозяйственную или личную благонадежность, на прибыль, какую они могли доставить казне своей опытностью, или по крайней мере на зажиточность, которая давала казне возможность вознаградить себя за убыток, ими причиненный.

Основное правило присяжной земской службы и основание чиновного деления высшего столичного купечества.

Итак, основанием чиновного деления высшего столичного купечества была присяжная казенная служба по личному доверию. Источником чиновного расчленения областного тяглого населения служила другая государственная обязанность, на него падавшая—государственное податное тягло.

Лекция XVIII.

Основное правило разверстки тягла и основание чиновного деления провинциального черного населения. — Состав общества в Московском государстве второй половины XVI в.—Его дальнейшее расчленение в низших составных слоях.—Отражение принципа обязательности государственных повинностей в области гражданского права. — Происхождение холопства докладного и кабального.—Выделение видов жилой зависимости от кабального холопства.

Источником чиновного расчленения областного тяглого населения служила другая государственная обязанность, на него падавшая—государственное податное *тягло*. Под тяглом разумелась совокупность прямых казенных платежей и натуральных повинностей, какие несли на себе неслужилые люди Московского государства. Всего труднее вырабатывалось в московском государственном праве именно это основание. Причиной того был характер города в Московском государстве. В южной Киевской Руси города были торгово-промышленными центрами: такой характер сообщала им живая внешняя торговля. В Северной Руси, которая была объединена Москвой, город, при подавляющем преобладании земледельческого населения, получил значение преимущественно укрепленного пункта. Под его стенами на посаде жалось такое же точно земледельческое население, какое было рассеяно по деревням

Основное правило разверстки тягла и основание чиновного деления провинциального черного населения.

и селам. Благодаря отсутствию резкого экономического различия между городским посадским и сельским населением, с трудом вырабатывалось и различие политическое, т. е. сословное их обособление. Впрочем, это обособление постепенно обозначалось и становилось заметнее под действием московской таможенной политики. Внутренние народно-хозяйственные обороты были обложены казенной пошлиной; с этой целью установлены были внутренние заставы и таможни. Для того, чтобы не оставить никакого народно-хозяйственного оборота без обложения, эти обороты правительство старалось сосредоточить в известных пунктах обмена, запрещая торговлю в других местах, где не было таможенных смотрителей. Таким образом промышленность и торговля постепенно стягивались в установленные правительством пункты обмена, какими служили преимущественно города. Это само собой отделяло сельское земледельческое население от городского в экономическом отношении. К экономическому различию скоро присоединилось и политическое. То было различие систем прямого обложения, какие прилагались к населению городскому и сельскому. Предметом прямого налога, падавшего на сельское население был крестьянский труд, прилагавшийся к хлебопашеству; напротив, предметом прямого налога, падавшего на городское население, служил торгово-промышленный капитал, пущенный в оборот. Это различие выражалось на финансовом языке древней Руси формулой: „обложить по пашне“ или „обложить по животам и по промыслам“. Промысловое обложение, разумеется, с течением времени резко отделило торгово-промышленное население от земледельческого, а так как торгово-промышленное население сосредоточивалось преимущественно в посадах, а земледельческое в селах и деревнях,

то это обложение по роду занятий явилось политической гранью, отделявшей город от села. Круговая порука в сборе прямых податей и их общественная разверстка закрепляли это обособление. Разумеется, ответственность за исправный сбор городского тягла была тяжелее сравнительно с ответственностью за сбор прямой поземельной подати: сбор последней был легче, чем сбор первой, потому что и разверстка тягла по земле была проще, чем разверстка по менее уловимым и более изменчивым промыслам. Вот почему в круговой поруке за торгово-промышленных людей не выгодно было участвовать пахотным крестьянам, и последние, даже живя на посадах, старались выделиться из посадского населения, образуя отдельные общества. Таким образом выработалось основное правило для разверстки государственного податного тягла: *тягло—по промыслу либо по пашне*. Это различие промыслового и пахотного обложения с особенной ясностью выражено в уставной грамоте, какую дал игумен Соловецкого монастыря Филипп монастырским крестьянам в 1564 г. Филипп разделяет временные налоги на военные нужды, какие падали на все без различия классы сельского населения, от постоянной прямой подати, падавшей на землю. Временные военные налоги разверстывались и в сельском населении, как в городском, по животам и по промыслам; но поземельная подать, по выражению игумна, должна быть разверстываема *по обжам*, т. е. земельным тяглым участкам, а не по животам и не по промыслам. Но как скоро произошло такое разделение города и села, интересы казны требовали, чтобы тяглые люди, взявшие на себя городское тягло, постоянно в нем оставались; напротив, чтобы тяглые хлебопашцы, занявшие известные тяглые участки, не покидали их и не перехо-

дили в другие состояния, менее доходные для казны. Отсюда из приведенного правила разверстки тягла вышло другое, обратное, которое требовало, чтобы тяглый человек того или другого разряда постоянно оставался в своем тягле. Правило это можно выразить формулой: если тягло по промыслу или по пашне, то с другой стороны, и *промысел, как и пашня по месту тягла*. Следы такого прикрепления тяглых людей к раз избранному тяглу мы замечаем уже в XVI столетии; в XVII оно сделалось главным основанием устройства тяглого населения. В судебнике царя Ивана мы читаем статью, которая запрещает городовым тяглым людям селиться на монастырских землях, приказывая им жить безвыходно на землях городских: „кто из городовых людей поселится на монастырских землях, того должно вывести на прежнее место в город и подвергнуть его суду". Разверстка тягла по указанному правилу и стала источником деления городовых посадских людей на статьи *лучших*, *середних* и *молодших*, а уездных тяглых хлебопашцев—на класс *крестьян* и на *бобылей*. Статьи городового населения были своего рода провинциальные купеческие гильдии так же, как звание крестьян и бобылей были различные имущественные состояния в составе земледельческого населения. Так расчленилось тяглое население, городское и сельское в Московском государстве к половине XVI века. Основание этого деления было выведено из двух указанных правил разверстки присяжной казенной службы и тягла: если присяжная служба разверстывалась по личному доверию, а тягло по промыслам и пашне, то чины различались по службе и по тяглу, именно высшие чины московского купечества—по службе, низшие чины областного, посадского и сельского населения—по тяглу. Подобное двойственное основание чиновного деле-

ния мы видели в устройстве и служилых людей московских и городовых.

Если мы представим себе это расчленение, нам будет ясен первоначальный план общественного строения, какой пыталась соорудить московская политика. Припомнив, как были устроены люди служилые и тяглые, мы легко заметим основание и взаимное отношение устройства тех и других. Что такое весь служилый люд, как он был устроен к половине XVI века? Это был рассеянный по всей территории государства вооруженный лагерь с генеральным штабом в Москве, который руководил его оборонительной борьбой. Что такое было описанное сейчас устройство тяглого населения? Это было интендантство под руководством высшего московского купечества. Вся масса тяглого населения служила обширным источником, из которого эти высшие интендантские руководители извлекали матерьяльные средства, необходимые для содержания вооруженного лагеря с его генеральным московским штабом. Сопоставив эти два социальные мира—служилых людей и тяглое население—мы можем представить себе и тот состав, какой усвоило себе общество в Московском государстве во второй половине XVI в., вскоре после земских реформ царя Ивана. На поверхности этого общества мы видим две параллельные, но неравные, не одинаково высокие вершины, чрезвычайно мелко расчлененные, из которых одна состояла из высших слоев служилого населения, а другая из высших разрядов населения тяглого. Обе эти вершины, дробно расчлененные, покоились на однородной тяглой массе, состоявшей из городских и сельских обывателей, плативших либо промысловое тягло, либо поземельную подать. Эта масса была очень мало расчленена: статьи городового населения во второй половине

Состав общества в Московском государстве второй половины XVI века

XVI века еще едва обозначались; в составе сельского населения низший тяглый класс, бобыли, до конца XVI века составляли ничтожный процент.

Его дальнейшее расчленение в низших составных слоях.

Но общество не остановилось на этом делении: с половины XVI века в нем стало обнаруживаться стремление к дальнейшему расчленению. Источником этого расчленения было осложнение гражданских отношений, которое повело к дальнейшему дроблению именно низших классов населения, до того слабо расчлененного. Это расчленение вызвано было политическим принципом обязательности специальных государственных повинностей. Мы видели, что этот принцип в приложении ко внешней обороне вызвал дробное деление служилого класса. Тот же принцип в приложении к внутреннему порядку, перешедши в сферу гражданских отношений, повел к более дробному делению низших тяглых классов. Как скоро в государственном праве установилось правило, что все сословные обязанности, которые в удельные века устанавливались договором, становятся обязательными и наследственными, это правило сильно подействовало и на обязательства, вытекавшие из частных гражданских сделок. Сюда это правило внесло новое положение: личные обязательства, вытекающие из гражданских сделок, не прекращаемы до истечения срока, на который они заключены. С первого взгляда вам покажется непонятной эта перемена: такого принципа не существует в современном праве и он даже строго запрещен последним. Принимая частные обязательства, мы всегда выговариваем себе право нарушить его до истечения срока, только вознаградив неустойкой потерпевшую сторону. Каждое свободное лицо в праве всегда нарушить всякое свое гражданское обязательство, только вознаградив за ущерб, какой причиняет этим другому лицу. Такое

начало господствовало и в удельном праве. В Московском государстве, под действием обязательности государственных повинностей, и в частных отношениях установилось правило, что гражданские обязательства, принимаемые на известный срок, не прекращаются по воле обязанного лица даже путем уплаты неустойки, т. е. вознаграждения стороны, потерпевшей от произвольного прекращения обязательства. Как скоро личные гражданские обязательства получили такой характер, они стали крепостными обязанностями.

Отражение принципа обязательности государственных повинностей в области гражданского права.

Эта перемена в гражданском праве и отразилась на юридическом состоянии холопства. До XVI века в нашем праве, как мы видели, существовало только одно холопство—полное; но рядом с ним существовала личная зависимость, которая не причислялась к холопству—долговое закладничество. Закладничество было личной зависимостью, возникавшей из займа с обязательством условной временной службы за рост и с правом слуги всегда прекратить свою службу возвратом долга. Этой условностью службы и этим правом прекращать ее закладничество отличалось от холопства: последнее было крепостной зависимостью, которая не могла быть прекращена ни под каким условием по личному усмотрению холопа без согласия господина. Таким образом долговое закладничество не было крепостным состоянием, видом холопства; до XVI века оно и не носило на себе никаких признаков холопьей крепостной зависимости. Но с конца XV века в нашем гражданском праве утверждается мысль, что личная и условная служба за долг делает слугу холопом, как скоро слуга временно или навсегда лишается права или возможности прекратить свою зависимость; только эта служба—личная, прикрепляет только самого слугу к его господину

и только к нему, не прикрепляя ни детей слуги к господину по смерти отца, ни самого слуги к детям господина по смерти последнего. Из этой мысли вышли два последствия, которые создали два новые вида холопства.

Происхождение холопства докладного и кабального.

1) Среди полных холопов со времен Русской Правды существовали слуги, которые отдавались в холопство с условием служить в должности сельских ключников. Прежде и это холопство было полным, наследственным, но оно было условным, обязывавшим слугу служить только в известной должности. Теперь согласно с общим правилом, что условная служба создает только личную крепостную зависимость, и сельское ключничество образовало особый вид холопства, получившего название *докладного*. У него был одинаковый источник с холопством полным—*продажа*, но оно отличалось от последнего тем, что прекращалось смертью господина, которому продавался докладной холоп.

2) Под влиянием этой мысли закладничество с начала XVI века постепенно превратилось в холопство, получившее название *кабального*, т. е. возникавшего из заемной кабалы, соединенной с обязательством служить за рост. Под давлением общего принципа непрекращаемости частных личных обязательств закладники, первоначально занимавшие деньги на один год, давали обязательство вместо роста служить заимодавцам все это время без права прекращать службу до срока; но вследствие экономического расстройства, какое стало обнаруживаться в Московском государстве XVI в., огромное большинство таких годовых крепостных должников по истечении срока не имело возможности выйти на волю, уплатив долг. Тогда заимодавцы начали применять к ним основные правила древне-русского закладного права, по которому просроченный долг превращался в продажу. Закладник, по истечении года

не заплатившій долг, считался как бы продавшим себя в полное холопство. Эти притязания господ вызвали множество разнообразных затрудненій и безпорядков. Одни закладники уходили от господ, не расплатившись,—другие, утратив надежду расплатиться, сами отдавались господам в полное холопство,—наконец, третьи еще до истеченія годового срока прекращали свою службу, прося принять от них деньги в уплату долга. Чтобы прекратить все эти безпорядки, был издан закон 25 апреля 1597 г.; по этому закону, в случае споров, возникавших из служилой кабалы, если кабальный человек уходил от господина без его согласія, не расплатившись, такого кабальнаго человека, как докладного холопа, велено было возвращать в службу господину до смерти последняго, а денег с него по заемной кабале не брать даже тогда, когда сам холоп будет предлагать их. Точно также дети кабальнаго холопа, закабаленные вместе с отцом или родившіеся в холопстве, подобно докладным людям, служат отцову господину только до смерти последняго, а после него жене и детям его не служат и денег по отцовой кабале им не платят. Таков был закон 1597 г., сообщившій окончательную юридическую физіономію кабальному холопству. Вы видите, что кабальный заем был сравнен с продажей в холопство, но не полное, а лишь условное и временное. Холоп лишался права прекратить свою неволю уплатой долга без согласія господина, за то и господин лишался права взыскать долг без согласія холопа; а смерть перваго погашала и долговое обязательство последняго. Благодаря тому, условная служба вольных закладников за рост с обязательством уплаты долга по уговору теперь превратилась в обязательную службу за самый долг с погашеніем его до смерти господина по закону.

Значит, закладничество превратилось в кабальное холопство посредством сочетания условной службы вольного должника с непрекращаемостью купленного холопства по воле холопа.

В XVII в. кабальное холопство несколько изменилось: источником его стал не самый долг, соединенный со службой за рост, а просто уговор о личной дворовой службе до смерти господина; долг получил лишь фиктивное значение. Холоп писал, что получил сумму, за которую обязывается работать на господина по его живот, но он не занимал этой суммы, а просто договаривался с ним о пожизненной обязательной службе. Согласно с этим, Уложение постановило обозначать в служилых кабалах одинаковый заем в три рубля, ни больше ни меньше, прямо придавая этим условный фиктивный смысл кабальному долгу. Как скоро кабальное холопство утратило характер заемного служилого обязательства, для таких обязательств выработаны были новые крепости, которые получили название *жилых* или *житейских записей* и которыми укреплялся новый вид личной зависимости — *жилая неволя.* Главное отличие этой неволи от кабального холопства заключалось в разнообразии условий: служилая кабала прикрепляла холопа к хозяину всегда только до смерти последнего, не прекращалась по закону раньше и не продолжалась дольше. Жилая неволя возникала из займа с обязательством работать за рост известное количество лет или до смерти господина, не погашая долга,—из займа с условием его погашения работой,—наконец, из найма с условием обязательной срочной работы, вознаграждаемой по истечении срока. Разнообразием этих условий объясняется и разнообразие названий, какие в XVII в. носили крепости, устанавливавшие жилую неволю. Главные из

них были: 1) *заемные заживные*, которыми заемщики обязывались работать на хозяев до их смерти или известное количество лет „в зажив“, погашая долг работой; 2) *жилые ссудные*, называвшиеся так в отличие от заемных потому, что основанием зависимости по ним служил не денежный заем, а ссуда вещами—платьем, скотом, хлебом; 3) *наемные отживные*, отличавшиеся от заемных тем, что работник получал плату не вперед в виде займа, а по истечении условленного срока, — „на отживе, как годы отживал“; 4) *закладные*, состоявшие в том, что свободный человек не сам отдавался в зависимость, а закладывал за долг на известное число лет своих детей, младших родственников или жену.

Таким образом древне-русское холопство, прежде однообразное, полное, осложнилось, разветвившись с конца XV века на докладное, кабальное и жилое. В XVII столетии эти позднейшие виды холопства получили даже преобладание над древней полной неволей: законодательство XVII в. запретило продажу в полное потомственное холопство, и свободные лица могли отдаваться только в личную зависимость на срок или до смерти господина. Легко заметить связь этих позднейших видов холопства с обязательностью государственных повинностей, разложенных на свободные классы. Все эти виды развились из древнего закладничества. Оно не было крепостным состоянием, холопством, потому, что могло быть прекращено по воле закладника уплатой долга. В этом отношении личная зависимость, им устанавливаемая, была похожа на отношения свободных обывателей удела к его князю, возникавшие из договора и прекращавшиеся по воле одной из договаривавшихся сторон. Но как скоро эти договорные обязательства свободных обывателей в Московском государ-

стве превратились в обязательные государственные повинности, зависимость закладников получила крепостной характер: отдававшийся в неволю по договору терял право прекратить ее по своей воле, как свободный человек, служилый или тяглый, потерял право сложить с себя государственную службу или тягло. Услугами закладников, теперь ставших холопами кабальными или жилыми, пользовались преимущественно высшие служилые и тяглые классы, на которых с наибольшей тяжестью падали обязательные государственные повинности. Превращение обязательств, возникавших из закладничества, в крепостную службу, не прекращаемую по воле слуги до срока или до смерти господина, было для этих классов как бы вознаграждением за превращение их прежних договорных обязательств перед князем в пожизненные и даже потомственные государственные повинности.

Начала кабального холопства, развившись в разнообразные условия жилой неволи, коснулись и положения владельческих крестьян: привившись к их поземельным отношениям, они создали новый вид крепостного состояния— крепостных крестьян. Происхождение этого состояния — один из самых важных, но и самых запутанных вопросов в истории нашего общества. Для того, чтобы лучше уяснить происхождение этого факта в истории нашего права, я напомню вам содержание последних двух чтений. Я указал происхождение чинов, на которые разделялось промышленное посадское население в Московском государстве. Две обязанности, которые падали на это население, были распределены между его частями по правилу, очень похожему на то, которое служило основанием развертки повинностей, падавших на служилое население. Правило, по которому совершалась развертка повинностей между по-

садскими людьми, можно выразить так: служба казенная присяжная по личному доверию или по мирской поруке, тягло по промыслу и по пашне. Из соединения этих двух правил вышло третье, служившее основанием чиновного деления посадских людей: если казенная присяжная служба разверстывалась по личному доверию и по мирской поруке, а тягло по промыслу или по пашне, то посадские чины делились по службе и по тяглу—именно, чины высшего столичного купечества—по службе, чины торгово-промышленного провинциального населения—по тяглу. Мы видели, что почти так же распределена была приказная и ратная служба между служилыми людьми столичными и городовыми. Все описанное чиновное деление служилых и посадских людей завершилось уже к концу XVI столетия. Все общество в Московском государстве к этому времени представляло такой вид: на низшей массе, довольно однородной и однообразной, слабо расчлененной, покоились две вершины, разделенные с чрезвычайной дробностью — служилые люди и высшее столичное купечество. Но со второй половины XVI века начинается дробное деление и в низших классах. Оно началось с самого низа—с холопства. Источником этого деления, видели мы, было отражение принципа, усвоенного государственным правом, в праве гражданском, обязательственном. Принципом государственного права была обязательная разверстка государственных повинностей между классами общества. Этот принцип, отразившись в гражданском праве, изменил характер существовавших в нем обязательств личной условной зависимости. Здесь, подобно праву государственному, установилось новое начало: обязательство, устанавливающее личную и условную зависимость пожизненно или срочно, не прекращаемо до истечения срока или до конца жизни.

Эта непрекращаемость обязательственных отношений холопов была установлением, параллельным вечно-обязательной службе и вечно-обязательному тяглу, падавшим на служилых и тяглых людей, и притом установлением, возникшим под прямым действием обязательной службы и обязательного тягла. Мысль, что личная зависимость, установленная обязательством до смерти господина или на известный срок, не может быть прекращена до этих терминов, послужила источником кабального холопства, которое получило окончательную юридическую выработку к началу XVII века; а из кабального холопства впродолжение XVII столетия постепенно развивались многообразные виды жилой неволи. Таким образом временно-обязательные отношения, какие устанавливались прежде в обязательственном праве и могли быть прекращаемы по воле одной стороны под условием вознаграждения другой за причиняемый тем ущерб, теперь исчезают и превращаются в крепостные отношения, не прекращаемые по воле зависимой стороны. В этой перемене, происшедшей в обязательственном праве, и заключается самый скрытый источник крепостного права на крестьян, которое вслед за холопством осложнило юридический состав и этого класса.

Лекция XIX.

Действие кабального холопства на крестьянскую ссудную запись и происхождение крестьянской крепости. — Превращение обязательства по договору въ крепость по писцовой записи.—Влияние крестьянской крепости на состав крестьянского населения. — Образование тяглого крепостного состояния. — Замена казенныхъ служб личной зависимостью, как новой повинностью крепостных крестьян. — Дробление крепостного крестьянства. — Происхождение затяглых крепостных крестьян.

Исстари крестьяне в России, селившиеся на владельческих землях, вели свои хозяйства в большинстве с подмогой от своих владельцев. Эга подмога давалась им в различных видах: владелец ссужал своих крестьян готовыми усадьбами с надворными строениями, рабочим скотом, семенами и т. п. За эту ссуду крестьяне обязывались особыми накладными повинностями, которые падали на них сверх общего поземельного налога за снимаемые у владельца земли. Все эти повинности излагались в крестьянских поземельных договорах с владельцами, носивших название *порядных грамот* или ссудных записей. Вся совокупность этих добавочных повинностей, источником которых была ссуда, носила названпе *крестьянского изделия* или *боярского дела* (барщина). Но эти повинности были простыми долговыми обязательствами крестьян, которые не уничтожали их личной свободы, выражавшейся в праве

Действие кабального холопства на крестьянскую ссудную запись.

выхода, т. е. перехода с одного участка земли на другой либо от одного владельца к другому. Крестьянин, задолжавший владельцу и по этому долгу вступивший в зависимость от него, мог ежеминутно прекратить эту зависимость, заплатив владельцу долг. Если он заключал договор на известный срок, это не лишало его права разорвать свою связь с землевладельцем до истечения срока, только заплатив условленную в договоре неустойку—*крестьянский заряд*, как говорили в XVI и XVII веках.

Таковы были отношения между крестьянами и землевладельцами приблизительно до половины XVI века. Но с этого времени в Московском государстве стало усиленно развиваться частное землевладение вотчинное и преимущественно поместное. Вместе с развитием этого землевладения усилился спрос на крестьянский труд. Обширные пространства незаселенной земли, поступавшие в руки помещиков, последние старались обработывать, добывая всеми возможными средствами рабочих крестьянских рук. Вследствие этого масса бедного бездомного люда была превращена в хлебопашцев при помощи землевладельческих ссуд. Все это усилило задолженность крестьян своим владельцам. В порядных грамотах второй половины XVI века ссуда становится общим условием крестьянских договоров; необыкновенно трудно встретить крестьянина, который бы садился на земельный участок без подмоги от владельца. Вследствие этой задолженности право выхода, сохраняясь за крестьянином, на практике теряло свое действие, становилось неприменимым. Редкий крестьянин мог расплатиться со своим владельцем и должал все более по мере того, как заживался на его участке. Благодаря этому, право выхода к концу XVI века выродилось в две формы, из которых одна возвращала крестья-

нину свободу, но была запрещена законом, а другая не только не возстановляла его свободы, но еще усиливала его долговую зависимость от владельца: крестьянин мог или насильственно разорвать свою связь с землевладельцем, убежав от него, или законным порядком отойти от него, нашедши другого владельца, который расплатился бы за него с прежним и перевел на свой участок. В первом случае беглый крестьянин, отысканный землевладельцем, должен был платить долг и пеню, во втором он менял одну долговую зависимость на другую с приращением. Благодаря этому исчезновению права перехода в действительности, среди землевладельцев уже к концу XVI века стал утверждаться взгляд на крепостных крестьян, как на неоплатных должников, не имевших возможности разорвать свою зависимость от владельца. Один иностранец, Шиль, описывая положение крестьян при Борисе Годунове, замечает, что еще при прежних государях московских землевладельцы привыкли смотреть на своих крестьян как на *крепостных*. Легко понять происхождение такого взгляда, не имевшего прямого основания в действовавшем законодательстве: этот взгляд, очевидно, сложился посредством приложения начал древне-русского долгового права к положению владельческих крестьян. Мы видели, что долг становился источником крепостной зависимости, когда должник не только обязывался служить или работать за рост, но и терял право уплатить самый капитал, т. е. прекратить зависимость по своей воле. Это последнее начало было прямо выражено в апрельском указе 1597 года, запретившем принимать от кабальных холопов челобитные об уплате долга по служилым кабалам. Благодаря этому, начала кабального холопства стали прилагаться землевладельцами к положению

задолжавших крестьян еще прежде, чем такое приложение было дозволено законом. Возникновение и развитие кабального холопства родило среди землевладельцев мысль, что „крестьянское изделие“ за „подмогу“ создает точно такую же личную крепостную зависимость крестьянина от владельца, в какую ставила кабального холопа дворовая служба за рост. В самом деле, различие между обязательством работы крестьянина на владельца за „подмогу“ и обязательством дворовой службы кабального холопа за рост было очень незначительно. Под влиянием этой мысли и без всякого участия законодательства, приблизительно со второй четверти XVII в., в крестьянские договоры стали вносить новое условие, которого не заметно было в порядных грамотах XVI века. Прежде крестьянин, снимавший землю даже на определенный срок, иногда давал обязательство не покидать своего участка раньше срока; но это обязательство было скорее обещание, чем юридическое условие. Крестьянин мог и до срока покинуть участок, лишь заплатив полученную ссуду и условленную неустойку. Но в третьем десятилетии XVII столетия появляются порядные грамоты, в которых крестьяне дают обязательство никогда и ни в каком случае не покидать владельцев даже под условием уплаты неустойки. Самый ранний договор с таким условием, мне встретившийся, относится к 1628 г. В этом договоре вольный человек, снимая участок с подмогой от владельца, обязывается „за государем своим жить во крестьянех по свой живот безвыходно“. В одной ссудной записи 1630 г. крестьяне, снимая землю Тихвинского монастыря и обязуясь в случае ухода заплатить монастырю за подмогу и льготу, которыми от него пользовались, прибавляют: „и впредь мы Тихвина монастыря крестьяне“,

т. е. в случае ухода они не только должны заплатить подмогу и вознаграждение за льготу, но и возвратиться на снятый участок. Значит, крестьяне сами навсегда отказались от права выхода и неустойку превращали в пеню за побег, не возвращавшую им этого права и не уничтожавшую самого договора. Скоро это обязательство стало общим условием в ссудных крестьянских записях, принимая чрезвычайно разнообразные формы выражения. Иногда крестьянин к своему обязательству заплатить неустойку за побег прибавлял условие: „а впредь-таки я государю своему по сей записи крепок безвыходно.“ Наиболее употребительная и стереотипная формула, в которой выражалось это обязательство, гласила: „а крестьянство и впредь в крестьянство“, т. е. хотя крестьянин и убежит, но он этим нисколько не разорвет своей крестьянской зависимости от владельца. Так в крестьянские договоры с владельцами внесено было условие, по которому крестьянин, нанимая землю с подмогой владельца, закреплял свои долговые и поземельные обязательства отказом навсегда от своего права прекращать основанную на этих обязательствах зависимость. Это условие и сообщило крестьянскому поземельному договору значение личной крепости.

Происхождение крестьянской крепости.

До сороковых годов XVII столетия не заметно вмешательства законодательной власти в крестьянские договоры с владельцами: новое условие проникало и распространялось, не встречая со стороны правительства никаких возражений. Легко, однако, заметить важный интерес, который должен был очень скоро вовлечь законодательство в эти отношения, чтобы регулировать их: если на крестьянские долговые отношения к владельцам пало основное условие личной кабалы, то возникала опасность, что за-

должавший крестьянин из тяглого человека превратится в кабального холопа, который не был обязан государственным тяглом. С начала сороковых годов законодательство начинает все с большим вниманием вмешиваться в отношения между крестьянами и владельцами. Еще в конце XVI века был установлен законом 24 ноября 1597 г. срок давности для сыска беглых крестьян. Этот срок давности, назначенный первоначально в пять лет, имел целью исключительно судебные удобства: бесконечные тяжбы о крестьянах, давно бежавших без расплаты, заваливали судебные учреждения. Иск о побеге, начатый слишком поздно, лишал суд возможности основательно разобрать дело. Поэтому законом 1597 г. был назначен пятилетний срок давности для таких исков; если крестьянин бежал за шесть или более лет до начала иска, владелец терял право искать его судом. В XVII столетии пятилетний срок был увеличен до десяти лет. Землевладельцы провинциальные, дворяне и дети боярские, чрезвычайно тяготились этими сроками, благодаря которым беглые крестьяне, укрываясь в отдаленных вотчинах крупных владельцев, с истечением срока пропадали для них без возврата долга. Удовлетворяя этим неоднократным ходатайствам, правительство в 1646 г. приняло решительную меру: предпринята была всеобщая перепись тяглых людей, городских и сельских; для писцов, разосланных по всем уездам, составлены были подробные наказы, инструкции. Здесь писцам указано было записывать всех тяглых людей поименно с живущими при них нетяглыми сыновьями и родственниками на тех местах, за теми владельцами или обществами, где их заставала перепись, а беглых записывать на покинутых местах на основании действовавшего в то время срока давности—лишь в том случае, если они бежали не далее

Превращение обязательства по договору в крепость по писцовой записи.

десяти лет до переписи; убежавшие раньше записывались там, где их заставала перепись. Удовлетворяя неоднократным ходатайствам служилых людей об отмене срока давности, правительство обещало, что впредь тяглые люди с детьми и родственниками будут крепки по переписным книгам и без „урочных лет“, т. е. землевладельцы и сельские общества получат право искать бессрочно и возвращать беглых, записанных за ними в этих книгах.

Влияние крестьянской крепости на составъ крестьянского населения.

Эти писцовые наказы 1646 г. значительно изменили характер крестьянской крепости, установленной ссудными записями: 1) явился новый способ укрепления, который не отменял прежнего договорного, но скорее закреплял его—это запись по переписным книгам. Крестьяне, записанные за владельцем, становились крепки ему даже и без ссудной записи. 2) Крепостной крестьянин закреплялся за владельцем без всякого срока и не только лично, но и со своим потомством и даже с родней, жившей в его доме; дети и родственники, которых писцы заставали в его доме, становились точно также крепостными того владельца, за которым был укреплен их отец или старший родственник, домохозяин. Таким образом крепостная крестьянская зависимость, первоначально личная и пожизненная, вследствие закона 1646 г. превращена была в вечную и потомственную. Состояние крепостных крестьян стало безвыходным, непрекращаемым; эта безвыходность и получила на языке XVII в. название *вечности крестьянской*. Но, признавая за владельцами крепостное право на крестьян, законодательство ограничило их известными условиями.

Образование тяглого крепостного состояния.

Землевладелец отвечал за податную исправность своих крепостных крестьян перед казной; далее, имея право на детей и младших родственников своих крепостных крестьян, владелец только тогда мог пользоваться этим

правом, когда устроял хозяйственное положение этих детей и родственников, делавшее их способными тянуть барское и казенное тягло, т. е. давал им земельные участки и ссуду на обзаведение. Эти и другие условия, которыми законодательство ограничило крепостную власть владельцев на личность крестьян, сводились к требованию, чтобы тяглый крестьянин, став крепостным, не переставал быть тяглым и способным к тяглу. Благодаря этим условиям, крестьянская крепость, развившись из крепости кабальной, не сделалась холопьей. Она отличалась от последней, во-первых, тем, что давала владельцу право только на часть крестьянского труда, другая часть которого обязательно шла в пользу казны в виде поземельного тягла; во-вторых, тем, что все владельческие права на крепостных были обусловлены соответствующими государственными обязанностями владельцев.

Замена казенных служеб личной зависимостью как новой повинностью крепостных крестьян.

Так представляю я происхождение и законодательное изменение крепостного права на крестьян. Оно возникло в начале деятельности новой династии помимо законодательства, путем частных сделок—средствами обязательтельственного права; но потом законодательство, регулируя эту зависимость, в интересах государства подчинило созданную сделками крепостную власть на крестьян известными государственными требованиями. Легко, однако же, понять, что распространение крестьянской крепости значительно усложнило юридический состав сельского населения. 1) Из общей массы тяглого замледельческого населения выделились теперь владельческие крепостные крестьяне; это было совершенно новое состояние *тяглыхъ крепостныхъ* людей: прежде *тяглые* крестьяне не были крепостными, *крепостными* считались только холопы, которые не были тяглыми. Эти крепостные крестьяне отли-

Дробление крепостного крестьянства.

чались от крестьян казенных и дворцовых тем, что, подобно им, лишившись права выхода из своего состояния, они не несли казенных служеб, падавших на черных и дворцовых крестьян. Эти казенные службы заменены были работой на землевладельцев, которая падала на крепостных крестьян как новая государственная повинность. 2) В самом крепостном населении обособились два разряда: земледельцы-домохозяева, платившие тягло с участков, которыми были наделены, и крепостные люди, жившие за этими крепостными домохозяевами, их дети и младшие родственники, которые составляли совершенно особый класс *затяглыхъ крепостных*.

Происхождение затяглых крепостных крестьян.

Крестьянская крепость завершила собою то дробление нисшего тяглого и крепостного населения, какое началось с конца XVI столетия. Окончательная юридическая выработка дана была крестьянской крепости около половины XVII в. Но лишь только вошло в право это новое явление, во всем чиновном делении общества Московского государства начинается важная перемена, которая ему сообщила новую организацию и новый вид. Этой переменой обозначается наступление нового, четвертого периода в истории русских сословий.

Лекция XX.

Четвертый период истории русских сословий.

Понятие о сословном праве.—Отсутствие этого понятия в Московском государстве XV и XVI вв.—Начальный законодательный момент IV периода.—Двоякое происхождение мысли о сословном праве в Московском государстве XVII в.: 1) сословное право как средство удерживать классы в кругу их обязанностей.—Превращение чиновных выгод в сословные права по состоянию.—Обособление трех сословий по правам.

Обозначая во введении в курс периоды, на которые можно разделить историю русских сословий, я сказал, что в четвертом периоде основанием общественного деления у нас служило различие прав, распределявшихся между сословиями по их политическому значению. Итак, *сословное право* есть отличительная черта IV периода, тот признак, которым строй, усвоенный нашим обществом в этот период, отличался от склада, ему предшествовавшего и основывавшегося на различии государственных обязанностей, разверстанных между общественными классами по их хозяйственным состояниям. Прошу припомнить, как мы определили сословное право во введении в курс: я сказал, что это есть всякое преимущество, предоставляемое законом целому классу общества в постоянное обладание. Разумеется, юридическое отличие известного класса только тогда можно назвать его преимуществом, когда оно обра-

Понятие о сословном праве.

щается в его пользу: дает ему средства обеспечения его интересов, создает ему выгодное положение в государстве или помогает сохранять и укреплять это положение.

В московском государственном праве XV и XVI вв., когда складывалось государство, мы не находим твердо выраженного понятия о таком сословном преимуществе. Законодательство знало хозяйственные выгоды, которыми пользовались разные классы и которые служили не интересам этих классов, а целям государства, были средствами исправного исполнения государственных обязанностей, положенных на общественные чины, а не средством обеспечения интересов этих чинов. Эти выгоды достигались собственными усилиями отдельных лиц или получались лицами от государства, напр., поместья. В том и другом случае государство налагало на лица соответствующие этим выгодам тягости: на землевладельцев, приобретавших землю собственными средствами или получавших ее от казны, оно налагало службу приказную и ратную, на торгово-промышленных капиталистов — службу казенную и промысловое тягло, на хлебопашцев, снимавших земли казенные или частные,—тягло поземельное.

Отсутствие этого понятия в Московском государстве XV и XVI вв.

Первый вопрос, возникающий при изучении нового периода, состоит в том—когда, откуда и каким образом возникла в Московском государстве мысль о сословном праве, как о таком юридическом преимуществе, которое служило не столько средством для отбывания государственных повинностей, сколько средством для ограждения и проведения сословных интересов. Происхождение этой мысли было довольно сложно и заслуживает некоторого внимания тем более, что этот вопрос почему-то обыкновенно оставляется в тени нашей историко-юридической литературой. Московское законодательство начинает до-

вольно твердо формулировать такие преимущества и согласно с ними перестраивать прежнюю чиновную иерархию общества с половины XVII в., с Уложения 1649 г. Постепенно вырабатываясь и укрепляясь, основанный на различии сословных прав новый склад нашего общества достигает, если не полного и окончательного, то довольно определенного выражения в сословных жалованных грамотах 1785 г. Поэтому Уложение можно принять за начальный законодательный момент IV периода истории русских сословий, а жалованные грамоты мы избрали было конечным пределом нашего изучения. Однако, мысль о сословном праве, как мы его определили, возникла ранее издания Уложения, и условия, из которых она родилась, становятся заметны еще в XVI в.

Начальный законодательный момент IV периода.

Двоякое происхождение мысли о сословном праве в Московском государстве.

Сословные права возникали и развивались в нашем государственном порядке двумя путями: все они являлись последствиями чиновного деления, но различались свойством побуждений, их вызывавших, или тех интересов, которые ими ограждались. Одни из них создавались самим законодательством и направлены были к тому, чтобы поддерживать и укреплять чиновное деление общества, удерживая классы в кругу назначенных им чиновных обязанностей; другие сами собой рождались из материальных выгод, связанных с чиновными обязанностями, и служили выражением и средством поддержания того государственного значения или веса, какой приобретали чины исполнением своих обязанностей. С первого взгляда эта разница в происхождении сословных прав покажется неясной, но вы увидите из дальнейшего изложения, в чем она состояла.

1) Сословное право, как сред-

1. Сословные права, как средства удержания классов в кругу их государственных обязанностей, постепенно раз-

тво удерживает классы в кругу их обязанностей.

вивались путем перерождений, каким подвергались эти обязанности в своем практическом применении. Мы видели, что первоначально эти обязанности разверстывались по хозяйственным состояниям лиц: кто владел землей, тот должен был служить ратную службу; кто пахал землю, тот обязан был тянуть поземельное тягло. Эти повинности падали на состояния или занятия даже независимо от лиц, которые владели этими состояниями или вели эти занятия: если землевладелец, служивший ратную службу с своей земли, часть этой земли пахал на себя своими холопами или вольно-наемными рабочими, не сдавая ее тяглым людям — крестьянам, то в XVI веке он сверх ратной службы платил еще поземельное тягло с этой части наравне с тяглыми хлебопашцами. Таким образом по земле землевладелец служил, а по пашне платилъ. Потом, когда посредством такой разверстки лица рассортировались на классы, по мере того, как общественное деление, кристализуясь застывало и твердело, повинности, с помощью наследственной их передачи, постепенно переносились с хозяйственных состояний на самые лица и только отбывались лицами по хозяйственным состояниям, даже иногда ложились на лица независимо от их состояний. Сын служилого человека нес ратную службу, даже не имея земли; напротив, неслужилый человек, ставший землевладельцем, напр., холоп, получивший от господина часть его вотчины в награду за верную службу, что нередко бывало в XVI в., такой землевладелец не был обязан ратной службой государству. Если служилый человек должен был служить хотя бы и не владел землей, то, наоборот, служилый землевладелец не обязан был платить поземельное тягло, хотя бы часть своей земли и обрабатывал на себя. Вот почему в царствование Ми-

хаила Федоровича дворовые пашни служилых землевладельцев по писцовым книгам являются уже свободными от поземельного налога. Эта перемена была, очевидно, перенесением государственных повинностей с хозяйственного состояния на самое лицо, им владевшее. Отсюда установилось правило, по которому податное тягло освобождало от ратной службы, а ратная служба—от податного тягла. Естественно, однако же, что повинность, переставши быть вещественной и сделавшись личной, не могла исправно отбываться, если теряла свое вещественное, т. е. хозяйственное, основание. Отсюда еще в XVI в. становится заметным в московском законодательстве стремление поставить лица в экономические состояния, соответствующие несомым ими повинностям, и удержать их в этих состояниях. Самым решительным выражением этого стремления была система поместныхъ наделов, превратившая тысячи безземельных ратников в мелких землевладельцев. Но и вотчинное землевладение испытало на себе действие того же стремления. Здесь оно прежде всего повело к стеснению прав вотчинного землевладения в интересе поддержания служебной годности служилых фамилий; чтобы предохранить их от упадка и предупредить переход вотчинных земель от служилых владельцев в неслужилые или неспособные к службе руки, ограничено было право отчуждения и право завещания родовых наследственных вотчин. В ст. 85 Судебника 1550 г. и в дополнительном законе 1557 г. был точно определен порядок выкупа таких вотчин, отчужденных владельцами в чужой род. Нисходящие потомки вотчинника, продавшего родовую вотчину—дети и внуки—по Судебнику и закону 1557 г. не могли выкупать ее: это право сохраняли только боковые родственники—братья, сестры и племянники, притом если они

не подписались на купчей продавца свидетелями, т. е. не дали молчаливого согласия на продажу вотчины. Право выкупа отчужденной вотчины сохранялось за родичами впродолжение сорока лет; притом родич, выкупивший родовую вотчину, лишался права ее дальнейшего отчуждения в род: он мог продать или заложить ее только члену своего рода, не подписавшемуся свидетелем на купчей первого продавца. В одном списке Судебника является еще более важное стеснение права отчуждать родовые вотчины: здесь к изложенной статье Судебника приписан закон царя Ивана, неизвестно в каком году изданный. По этому закону бездетный вотчинник мог продать, заложить или отказать в монастырь по душе только половину своей родовой вотчины без согласия родичей. Все, что он отчуждал сверх этой половины без их согласия, отдавалось им по их челобитью без выкупа, а покупатель лишался своих денег. Законами 1562 и 1572 гг. право отчуждения и завещания родовых вотчин было еще более стеснено в пользу казны, точнее говоря — в интересах службы, для предупреждения перехода вотчин в неслужилые руки. По этим законам крупным землевладельцам, князьям и боярам, вообще запрещено было отчуждать, т. е. продавать, менять или закладывать свои родовые вотчины, точно также отдавать их в приданое. Они могли в виду бездетной смерти завещать эти вотчины боковым родственникам, но только ближайшим—братьям, их детям и детям этих племянников, но не далее. Сверх того, запрещено было завещать вотчины вдовам, женам и дочерям и отдавать их в монастыри по душе без доклада государю. Во всех случаях, когда по закону вотчинник терял право располагать вотчиной по своему усмотрению, она по смерти его бралась в казну и обращалась на поместные дачи.

Все эти стеснения были объяснены в законе 1572 г. одним главным побуждением: „чтобы службе убытка не было и земля бы из службы не выходила“.

Все изложенные узаконения направлены были косвенно к удержанию служилых фамилий в раз занятом ими положении по службе, которое чаще всего терялось вследствие потери вотчин, наследственных состояний. Такие распоряжения касались только высших слоев служилого класса, княжеских и боярских фамилий, т. е. крупнейших землевладельцев, наиболее важных для службы. Но в XVII столетии мы встречаем и прямые законодательные меры с целью затруднить и даже запереть выход из всех, как служилых, так и тяглых состояний. Легко понять, что невозможно было превратить каждый служебный чин в замкнутое состояние; среди чинов господствовало постоянное движение: личная заслуга или личная удача в хозяйственных предприятиях постоянно изменяла чиновное положение лица, переводя его из одного чина в другой. Бедный городовой сын боярский, по состоянию своему способный служить только городовую осадную службу, постепенно богатея, запасался конем и вооружением и, таким образом получая возможность нести более тяжелую повинность—ходить в дальние походы, переходил в разряд городовых дворян или даже в выбор. Но вся иерархия чинов не представляла непрерывной лествицы ступеней, которую одно и то же лицо могло бы пройти снизу до самой вершины. В московском чиновном делении не было того, что потом бывало по табели о рангах, когда чиновник, начавший с низу, с нисшего чина, личными качествами или с помощью служебной удачи, пробегал всю лествицу чинов и кончал свою государственную службу в высшем чине. Таких примеров не было в московской службе

XVI—XVII веков. Вся лествица московских чинов распадалась на несколько отделов и иерархическое движение было возможно для лица известного происхождения только на пространстве ступеней известного отдела. У каждого „отечества“ были свои доступные ему чины. Провинциальный дворянин, начавший службу городовым сыном боярским, мог дослужиться до выборного дворянства, в исключительных случаях попадал даже в Московский список, но редко шел выше дворянства Московского. Точно также тяглый посадский человек, начавший свою деятельность в звании молодшего, мог, богатея, стать „лучшим“ посадским человеком, мог даже попасть в высшее столичное купечество, стать торговым человеком гостиной или суконной сотни, даже гостем: но мы знаем очень немного случаев еще более успешного возвышения. Некоторые гости, за свою усердную службу казне, награждались дьячеством, получали поместья и даже известны два-три человека в XVII в., которые из гостей чрез дьячество попали в Думу в звании думных дворян. Но не было ни одного купца, который бы дослужился до боярства. Так у каждого общественного слоя была своя чиновная карьера, свой ряд доступных ему чиновъ. Следовательно, отделы чинов были менее подвижными состояниями, чем самые чины. Чины каждого отдела отличались неодинаковыми, но однородными обязанностями и соответственно тому лица, их получавшие, должны были иметь неодинаковые, но однородные хозяйственные состояния. Так посредством естественной группировки мелких чинов сами собой обозначались очертания более крупных классов, которые законодательство и обратило в сословия, сперва замкнув выход из них, а потом обособив их друг от друга специальными правами. В одной статье Судебника 1550 г. мы читаем: „а детей боярских

служивых и их детей, которые не служивали, в холопи не примати никому опричь тех, кого государь от службы отставит". Точно также Судебник запретил заимодавцам брать к себе во дворовую службу тех должников, которые занимали деньги в рост, а не под условием служить за рост. В XVII в. запрещение выходить из служилых и тяглых состояний становится общим и настойчивымъ стремлением московского законодательства. Так, закон 9 марта 1642 г. безусловно запретил вступать в холопство дворянам и детям борским. Точно также еще до Уложения принимались меры против закладничества, т. е. против вступления в личную зависимость с правом всегда ее прекратить или без этого права. Уложение окончательно запретило тяглым посадским людям и крестьянам отдаваться в зависимость по служилым кабалам к церковным властям или светским землевладельцам. Детей или младших родственников своих тяглые люди могли отдавать только в жилую неволю и притом не более, как на пять лет. Так отменена была 88 статья Судебника 1550 г., которая давала крестьянину право продаваться с пашни в полное холопство. В XVII в. люди православного исповедания в Московском государстве вообще не могли продаваться в полное холопство. Если мы припомним установленную наказом 1646 г. вечность крестьянскую, то все почти общество в Московском государстве, все служилые и тяглые чины его представятся нам сосредоточенными в три группы: служилую, посадскую и крестьянскую, которые были замкнуты с одной стороны—со стороны выхода из них.

Прекращение чиновных выгод в

Но если специальные повинности целых чиновных групп стали безусловно обязательными и неизменными, даже наследственными, то являлась необходимость и обеспечивавшие

их исполнение хозяйственные выгоды сделать исключительным достоянием классов, которые несли на себе эти повинности. Если служилый человек по закону нес вечно-потомственную ратную службу, а посадский тяглец вечно и потомственно платил тягло по городскому промыслу, то было необходимо, чтобы никто, кроме служилых людей, и не владел землей, чтобы никто, кроме посадских тяглецов, и не имел права промышлять в городе. Так хозяйственные состояния и занятия из экономических средств исправного отбывания государственных повинностей превратились в исключительные юридические преимущества отдельных классов, направленные к удержанию лиц в кругу их наследственных обязанностей, иначе говоря—превратились в *сословные* права. Отсюда возникло новое явление в Московском государственном порядке—приобретение права на известное хозяйственное состояние или занятие. Прежде хозяйственные состояния приобретались усилиями отдельных лиц, средствами гражданского права; каждое занятие было всем доступно, возникало из свободного приложения труда, руководимого частными интересами трудящегося лица. Теперь лицо, прежде чем войти в известное состояние, должно было приобрести право на это,—прежде чем принималось за известные занятия, обязано было вступить в тот общественный класс, которому это занятие было усвоено законом, как его сословное преимущество. Из указанного правила само собою вытекало и обратное требование: если только служилые люди имеют право владеть землей, только посадские люди могут заниматься городским промыслом и торгом, то все владеющие землей должны войти в состав служилого класса, все занимающиеся городским промыслом и торгом обязаны примкнуть к классу посадских людей. Так право землевладения и право город-

Сословные права по состоянию.

Обособление трех сословий по правам.

ского промысла и торга объединяли мелкие чины, разделенные до тех пор дробными различиями в тяжести ратных служилых и тяглых посадских повинностей. Такое обоюдостороннее приложение правила и сомкнуло прежние чины в несколько крупных классов или сословий, придав им посредством принудительной сословной приписки более плотный и постоянный состав и обособив их друг от друга.

Меры, направленные к сосредоточению и округлению раздробленных прежде общественных классов, были проведены на земском соборе 1648 и 1649 гг. по инициативе правительства или по ходатайству самих земских чинов и сведены в Уложении.

1. Личное землевладение стало исключительным правом служилых людей и тех из земских, которые несли казенную службу по выборам. Боярские холопы и находившиеся в сходном с ними юридическом положении монастырские служки не могли покупать и принимать в заклад вотчин; если кто из служилых людей находил такую вотчину и бил о ней челом государю, она отбиралась у холопа или служки и отдавалась челобитчику в поместье, как конфискованная земля (Улож., XVII, 41). Им не давали и поместий из государевых казенных земель.

2. Право торговать и промышлять в городе присвоено было исключительно посадским людям, а не принадлежавшие к посадскому обществу городские торговцы и промышленники обязаны были либо отказаться от своих торгов и промыслов, либо приписаться к городскому обществу. Холопы и крестьяне, владевшие в городах тяглыми дворами и промышленными заведениями—лавками, амбарами, погребами—обязаны были продать их тяглым посадским людям; впредь запрещалось кому-либо приобретать такие дворы и заведения в городах, кроме посадских людей, под угрозой конфискации

приобретенного имущества и торговой казни для приобретателей из крестьян и холопов. Крестьяне могли привозить в города свои товары и продавать их на гостином дворе с возов и судов, но не могли покупать и нанимать для того лавок в торговых рядах. С другой стороны, слободы в городах, населенные нетяглыми промышленниками и торговцами, заложившимися за служилых людей или духовных сановников, приписывались к посадским обществам со всем своим населением и землями. Даже дети духовенства и другие вольные люди, жившие по городам на церковных землях и занимавшиеся торгами и промыслами зачислялись в городское тягло. Не только люди вольные, не принадлежавшие к какому-либо определенному состоянию, но и состоявшие на государственной ратной службе по прибору и за то получавшие казенное жалованье, занимаясь в городе торговлей и промыслами, должны были тянуть городское тягло: по Уложению такие приборные служилые люди, оставаясь в своих служилых чинах и продолжая нести ратную службу, вместе с тем по своим торгам и промыслам обязаны были записаться в городское тягло и платить всякие подати наравне с тяглыми посадскими людьми. Исключение сделано было только для некоторых разрядов служилых приборных людей, напр., для стрельцов, которые с своих городских торгов и торговых заведений платили таможенные пошлины и годовые оброки по окладу городского общества, но не были обязаны нести тягло и земские службы наравне с посадскими людьми (Улож., XIX, 15, 17, 7, 3, 4, 11, 12). Таким образом одно и то же лицо могло принадлежать к служилому и тяглому состоянию, чем для низших служилых людей отменялось установившееся в начале XVII века правило, что ратная служба освобождает от тягла, и обратно—тягло от службы.

3. Наконец, и земледельческий труд, став сословным правом, начал объединять сельское население, дотоле разбитое на различные юридические состояния. В состав этого населения входили тяглые крестьяне и бобыли, жившие на казенной или частной владельческой земле, безземельные гулящие люди, занимавшиеся сельскими промыслами или наемной работой, и пахотные холопы, получавшие от господ земельные участки в пользование с усадьбами и земледельческим инвентарем и за то работавшие на господ или платившие им оброк, подобно крестьянам; такие пахотные холопы назывались *деловыми* и *задворными* людьми. Уложение ясно отличает крестьян и бобылей, черных и дворцовых, от крепостных владельческих, а тех и других от холопов: первых оно признает прикрепленными к земле или, точнее, к сельским обществам, вторых и третьих— прикрепленными к лицам, т. е. к землевладельцам, различая их друг от друга тем, что крепостные крестьяне и бобыли были люди тяглые, а деловые и задворные холопы—нетяглые. Но в самых признаках, которыми различались указанные три состояния, заключались условия их взаимного юридического сближения. Прикрепляя одних хлебопашцев к сельским обществам, других к землевладельцам, Уложение окончательно утверждало то правило, что сельские общества казенных крестьян отвечают за податную исправность последних, а землевладельцы—за исправность своих крепостных крестьян. Неизбежным последствием этого правила была принудительная разверстка тягла: сельские общества и землевладельцы получали право отводить отдельным крестьянам бóльшие или меньшие пахотные участки соразмерно с их рабочими силами и налагать на них подати соразмерно с отведенными участками. Эта принудительная разверстка вносила важные перемены в юридический состав

сельского населения. С одной стороны, она уничтожала юридическое различие между крестьянами и бобылями: принадлежность к тому или другому из этих состояний определялась не выбором самого тяглого хлебопашца, а хозяйственным усмотрением общества или землевладельца, которые разверстывали тягло. С другой стороны, эта разверстка уничтожала на деле юридическое различие между крестьянами и пахотными холопами. Сумма податей, падавшая на имения, определялась количеством тяглых крестьянских и бобыльских дворов, значившихся в нем по переписной книге. Но податные платежи предоставлено было разверстывать ответственному за них владельцу между всеми крепостными его хлебопашцами, как он хотел, и недоимки взыскивались сборщиками, как с тяглых крестьян, так и с нетяглых пахотных холопов. Поэтому в переписных книгах 1646 и 1678 гг., когда произведены были общие переписи тяглых людей, обозначались и дворы деловых и задворных холопов на ряду с крестьянскими и бобыльскими, хотя этих холопов закон еще не признавал прямо тяглыми людьми. Так подготовлялось слияние бобылей и пахотных холопов с крестьянами в один класс, завершенное введением подушной подати при Петре. Наконец, юридический состав сельского населения упрощался еще тем, что Уложение, прикрепляя казенных крестьян к сельским обществам, а владельческих—к владельцам, распространило это прикрепление и на детей и родственников крестьянина, которые жили в его доме, не имея своих участков, и считались до тех пор вольными людьми.

Таковы были три крупные группы, на которые стало распадаться с половины XVII в. гражданское общество в Московском государстве по сословным правам.

Лекция XXI.

2) Честь чинов как источник сословных прав. — Первоначальное значение чиновной чести в московском праве.—Дальнейшее юридическое осложнение этого значения. — Новая форма сословного законодательства в XVII в.—Жалованная сословная грамота.—Отношение нового сословного деления общества к прежнему чиновному.

2. Честь чинов как источник сословных прав. Первоначальное значение чиновной чести в московском праве.

2. Другим источником сословных прав в Московском государстве XVII в. была *честь чинов.* Это был своеобразный и довольно сложный юридический институт, выработанный древне-русским правом. Первоначально под этим термином разумелось значение, какое придавал закон известному чину и в котором выражалась государственная оценка сравнительной пользы, приносимой государству разными общественными чинами. Наиболее осязательной формой, в которой выражалась эта оцѣнка чиновной чести, служило наказание за *бесчестье*, т. е. за оскорбление лица действием и преимущественно „непригожим словом". Наказания за бесчестье различались по чинам как оскорбленной, так и оскорбившей стороны, и были очень разнообразны: за бесчестье подвергали денежным пеням, тюремному заключению, телесным наказаниям и позорному обряду *отсылки* виновного *головою* к потерпевшему. Котошихин описывает обряд отсылки головою за боярское бесчестье. Пристава вели под руки обидчика на двор к

обиженному боярину и ставили его на низу крыльца, на которое вызывали из дома и обиженного. Дьяк произносил последнему речь, говоря, что государь указал и бояре приговорили за его боярское бесчестье отвесть обидчика к нему головою. Обиженный благодарил за царскую милость, а обидчика позволял отпустить домой. На пути к обиженному, как и стоя на дворе у него, обидчик пользовался правом безнаказанно „лаять и бесчестить всякою бранью обиженного“, который „за те злые лайчивые слова“ ничего не смел сделать с обидчиком под опасением усиленной кары. Уже в Судебнике 1550 г. встречаем сложный тариф денежных штрафов за бесчестье людей разных чинов, который был еще более развит Уложением 1649 г. Судебник, между прочим, назначал 5 рублей пени (около 350 р. на наши деньги) за бесчестье „доброго боярского человека“, т. е. лучшего служилого холопа, ходившего в походы с господином, тогда как бесчестье свободного крестьянина оплачивалось впятеро дешевле. На лествице чинов холоп стоял очень низко и не пользовался правами свободного лица, как и не нес никаких прямых государственных обязанностей; но государство ценило пользу, приносимую им как вооруженным спутником служилого ратника, и за эту пользу ставило его выше тяглого крестьянина. Значит, чиновная честь лица определялась собственно не положениемъ его чина на чиновной лествице, а приносимой им государственной пользой, прямой или косвенной. Но если в различии наказаний за бесчестье по чинам оскорбленных выражалась оценка не столько достоинства самого чина сколько государственной полезности чиновного лица, то, наоборот,—въ различии наказаний за бесчестье по чинам обидчиков выражалась оценка не столько этой полезности, сколько значение чина, чем бы он ни приобре-

тался—заслугой или породой. По Уложению, думные люди за оскорбление патриарха отсылались к нему головою, служилые по отечеству наказывались батогами, а тяглые и служилые по прибору—кнутом на площади и, сверх того, месячным заключением в тюрьме (Улож., X, 27—31). Род государственного служения сообщал лицу известное достоинство, которым определялся и род наказания за известные преступления и проступки. Для людей высших чинов, руководивших управлением, это достоинство служило средством успешного исполнения их правительственных обязанностей: они должны были иметь авторитет, необходимый для поддержания в управляемых чувства порядка и повиновения. Поэтому закон не подвергал их за одни и те же проступки одинаковым наказаниям с людьми низших чинов. Вот почему в прежней Руси думные люди и высшее духовенство были свободны от телесных наказаний. Таким образом чиновная честь была первоначально личным преимуществом, которое либо прямо связывалось с чином, либо приобреталось службой государству независимо отъ чина: походный холоп был одного чина с простым, но честь первого ценилась въ пятеро дороже чести последнего.

Дальнейшее юридическое осложнение этого значения.

С течением времени юридический состав чиновной чести осложнился: к личным преимуществам присоединились матерьяльные выгоды, которые также вытекали из чиновных обязанностей, но не служили обеспечением их исправного исполнения. Так, согласно с правилом, что владеть землей может только тот, кто несет службу ратную, приказную или земскую, право землевладения вотчинного и поместного в Московском государстве усвоено было и высшему столичному купечеству, несшему наиболее тяжелые казенные службы, как и посадским людям, которых вы-

бирали в земские старосты. Но землевладение для этих людей не соединялось с воинской повинностью, падавшей на служилых землевладельцев, и таким образом становилось чистым сословным их правом. Точно такое же значение получило признанное законом в XVII веке право служилых землевладельцев на крепостной труд ихъ крестьян: ратная повинность этих землевладельцев обусловливалась вотчинным и поместным землевладением, а не этим правом, хотя последнее было тесно связано с первым. Таким образом землевладение гостей и земских старост и владение крепостными крестьянскими руками получили характер сословных прав, не соединенных с соответствующими обязанностями, стали наградой за службу, а не средством или условием службы. Этот новый род сословных прав, возникших из юридического развития чиновной чести, усилил обособление чиновных групп, разделенных правами, которые, как мы видели, возникли из превращения экономических состояний или занятий в исключительные преимущества известных классов.

Новая форма сословного законодательства в XVII в.— жалованная сословная грамота.

Таково было происхождение сословных прав в Московском государстве. Этим новым юридическим явлением вызван был и новый род законодательства. До XVII века московское законодательство, устрояя общественные классы, определяло преимущественно их государственные обязанности. В XVII в. встречаем законодательный памятник, который говорит о сословных правах: это — жалованная грамота гостям и гостиной сотне, данная 26 августа 1648 года. В этом акте воспроизведена грамота, пожалованная высшему столичному купечеству еще в 1613 г., вскоре по воцарении Михаила. Гостям и гостиной сотне присвоялись этой грамотой очень важные преимущества: между прочим, их дворы освобождались от тягла и по-

стоя; они сами, их дети и приказчики в поездках по торговым делам не подлежали суду местных областных управителей; иски на них принимал только Московский Казенный Приказ. Эта грамота о правах высшего купечества была предвестницей жалованных сословных грамот Екатерины II.

Отношение нового сословного деления общества к прежнему чиновному.

Новая группировка общественных классов, начавшая обозначаться с половины XVII века, не устраняла прямо прежнего чиновного деления общества, а только прикрывала его на первое время; но она по самым своим основаниям отличалась от этого деления. Чины, во-первых, были дробные и изменчивые хозяйственно-служебные состояния, принадлежность к которым в значительной степени зависела от воли самих лиц; новые, более крупные общественные группы представляли более устойчивые классы, которые закон даже стремился сделать замкнутыми и принадлежность к которым определялась преимущественно происхождением лиц, независимо от экономического его положения. С другой стороны, чиновное деление основывалось на различии государственных обязанностей, а новые крупные классы различались между собою еще и правами. Этот последний признак и сообщал новым классам характер сословий в настоящем смысле слова, потому что, как было замечено во вступлении к курсу, существенным и наиболее осязательным признаком сословного деления служит различие прав, а не обязанностей.

Но не устраняя прямо прежнего чиновного деления, новая сословная группировка общества косвенно содействовала разрушению старой лествицы чинов, подготовленному рядом других условий.

Лекция XXII.

Разрушение чиновного склада русского общества.—Троякий процесс этого разрушения.—1) Перемены в приказной службе. Смешение генеалогических слоев высшего служилого класса в Московском государстве и закон 12 января 1682 г. Табель о рангах.—2) Преобразование земского управления при Петрѣ I. Указы 30 января 1699 г. Введение дворянства в порядок земского управления: дворянские советы при воеводах, ландраты и земские комиссары.—3) Превращение специальных чиновных повинностей в обще-сословные. Распространение воинской повинности на тяглых людей, на детей духовенства и на холопов. Распространение податного тягла на гулящих людей, холопов и косвенно на землевладельцев.—Сословный состав русского общества после первой ревизии.

Разрушение чиновного склада русского общества. Троякий процесс этого разрушения.

Ход начавшегося приблизительно с половины XVII в. разрушения чиновного склада русского общества обозначился тремя процессами соответственно трем основаниям, на которых построены были различные части старой лествицы чинов. Верхние ступени этой лествицы, как мы видели, держались на разверстке приказной службы между служилыми людьми по отечеству, средние—на распределении казенных поручений между земскими людьми по личному доверию, наконец, низшие — на раскладке ратной службы и тягла между служилыми и земскими людьми по их хозяйственным состояниям. Каждое из этих оснований и начало колебаться с половины XVII века, частью под

влиянием условий, вызвавших новое сословное деление общества.

1. Перемены в приказной службе.

1) Первый процесс разрушения чиновного склада общества обозначился постепенным изменением характера приказной службы, обязанности которой разверстывались между служилыми людьми по отечеству. Эта разверстка была тесно связана с теми генеалогическими слоями, из которых составился высший служилый класс в Московском государстве XV и XVI веков. Правительственные полномочия, требовавшие большого или меньшого авторитета со стороны уполномоченных лиц, распределялись по отечеству или происхождению, которым обусловливалось в древней Руси общественное значение лица. Но с начала XVII века генеалогические слои высшего служилого класса, прежде резко различавшиеся между собою, стали заметно смешиваться: старые родовитые фамилии, княжеские и боярские, вымирали или бледнели и падали; новые, незнатные люди личной заслугой или случайной удачей выносились наверх, достигали влиятельного положения в управлении, богатели и становились родоначальниками новой аристократии. Таким образом высшие чины постепенно теряли свое старое основание, переставали быть выражением породы и становились отличиями по личной заслуге или выслуге. Эта перемена в составе высшего служилого общества уже в XVII в. повела к отмене местничества, на котором держались старые высшие чины. Комиссия, составленная в 1681 г. из выборных служилых людей под председательством князя В. В. Голицына для выработки плана нового военного устройства, составив проект новой организации военных частей, предложила назначать их командиров из всех служилых фамилий „без мест и без подбора“, т. е. не по отечеству, как прежде, а по личной годности или

Смешение генеалогических слоев высшего служилого класса в Московском государстве и закон 12 января 1682 г.

заслуге. Это предложение было принято Государем и Думой, приговорившими 12 января 1682 г. отменить „богоненавистное и враждотворное местничество“. С того времени совершенно изменилось отношение сословного положения служилого лица к служебному чину. Прежде этот чин определялся принадлежностью лица к известному генеалогическому слою служилого класса; теперь, наоборот, приобретение известного служилого чина вводило в состав высшего служилого класса, какого бы оно ни было происхождения. Эта перемена выражена, между прочим, в лаконическом указе Петра 16 января 1721 года. Указ этот гласил: „все обер-офицеры, которые произошли не из дворянства, оные и их дети и их потомки суть дворяне, и надлежит им дать патенты на дворянство“. Напротив, Петр не раз и настойчиво выражал мысль, что дворянское происхождение само по себе, без известного чина, приобретенного службой, не дает никаких прав. Этим совершенно разрушалось основание старой лествицы служилых чинов и вызывалась необходимость нового чиновного распорядка служилого люда. Этот распорядок был установлен утвержденной 24 января 1722 г. *табелью о рангах всех чинов*. В этой табели все должности распределены на три параллельных ряда должностей воинских, статских и придворных и каждый ряд разделен на четырнадцать рангов или классов. Лествица воинских должностей начинается генерал-фельдмаршалом и оканчивается фендриком; во главе иерархии статских рангов поставлены, во-первых, канцлер, во-вторых, действительные тайные советники, а внизу провинциальные секретари и коллежские регистраторы (классы 13-тый и 14-тый). Надобно заметить, что эти четырнадцать классов не были простыми чинами или служебными отличиями, не соединенными с определен-

Табель о рангах.

ными должностями, как теперь: к каждому классу отнесена была одна должность или целая группа равностепенных должностей; так, в четырнадцатом статском классе числились кроме регистраторов при коллегиях, еще коммиссары при коллегиях, фискалы при надворных судах, земские комиссары, губернские почтмейстеры и прочие. В пунктах, которыми сопровождалась табель о рангах, выражено было основание нового чиновного деления. Так, в одном пункте сказано, что все служащие первых восьми рангов (не ниже маиора и коллежского ассесора) с потомством своим причисляются к лучшему старшему дворянству „во всяких достоинствах и авантажах, хотя б они и низкой породы были". А в другом читаем, что хотя сыновьям российского знатнейшего дворянства и открывается для знатной их породы свободный доступ ко двору и желательно, „чтоб они от других во всяких случаях по достоинству отличались, однако, за это одно никому из них никакого ранга не дается, пока они государю и отечеству услуг не покажут и за оные характера (чести и чина) не получат". Введением этой табели завершена была перестройка высшего служилого класса, которую можно выразить такими словами: *чиновные обязанности приказной службы, постепенно теряя связь с генеалогическим составом высшего служилого класса, превратились в простые должностные полномочия.*

Преобразование земского управления при Петре I.

2) *) Подобная перемена произошла при Петре и в порядке отправления земской службы. Мы знаем, что самым тяжелым видом ее была *служба верная*, на раскладке которой основывалось чиновное деление высшего купечества. Безмездное и ответственное исполнение казенных

*) См. приложение в конце книги.

поручений по сбору таможенных, питейных и других доходов благонадежными торговыми людьми вызывалось недостатком у казны собственных органов, пригодных для этого дела. При Петре возникла мысль сложить обязанности верного управления с городских обывателей и отдать все косвенные налоги на откуп или поручить их сбор отставным офицерам и солдатам. Указами 13 апреля и 11 мая 1722 г. предписано было все казенные доходы, собираемые на вере, постепенно отдать на откуп, а пока посадских людей к таким сборам не выбирать, заменяя их отставными офицерами, дворянами и рядовыми; в помощь им велено было выбирать, с значением подчиненных целовальников, раскольников и „бородачей“, на которых эта повинность была положена, как наказание за их упорную привязанность к старообрядству и бороде. Попытка отменить верное управление получает тем большее значение, что была предпринята преждевременно, без достаточной подготовки. Из указа 9 декабря 1723 г. узнаем, что во всех губерниях к казенным сборам прислано из Военной Коллегии только 475 человек отставных, тогда как требовалось всех около 7.000 сборщиков. Пришлось обращаться опять к выборным сборщикам из купечества и посадских людей там, где недоставало отставных военных. Значит, потребность снять повинность верной службы с городского населения явилась раньше, чем успела казна найти удобные орудия, которыми можно было бы заменить верных голов и целовальников. Понятно, что по мере того, как купечество освобождалось от этих повинностей, исчезало и основанное на их разверстке старое чиновное деление этого класса. — В то время, как падал прежний строй земской службы по личному доверию, служившему основанием верного управления, земская служба по мир-

ской поруке развивалась и в дальнейшем развитии своем получила новый характер. В царствование Грозного земские миры, городские и сельские, получили право управляться выборными земскими старостами и целовальниками, которые творили среди них суд и собирали с них казенные подати. Миры, избиравшие этих старост и целовальников, отвечали перед правительством за их деятельность. Эти земские выборные заменяли коронных областных управителей—наместников и волостелей, которые оказались непригодными к делу. В XVII в., когда во главе каждого уезда ставился воевода, коронный управитель с широкими военно-гражданскими полномочиями, земские старосты и целовальники очутились в положении орудий этих управителей и делали для них всю черную работу управления, утратив всякую самостоятельность. В царствование Алексея правительство начало помышлять о восстановлении придавленного воеводами земского самоуправления. Петр

Указы 30 января 1699 года.

наследовал и осуществил эти помыслы. Двумя указами 30 января 1699 г. предоставлено было торгово-промышленному населению столицы и других городов, а также и крестьянам государевых сельских волостей, „буде они похотят“, управляться своими выборными бурмистрами, которые бы чинили между ними суд и собирали государственные налоги. За освобождение от воевод и приказных людей города должны были только платить удвоенные оклады казенных податей. Возникшие по этим указам Московская Бурмистерская Палата и городовые ратуши были потом, в конце царствования Петра, преобразованы в магистраты. Этими учреждениями не только восстановлялось, но и расширялось городское самоуправление. Городские выборные управители, прежде служившие ответственными заместителями коронных областных чиновников, теперь по-

лучили значение блюстителей сословных интересов выбиравших их городских обществ. Законодательство Петра не обязывало городских избирателей строгой порукой за избираемых управителей. Таким образом выборное земское управление, имевшее прежде характер земской служебной повинности, теперь получило в городах значение сословного права.—Вскоре по учреждении бурмистров, это право было распространено и на областное дворянство. В XVII в. дворянство в составе областных миров стояло довольно уединенно: сомкнувшись в уездные корпорации, оно имело очень мало связи с другими классами и оказывало слабое действие на ход местного управления, выбирая из своей среды лишь на некоторые второстепенные должности уездной администрации. Губные старосты, избиравшиеся из среды уездных служилых людей всеми классами местного общества, были отменены незадолго до царствования Петра. Взамен этого учреждения Петр открыл дворянству более широкое и прямое участие в местной администрации и этим органически ввел сословие в систему местного земского управления. Указом 10 марта 1702 г. при уездных воеводах учреждены были дворянские советы по выбору уездных дворянских обществ. Эти выборные дворяне-советники должны были ведать всякие дела с воеводами, „а одному воеводе без них, дворян, никаких дел не делать". После того как в 1708 году введено было новое деление России на губернии, уездные дворянские советы заменены были ландратскими советами при губернаторах. Указом 24 апреля 1713 г. предписано было дворянству каждой губернии, смотря по величине ее, выбрать восемь, десять или двенадцать *ландратов*, которые „должны были все дела с губернатором делать и подписывать, и губернатор у них не яко властитель, но яко президент", отличавшийся

Введение дворянства в порядок земского управления.

Дворянские советы при воеводах.

Ландраты.

от них только тем преимуществом, что ему при голосовании вопроса принадлежало два голоса. Эти ландраты не только составляли совет при губернаторе, но и принимали непосредственное участие в управлении губернией. Вся губерния разделялась на несколько округов и во главе каждого из них становился ландрат. С 1719 года ландраты исчезают, но участие дворянства в местном управлении не прекращается. Указом 26 ноября 1718 г., предписавшим произвести первую ревизию и расквартировать полки по уездам для содержания их новым подушным сбором, велено было дворянам каждогс уезда выбирать

Земские комиссары.

ежегодно *земского комиссара* для сбора этой подати. Сверх этого сбора январьской инструкцией 1719 г. на земских комиссаров возложены были разнообразные полицейские обязанности. Они должны были наблюдать над местными откупщиками казенных доходных статей, смотреть за правильным отбыванием рекрутской повинности, за устройством и безопасностью путей сообщения, за нравственностью и поведением обывателей уезда, также содействовать отправлению правосудия и т. п. Земский комиссар, по окончании годичного срока своей службы, отдавал отчет в своей деятельности уездному дворянскому обществу, которое за неисправности и злоупотребления могло предавать его суду и подвергать наказанию.—Таким образом земское самоуправление при Петре было не только восстановлено в городах, но и распространено на сельское землевладельческое население. Как дворянское, так и городское самоуправление теперь облечено было полномочиями, существенно изменившими значение центральных органов местного управления: областной коронный управитель, прежде полновластно распоряжавшийся как городским, так и сельским населением, землевладельческим и

земледельческим, теперь сохранил только право надзора за городским выборным управлением и превратился в простого председателя коллегии выборных дворян-советников. Благодаря этой перемене, *обязанности прежней земской службы по личному доверию и мирской поруке, распространившись из городов и на местные дворянские общества, при Петре соединились с такими условиями, которые сообщили им характер сословно-политических прав.*

Превращение специальных чиновных повинностей в общесословные.

3) Чиновное деление древне-русского общества, как мы видели, держалось на том, что на каждый класс падала особая государственная повинность. Повинностей общих, всечиновных или всесословных, не существовало. Со времени Петра эти специальные повинности стали обобщаться, распространяясь с одного класса или группы чинов на другие. Это обобщение началось с низа общества. Воинская повинность, прежде падавшая прямо только на служилых людей по отечеству или по прибору, теперь стала распространяться и на низшие классы. Готовясь к Северной войне, Петр произвел рекрутский набор и с тяглого населения, посадских людей и крестьян. Потом такие наборы повторялись периодочески в продолжение всего царствования. Мало того, Петр решил положить воинскую повинность и на классы, прежде свободные от всяких прямых государственных обязанностей—на холопов и вольных гулящих людей. По указам 1 февраля и 31 марта 1700 г. все вольноотпущенные, годные в службу, должны были записаться в солдаты, а холопы могли вступать в военную службу без отпуска и позволения своих господ. Первоначально Петр думал привлечь к военной службе только дворовую челядь, к которой принадлежали походные спутники господ. Начав войну с Турцией в 1711 году, он указом 1 марта потребовал у господ

Распространение воинской повинности на тяглых людей, на детей духовенства и на холоповъ.

третьего из их дворовых людей в солдаты. Вместе с этим и податное тягло распространялось как на холопов, так и на гулящих людей. Зачисляя в солдаты способную к службе дворовую челядь, Петр еще до ревизии решительно и прямо положил подать на холопов пахотных, живших особыми дворами и называвшихся *деловыми* и *задворными* людьми. Наконец, первая ревизия сгладила и это различие между холопами дворовыми и пахотными.

Распространение податного тягла на гулящих людей и косвенно на землевладельцев.

Рядом указов 1719 и следующих годов подушная подать распространена была на все разряды как гулящих людей, так и холопов. Бо́льшая часть гулящих людей записана была в ревизские сказки за землевладельцами, на землях которых заставала их ревизия, и таким образом попала к ним в крепостную зависимость. Вместе с этим и рекрутские наборы стали производиться с гулящих людей и с холопов совершенно на одинаковых основаниях с крестьянами по одному рекруту с известного количества душ. Таким образом исчезли оба эти класса, слившись с крепостными крестьянами в одно состояние *крепостных людей*. Сохранялось различие между дворовыми людьми и крестьянами, но оно было хозяйственное, а не юридическое, какое существовало прежде между крепостными крестьянами и холопами, как между людьми тяглыми и нетяглыми. Податная повинность косвенно падала и на самих владельцев крепостных душ. Лично они не подлежали подушной подати; но указы о первой ревизии окончательно закрепили за ними ответственность за казенные платежи их крепостных людей. Недоимки в этих платежах казна взыскивала с самих владельцев. Так *специальные повинности ратной службы и податного тягла, распространяясь на большее количество классов, постепенно превращались во всесословные государственные обязанности*. Этим

обобщением повинностей завершалось юридическое смешение прежних чинов, т. е. разрушение чиновного склада русского общества.

Сословный состав русского общества после первой ревизии.

Посредством изложенных трех процессов, разрушавших основание иерархии чинов, чиновное деление, прежде прикрывавшееся сословным, ко второй четверти XVIII века растворилось в последнем. По мере того, как государственные повинности, обобщаясь, переставали дробить общество на мелкие части, развивались сословные права, не связанные с повинностями. Эта перемена служила переходом государственного порядка со старых оснований на новые. Московское государство брало в свое распоряжение во имя общего блага все силы и средства общества, не оставляя простора частным интересам отдельных лиц и классов. Это поглощение частных интересов государственными и выразилось в чиновной разверстке специальных государственных обязанностей. Петр завершил эту разверстку, распространив некоторые специальные повинности отдельных чинов на целые их группы или даже на все общество. Но с его смерти началось обратное движение. Некоторые сословия постепенно освобождались от своих прежних обязанностей и при этом не только сохраняли свои прежние права, но и приобретали новые. Этими правами, как частными, так и политическими, определялся все более расширявшийся простор, какой государство предоставляло свободной деятельности некоторых сословий. Движение это началось с дворянства и слабее захватило городское торгово-промышленное население. Условия, вызвавшие это движение, и его ход и следствия для русского общества частью известны из общего курса Русской Истории. Права, которые приобрели в продолжение XVIII в. дворянство и городское население, выра-

жены были в Жалованных Грамотах 1785 года этим сословиям, которые вследствие того вместе с духовенством получили значение привилегированных состояний. Законодательство XIX века постепенно распространяло и распространяет эти права и на другие, прежде обделенные сословия, уравнивая пред законом все состояния.

Обзор прочитанного и главный вывод.

Теперь бросим взгляд на все изученные нами явления. Мы видели, как и на каких основаниях делилось и переделялось русское общество до второй четверти XVIII в. Эти переделы были довольно часты и разнообразны. Чтобы лучше запомнить их историческую преемственность, мы их изложим еще раз в общих чертах.

Первоначально, во времена, предшествовавшие древнейшим памятникам нашего права, общество распалось на завоевателей и завоеванных, из которых первые старались присвоить себе все права, оставляя последним только обязанности. Но в древнейших памятниках права это деление отразилось едва заметно. По этим памятникам мы застаем русское общество в X—XII в.в. разделенным уже не по праву матерьяльной силы, а по отношениям лиц к верховной власти, т.-е. по закону: завоеватели превратились в *княжих мужей*, в управителей, в орудия княжеской власти, завоеванные—в *людей*, в управляемых, данников князя. Но кроме этого различия в отношениях того и другого класса к князю, они различались между собою еще одним признаком—неодинаковым отношением закона к лицам: жизнь органов княжеской власти, и притом лишь высших, ценилась по закону дороже, т.-е. ограждалась государством заботливее, чем жизнь лиц других классов. Но уже в XII веке становится заметно более дробное

деление общества по правам—на бояр, смердов, закупов и проч. По происхождению своему это деление было экономическое: классы различались по хозяйственным состояниям. Но так как закон признавал юридические последствия этого хозяйственного неравенства и связывал с ним различие прав, то эти состояния получали значение сословий. Легко заметить историческую связь этого нового сословного деления с более ранним—с распадением общества по отношениям лиц к князю на управителей и управляемых: *боярами*-землевладельцами становились обыкновенно *княжие мужи*, *смерды* были *люди*, жившие на княжой земле, *закупы—люди*, жившие на земле или в домах частных лиц. Таким образом новое сословное деление основалось на экономических последствиях, вышедших из предшествующего деления.

В удельное время общество делилось на классы, различавшиеся родом договорных услуг или служеб в пользу князя и родом выгод, какими они пользовались за эти услуги. И это деление построилось на последствиях предшествующего: различными хозяйственно-юридическими состояниями, образовавшимися в предшествующий период, обусловливалась неодинаковая служебная годность лиц, т.-е. их способность вступать в те, а не другие обязательства с князем; только привилегированный землевладелец мог нести административную или ратную службу, смерд-хлебопашец мог принимать на себя только поземельное тягло, и так далее. В Московском государстве общество раздробилось на чины по роду государственных повинностей. Эти повинности были те же самые службы, которыми различались классы населения в удельное время; только из договорных они превратились в обязательные. Они развёрстывались по хозяйственным состояниям, образовавшимся

в удельное время под влиянием договорных отношений к князю; следовательно, чиновное государственное деление общества основалось на экономических последствиях предшествующего договорного. С половины XVII века дробные чины стали соединяться в крупные сословные группы, различавшиеся правами. Эти права образовались двояким путем: одни вышли из превращения хозяйственных выгод, служивших средствами исправного отбывания государственных повинностей, в исключительное достояние чинов, которые несли соответствующие повинности; другие были выражением чести чинов, т.-е. степени государственной пользы, приносимой службой каждого из них. Значит, те и другие сословные права были последствиями чиновных обязанностей, служили либо средством обеспечения исправного их исполнения, либо выражением того государственного значения, какое придавалось обязанностям известных чинов. Так, рассматривая историческую преемственность общественных делений, мы открываем и внутреннюю причинную связь между ними. Эту связь можно обозначить такой формулой: *основанием каждого последущего деления становились последствия, вытекавшие из деления предшествовавшего*. Первоначальное политическое деление на управителей и управляемых повело к экономическому неравенству—к различию лиц по хозяйственным состояниям; различием лиц по хозяйственным состояниям условливалось различие договорных отношений, в какие вступали лица к князю удельных веков; различием состояний, созданных этими договорными отношениями, определилась раскладка государственных повинностей, какие положены были на лица в Московском государстве; из неодинаковой оценки государственного значения этих повинностей развилось различие прав, послужившее основанием деления

общества на сословия, образовавшиеся из соединения прежних однородных чинов. Каждое последующее деление цеплялось за последствия предыдущего. Таков *основной* вывод, вытекающий из истории наших сословий.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

I.

Сопоставление текста с изложенным в изустных лекциях, переделки и вставки [1]).

Стр. 1, строка 11 текста. В изустной лекции было сказано:

Чтобы объяснить программу и цель курса, я изложу несколько предварительных общих замечаний: замечания эти суть обобщения фактов современной и минувшей истории. Я прошу вас не поскучать их изложением, хотя многим из вас они покажутся элементарными: их цель—не пополнить ваши исторические сведения, а обозначить точнее круг и свойство тех исторических явлений, на которые будет обращено ваше изучение.

Стр. 10, строка 27. Изустно было сказано:

...вещественные обязанности носят название *прямых податей*. Налоги косвенные, падающие не на имущество, а на имущественный оборот или на потребление, разумеется, не могут иметь сословный характер.

Стр. 12, строка 5 текста. Было вставлено:

Но с самого возникновения ново-европейских государств, в продолжение новых веков, это неравенство было

---

[1]) Редактировано А. И. Юшковым.

основанием политического порядка в первом периоде политической жизни даже и тех обществ, которые потом приняли вполне демократический склад: например, в Швейцарии можно заметить следы сильного движения в сторону аристократического неравенства. Но с XV века...

Стр. 16, строка 2. Вся эта страница (до строки 5 стр. 16) с кафедры изложена была значительно иначе, при чем со слов „Если сословное неравенство...“ (строка 28) до конца изложение для печати профессором целиком было продиктовано взамен соответствующего места в изустном изложении:

Политическое положение лица в современном государстве может представлять постепенное, непрерывное кочевание по разным политическим группам, смотря по его успехам или неудачам в экономической борьбе, тогда как в сословном государстве дон-Кихот, обладавший одним убогим конем и принадлежавший к классу рыцарей, не перестал бы принадлежать к этому классу, если бы даже завоевал всю Америку. Это сопоставление современного или, точнее, будущего европейского государства, только что наростающего, с исчезающим сословным показывает, что основанием сословного деления служило наследственное неравенство классов в правах и обязанностях, тогда как основанием современного порядка служит изменчивость состояний.

Как возникло это сословное неравенство? Отвечая на этот вопрос, необходимо сбирать темные явления, мало изученные процессы, какими завязывается человеческое общежитие. Собирая эти явления, можно заметить, что сословное неравенство возникало двояким путем. При переходе из естественных союзов в политическое общежитие общества обыкновенно делились, расчленялись сообразно

с разделением народного труда: общества делились на классы, смотря по роду труда и по роду капитала, которым работал каждый класс, и сравнительное значение классов определялось той ценой, какую имел известный капитал в данное время или в данном месте. Но бывал и другой порядок явлений. В страну вторгалась со стороны или образовывалась в ней вооруженная сила, которая завоевывала общество и брала в свое распоряжение народный труд. Такой силой является или чуждое пришлое племя, или особый класс, сложившийся в самом обществе для его защиты от внешних врагов и потом завоевавший защищаемое общество, пользуясь превосходством сил. Общества, отправляясь от того или другого исходного факта, следовали в своем дальнейшем развитии...

Стр. 19, строка 11. С этого места и до строки 20 на стр. 18 с кафедры лекция изложена была таким образом:

...Таков склад, который усвояют себе общества, созданные завоеванием, т. е. *политическим фактом.*

Иным путем следуют общества, которые отправляются от экономического различия классов. Господствующий капитал, движимый или недвижимый, смотря по хозяйственным условиям страны, становится источником власти; его операции соединяются с политическими и гражданскими правами; владельцы его образуют правительство. Но эта власть приобретается не силой оружия, а гнетом капитала. Оружие утомляется и перестает действовать, капитал действует постоянно, ибо постоянно действует естественная необходимость—условие его существования. Поэтому классу, который владеет капиталом, нет нужды торопиться созданием нового государственного порядка, который бы обезпечил его господство: господство его обезпечивается не политическими средствами, не хартиями и учреждениями, а экономическими от-

ношениями. За то все внимание такого класса обращено на устройство народного хозяйства, на открытие простора для деятельности капитала, на расширение и поддержание рыночного сбыта. В таких обществах нет нужды завоевывать рабочих: люди сами отдаются в руки того, в чьих руках капитал, кто дает им хлеб, т. е. средство для работы. Но это господство, не обеспеченное законом, необходимо требует деятельности капитала; поэтому в области права совершается медленная работа. Общество получает неопределенную физиономию. Оно также слагается из двух главных сил: с одной стороны стоит капиталист-заимодавец, с другой—рабочий-должник. Но экономические отношения допускают чрезвычайное разнообразие степеней в распределении прав и обязанностей между обеими этими силами; общество расчленяется на несколько мелких экономических разрядов, между которыми проходит чрезвычайно слабое юридическое отличие. В самом праве разрабатываются только некоторые части, преимущественно право обязательственное.

Такова разница в ходе жизни, отправляющейся от исходного факта—расчленения общества по роду занятий и по роду капитала. Вы видите, что тот и другой порядок развития различаются между собой характером исходных фактов; в первом из описанных процессов все дальнейшие явления жизни исходят из политического факта—из появления во главе общества новой властвующей силы; во втором—из факта экономического, из появления во главе общества класса, владеющего господствующим капиталом. Поэтому первый процесс расчленения общества можно назвать *политическим*, второй—*экономическим*; следствием первого является политическое различие, следствием второго—различие экономическое.

Из сопоставления этих обоих процессов можно извлечь

другой закон политического развития, именно: „чем резче сословное неравенство, тем проще сословное деление“, и обратно: „чем слабее сословное неравенство, тем сложнее, дробнее сословное деление“.

Обращаясь к изучению сословий в России, мы должны поставить себе прежде всего вопрос: каким путем следовало образование нашего общества—политическим или экономическим? от какого исходного пункта оно отправилось—от завоевания общества вооруженной силой или от экономического его подчинения господствующим капиталом? Ответом на этот вопрос и должна служит история русских сословий. Но обращаясь к изучению этого вопроса, мы предварительно должны узнать, для чего нам нужен ответ на него? что мы узнаем из истории народа, увидя, как образовывалось в нем политическое общежитие и каким способом расчленилос в нем общество—политическим или экономическим? К ответу на этот предварительный вопрос—о научном интересе изучения истории русских сословий—мы теперь и обратимся.

(На этом собственно окончилась II лекция: дальнейшее изложение имело место уже в пределах III чтения, но отнесено автором ко II лекции, как относящееся еще к заголовку, объявленному в последней).

Сделав определение сословия, как политического учреждения, я перечислил главные сословные права и обязанности, т. е. элементы, из различных сочетаний которых складываются условия, как политические учреждения. Потом я указал, что сословное деление есть не постоянное основание, а временное состояние политического общежития. При этом я сопоставил с исчезающим сословным порядком складывающееся в Европе бессословное государство. Это сопоставление показало нам, что основанием сословного

деления служит наследственное неравенство перед законом целых классов, а не отдельных лиц, которые и в бессословных государствах не пользуются полным политическим равенством. Если сословное неравенство есть временное состояние обществ, в жизни которых бывали времена, когда сословий не было, и наступают времена, когда их не бывает, то спрашивается, как и при каких условиях возникает сословное неравенство? вследствие чего общества разбиваются на классы с неравным распределением между ними прав и обязанностей? Говоря о том, как возникали сословия, я указал двоякое их происхождение—политическое и экономическое. Сословное деление общества начиналось...

Стр. 30, строка 8 текста. Первоначально было сказано:

После Карамзина в нашей исторической литературе образовались два направления, которые, по серьезному и напрасному мнению сторонников их обоих, считались существенно различными, даже противоположными друг другу.

Стр. 33, строка 14. Прочитано:

...Вы можете найти проведение этого нового интереса в русское историческое исследование как в пространной истории Соловьева...

Стр. 34, строка 22. В изустной лекции было добавлено

... но эти сочинения заслуживают мало внимания, и если я о них упомянул, то более для предостережения тех из вас, которые не располагают достаточным досугом: их заглавия нужно знать, чтобы как-нибудь неосторожно не прочитать самых книг. По истории духовенства есть обширная...

(Заметка о труде Романовича-Славатинского продиктована автором уже для литографии, в изустной же лекции была пропущена).

Стр. 35, строка 10. Слова: „Вот почти все, что есть...

о разных мелких статьях“ вставлены уже в письменной редакции.

Стр. 35, строка 21. В изустной лекции:

Эти реформы... впервые заставили искать условий для их успешного применения в социальном прошлом России.

Стр. 36, строка 8. В изустной лекции:

Таково было господствующее мнение. Эти простые формы и неопределенные отношения не обещали достаточно поучительного матерьяла исследователю. При поверхностном взгляде...

Стр. 36, строка 22. Первоначальное изустное изложение:

Реформа 19 февраля вскрыла общественные взгляды и крепко установившиеся сложные и запутанные отношения между разными классами, обнаружила такие формы общежития, какие самому смелому воображению не представлялись прежде и не могли быть построены a priori. Все это заставило думать, что и наше общество пережило страшно напряженную работу, которая только выразилась в наружно простых и немудреных формах.

История русских сословий, может быть, и сообщает наиболее научного сравнительного интереса нашей истории. Явления, которыми она ознаменовалась, столь своеобразны, что могут пригодиться при изучении какой угодно части исторической науки.

Стр. 38, строка 28. В изустном изложении:

...и в четвертом—различие сословных прав, распределенных между классами по их сравнительному политическому значению. Переходим к изучению первого периода.

Стр. 42, строка 9. Слова: ...„чтобы мимо него шел... черноморским рынкам“ вставлены профессором уже в рукописи.

Стр. 42, строка 15. В изустной лекции.

Около киевского конунга варяжского происхождения сосредоточивалась наиболее сильная дружина; помощью этой дружины Киевский князь и подчинил себе остальные города и племена восточных славян.

Стр. 45, строка 13. Первоначально было сказано:

Это наблюдение, очевидно, схвачено с походов Олега, Игоря и Святослава, если только Ибн-Даст дожил до времени этих князей. Слова Ибн-Даста подтверждает...

Стр. 47, строка 5. Конец изустной лекции был таков:

...это сословное деление имело двойное основание. Мы сейчас рассмотрим это основание, разбирая классы, на какие делилось русское общество по Русской Правде.

Стр. 48. Вся VI лекция для литографии продиктована профессором вновь, взамен прочитанной, и он даже не велел составлят последнюю по записям. Но сохранилась следующая часть начала этой лекции:

...за убийство, называемое в Правде вирой; за убийство холопа виры нет, а платился только уменьшенный штраф в пользу владельца, господина. Что такое княжии мужи? Это люди, состоявшие в наличной службе у князя. Их отличие от „людей" состояло в том, что последние не служили князю лично, а только платили ему дань, соединяясь по этому платежу в общие союзы, в „миры", т. е. городские или сельские общества. Повинность, падавшая на княжих мужей—личная; повинность, падавшая на „людей"—мирская, т. е. отправлявшаяся всем миром. Таким образом оба класса отличались своим отношением к князю. Это отношение к князю вызывало различное отношение княжеского закона к лицам обоих классов. Закон неодинаково ценил лиц того и другого класса, потому что неодинако-

вую цену придавал несомым ими повинностям. Холопство является по Русской Правде строго определенным и суровым институтом. Она не знает видов холопства: холопство по Русской Правде лишь полное, которое она называет *обельным*, круглым по нашему.

Стр. 54, строка 5. После слов: „*закупов* или *наймитов*“ первоначально продиктовано было место, помещенное затем профессором ниже—стран. 56, строки 5—23.

Стр. 56, строка 8. После слов: „не считался холопом последнего“ сперва следовала фраза, потом исключенная:

Может быть, в этом надобно видеть следствие церковного влияния, благодаря которому долговая зависимость, соединенная с обязательной работой на кредитора, перестала считаться источником холопства, о чем будет речь впереди.

Стр. 65, строка 12. В изустной лекции было сказано:

Она внесла в русское рабовладельческое право столь решительные перемены, что они одни давали ей значение одной из главных сил, созидавших наше общество. Этих перемен можно обозначить три.

Стр. 65, строка 22. В изустной лекции:

Действуя во имя этих понятий духовенство рано, путем исповеди и участия в составлени завещаний, укрепило в русском обществе обычай отпускать по смерти свою челядь или часть ее, чтобы создать из нее готовых вечных богомольцев.

Стр. 66, строка 30. Изустно это место было изложено так:

Эти определения имели целью оградить важнейшие права римского гражданства от слишком обильного прилива сторонних лиц в состав граждан. Византийское зако-

нодательство, переработав, усвоило себе эти римские постановления, которые и вошли в старые византийские кодексы, именно—в Эклогу, кодекс XIII века, и в Прохирон, кодекс IX века. Христианская церковь была равнодушна к языческим институтам, которые ограждались этими определениями; но она также усвоила их с тем, чтобы поставить под их защиту более близкие ей интересы. Так, она усвоила мысль о неравенстве брачных союзов, но, ограждая чистоту семейных нравов, она провела постановление, в силу которого конфисковалась по закону раба, ставшая наложницей женатого господина: местный правитель обязан был продать такую соперницу домохозяйки в пользу казны за границу области. Это постановление вошло в оба упомянутые мною византийских кодекса. Далее, под влияним духовенства, получил более широкое действие в римском праве особый способ освобождения рабов, который обозначался названием *молчаливого освобождения* σιωπηρὰ ἐλευθερία. Это молчаливое освобождение...

Стр. 67, строка 29. В изустной лекции:

Духовенство не имело прямых средств бороться с этим обычаем; оно подступило к нему осторожно, со стороны. Наследовав принесенные из Византии понятия о неравенстве брачных союзов, т. е. о значении юридического состояния при их заключении, церковь не разрывала насильно связи господ со своими холопками и оставляла последних при первых до их смерти. Но применяя к этой связи римскую презумпцию...

Стр. 69, строка 17. Изустная редакция этого места:

Греко-римское право в иных случаях обязывало господина продать своего холопа в чужие руки. Таких слу-

чаев было два: жестокое обращение с холопом и выкуп пленника. Как известно, римский гражданин, попавший в плен к неприятелю, считался и на родине невольником: так, все права, которыми он пользовался дома, приостанавливались до его возвращения (известное jus postliminii). Если соотечественник...

Стр. 70, строка 9. Эта часть лекции изложена была словесно значительно иначе:

Из этой перемены с течением времени и развились сложные сделки о срочной и бессрочной зависимости, которые обеспечивались личным закладом и в удельные века повели к образованию особого полусвободного класса *закладней*. Вместе с тем, с появлением мысли об условной зависимости, из круга холопства изъяты были некоторые виды неволи. Русская Правда, указывая основные источники холопства, обозначает три вида личной зависимости, которые она не считает холопством; это именно: отдача детей родителями в работу и вступление свободного человека в личное услужение за один прокорм, или за прокорм с *придатком*, т. е. с платой, получаемой вперед в виде ссуды. Только в позднейших статьях Русской Правды появляется этот новый вид зависимости, который памятник характеризует одной общей чертой: такие зависимые люди, отработав до срока, уходили от хозяина, не платя ему ничего; но они могли уйти и до срока, только уплатив ссуду и вознаградив хозяина за прокорм по условию. Прежнее русское землевладельческое право не признавало таких видов условной зависимости.

Вот главные перемены, внесенные церковью в рабовладельческое право. Она существенно изменила его юридический характер. Прежде это право отличалось цельностью, однообразием и безусловностью; к нему можно

было приложить встречаемое в Прохироне определение римского рабства: „рабство не делимо“ — ἄτομος ἐστὶ ἡ δουλεία. Состояние рабов не допускало никаких разрядов. Про раба нельзя сказать...

Стр. 72, строки 6—12 и 13—32 вставлены уже в рукописи, с кафедры же произнесены не были.

Стр. 73, строки 1—4 текста. Вместо этих строк лекция эта начиналась так:

Изучив удельное общество, мы сопоставим его с изученным обществом XI и XII веков и тогда выведем существенные особенности того и другого. Я обозначил границами удельного периода в истории русских сословий начало XIII в. и половину XV в. Удельный период—это не только особое...

Стр. 77, строка 19. В изустной лекции было сказано:

...верховная власть в то время была не единоличной, а собирательной. Она была связана с управляемым населением отношениями подданства, т.-е. обязательными отношениями, которые не зависели от личной воли. Совсем иной характер получила верховная власть в лице удельных князей; это были одинокие самостоятельные владельцы, никакими постоянными политическими отношениями не связанные со своими родичами. По мере этого политического уединения падал и правительственный характер удельного князя.

Стр. 78, строки 29—32, стр. 79, строки 1—15. Вместо этого было:

Он практиковал известные верховные права в своем уделе; законодательствовал, судил, вообще правил; но все эти верховные права действовали на свободное население удела, пока последнее жило в нем. Это свободное насе-

ление входило в частные гражданские договоры с князем и, пока действовали эти договоры, подчинялось княжеской власти. Следовательно, политические права князя вытекали из его гражданских сделок с свободным населением удела. Слово „государь“ на языке того времени обозначало личную власть свободного человека над несвободными, над холопами. Удельный князь, подобно всякому землевладельцу, мог иметь также холопов, которые и составляли исключительно его личных подданных. Значит, удельное владение по своему юридическому характеру приблизилось к простому частному землевладению. Итак, существенная перемена, которая произошла в характере верховной власти, состояла в исчезновении политического подданства и в замене его подданством личным, гражданским. Удельные князья были гражданскими владельцами своих удельных территорий, но не были политическими управителями удельных обществ.

Эта перемена и изменила характер отношений к князю всех классов удельного общества. Теперь основанием этих отношений стали не обязательные отношения подданных к государю, а временные обязательства, вытекавшие из гражданского договора или из сделки, какою создавалось личное подданство, холопья неволя. Достаточно сделать короткий обзор отношений к князю отдельных частей удельного общества, чтобы видеть это их основание.

Во главе общества стояли...

Стр. 80, строка 14. С этого места до конца лекции была продиктована взамен сказанного с кафедры, запись же изустной части этой лекции не сохранилась.

Стр. 86, строка 22. В изустной лекции было сказано: Купля—признак приобретения вещи в собственность; однако, свободные ключники могли покупать деревни только в пользование на время службы князю.

Стр. 88, выноска внизу. Подлинная цитата из Собрания Госуд. Грамот и Договоров приведена была уже для издания, в изустной же лекции место это цитировано лишь в переводе.

Стр. 92, строка 26. С этого места в изустном изложении началась X лекция.

Стр. 94, строки 10—32 и стр. 95, строки 1—5 в изустной лекции имели такое изложение:

Этот характер общественного деления в удельные века помогает и найти историческую его связь с делениями предшествующими. Деления эти в своей преемственной смене, очевидно, были тесно связаны между собою, каждое последующее деление выходило из предыдущего. Первоначальное деление по обязательным отношениям к князю дробило общество на людей служилых и неслужилых. Рядом с этим делением стало другое, дробившее общество по имущественным состояниямъ, с которыми связано было неравенство прав. Очевидно, различие этих имущественных состояний образовалось при содействии политического деления общества на служилых и неслужимых. Различие отношений к князю помогало лицам разных классов приобретать неодинаковый капитал: служилые лица становились преимущественно землевладельцами, лица неслужилые работали торгово-промышленным капиталом или земледельческим трудом. Различие имущественных состояний, обнаруживавшееся в XI и XII веках, легло в основание и удельного деления общества. В удельное время лица различались по роду княжеского капитала, арендуемого лицами разных классов, и по свойству услуг или службы, которыми они платили князю за пользование его собственностью. Но очевидно, что различие родов княжеского

капитала, поступавшего в пользование лиц разных классов, соответствовало различию их имущественных состояний и общественного положения. Землевладельцы несли личную правительственную или ратную службу князю, тогда как люди, работавшие торгово-промышленным капиталом или жившие только личнымъ трудом, снимали у князя его землю, городскую промышленную или сельскую пахотную. Так вскрывается...

Стр. 98, строка 12. Первоначально, в словесном изложении, вместо слов: „Все чины... и 3) нетяглые“ было помещено:

Чины были основные и переходные. Основные чины можно разделить на две крупные группы: то были чины *служилые* и чины *земские*. Эти две группы чинов соответствсвали боярам и слугам вольным с одной стороны и черным людям с другой, какие существовали в удельные века.

Стр. 98, строка 26. Изустно была вставлена фраза:

Я пока только кратко обозначу их особенности, чтобы впоследствии объяснить их происхождение.

Стр. 99, строка 32. Устно было добавлено:

... родом придворной службы: одни прислуживали при столе государя, другие несли иные дворцовые службы.

Стр. 99, строка 31—32, стр. 100, строка 1—2. С кафедры это место было изложено пространнее:

Дворяне выборные и дети боярские дворовые несли дальнюю службу; кроме того, выборные дворяне назначались по очереди для отправления дежурной службы в столице при дворе, подобно тому, как теперь отбывают очередную службу в Петербурге казаки. Дети боярские городовые несли только ближнюю службу или же отправляли лишь службу гарнизонную, осадную.—Служба всех

перечисленных служилых чинов по отечеству была вечно обязательной и наследственной. Главное средство для этой службы почерпалось служилыми людьми в личном землевладении, вотчинном или поместном; только как вспомогательное средство для службы введено было с половины XVI века денежное жалованье, которое выдавалось служилым людям пред походами.

Стр. 100, строки 10—26. В изустной лекции место это изложено было таким образом:

Все эти служилые чины вербовались правительством из людей разных классов, преимущественно из людей, свободных от государственного тягла, которые назывались вольными или гулящими. Первоначально эти чины набирались из охотников; в XVII столетии их стали брать как обязательных рекрутов по числу тяглых дворов, каким владел землевладелец светский или духовный. В первое время люди этих чинов записывались на службу временно, для известного похода, и распускались по окончании его; но в XVII столетии и *приборные* люди, поступавшие на службу, отбывали ее уже до своей смерти или до физической невозможности служить. „Служилые чины по прибору“ содержались главным образом помощью денежного жалованья; только как вспомогательное средство им служило землевладение: но их землевладение отличалось от земельных имуществ „служилых людей по отечеству“ тем, что оно было не личное, а мирское, подобно крестьянскому. „Служилых людей по прибору“ правительство соединяло в целые общества, которым и раздавало земли на праве общинного владения на границе государства. После из этих „приборных“ землевладельцев образовалась главная масса сословия, получившего название *однодворцев*.

Теперь перехожу к перечислению чинов *земских*; люди этих чинов назывались на московском языке *жилецкими* людьми. Они разделялись на *тяглых* и *нетяглых* людей. Тяглые люди подразделялись...

Стр. 101, строка 9. В изустной лекции:

Общества сельские отличались от городских родом государственных повинностей, точнее говоря—свойством разверстки государственной подати. Государственная подать...

Стр. 101, строка 22. Это место до конца лекции в изустном изложении передано было значительно иначе, чем переработано впоследствии для литографии:

Гости—это крупные оптовые торговцы, которые вели дела с другими городами или даже с чужими землями; они отличались от торговых людей гостиной и суконной сотен размером капитала. Впрочем, неизвестны размеры капитала, какие нужно было иметь, чтобы принадлежать к сотням гостиной и суконной. Об этих размерах можно только приблизительно судить по величине капиталов, какие имели „гости". Приказный человек второй половины XVII века Котошихин говорит, что „гости" имели оборотного капитала от 20 до 100 тысяч. Так как московский рубль его времени, т. е. времени царя Алексея, равнялся семнадцати нынешним, то 20 тысяч значили то же, что теперь тысяч 300 слишком, 100 тысяч около двух миллионов. Торговые люди трех названных разрядов, различаясь величиной капиталов, несли неодинаковые государственные повинности. Кроме общего городского тягла, падавшего на все посадское население, они несли еще казенные финансовые поручения. Чтобы понять тяжесть этих поручений, надобно припомнить, что казна в Московском государстве владела некоторыми монополиями: сй

принадлежала продажа питей, соли; сверх того она собирала пошлины с продажи товаров и она лишь одна торговала меховым товаром—„соболиной государевой казной“, как тогда говорили. Это все были доходные казенные статьи; но казна эксплуатировала их не своими чиновниками, а выборными людьми из городского общества. Городские общества обязаны были выбирать для эксплоатации каждой из этих статей „верных голов“, т. е. присяжных ответственных руководителей с их присяжными помощниками „целовальниками“. Верный голова выбирал доход из известной казенной статьи под своей личной имущественной ответственностью; если он не добирал согласно составленной смете, он уплачивал недобор из своего имущества; в случае несостоятельности, за него платил выбравший его городской мир. Гости несли самые тяжелые казенные повинности, производили торговлю наиболее дорогим казенным товаром и отвечали за неудачу торговли. Люди гостиной и суконной сотен выбирались в помощники гостям и в самостоятельные головы в города, где не велик был казенный оборот. Эта служба по казенному поручению была самой тяжелой повинностью, падавшей на высшее купечество столицы. Люди черных сотен и черных слобод составляли массу торгово-промышленного населения столицы. Легко заметить, что „гости“ соответствуют нынешним коммерции-советникам, люди „гостиной“ и „суконной“ сотен—нынешним мещанам. Так как сотни и слободы различались между собой родом промышленных занятий, то они похожи были на позднейшие цехи. Таков в кратком перечне состав торгово-промышленного населения столицы.

Теперь остается описать состав посадского населения в провинциальных городах, состав сельского населения и, наконец, промежуточные слои, лежавшие между основными

чинами. Из изложенного мною очерка уже можно видеть, как труден для памяти и скучен самый перечень мелких чинов, из которых сложилось общество в Московском государстве. Но изучение этого состава необходимо, чтобы понять основные начала, на каких строилось это причудливое общество.

Стр. 109, строки 2—12. В изустной лекции было сказано:

...в действительности это значило до смерти холопа. Оно отличалось от кабального еще тем, что неволя возникала не из свободного договора самого невольника с господином, а из договора его родителей, или родственников, или мужа с последним. В жилое холопство отдавались жены и дети. Выражение Минина и Пожарского: „заложим своих жен!„ не было риторической фразой, а простым точным юридическим выражением.

Стр. 10, строки 13—18. Изустно лекция закончена была словами:

Для того, чтобы не оставалась неясной эта дробность деления московского общества, я представляю таблицу чинов Московского государства.

Стр. 113, строка 13. Вместо „государем-правителем“ было сказано: „политическим правителем“.

Стр. 117, строка 11—15. Изустно:

Это характерное явление московского государственного права: исчезновение частных государевых холопов, какие были у удельного князя, как и у князей XII века; в Московском государстве в XV и XVI вв. личные крепостные дворовые холопы слились с его свободными подданными.

Стр. 118, строка 5. Вместо слов: „местными представителями этой власти“ в лекции было сказано: „носителями отдельных искр этой власти“.

Стр. 119, строка 12. В изустной лекции:

...чтобы не ошибиться в понимании явлений, следовавших за устройством нашего общества в XV и XVI вв. Итак, превращение лично-крепостных государя в государевых подданных было тесно связано...

Стр. 120, строки 25—32, строка 11, строки 1—32. Изустное изложение этого места значительно разнилось от того, которое, с продиктованными профессором вставками, предпочтено было им для помещения в литографированном курсе:

В других странах мы знаем государственные порядки, основанные на сочетании сословных прав с сословными обязанностями, или основанные на сословных правах, не соединенных с обязанностями. Но и в первом случае сословные обязанности являются лишь политическими последствиями сословных прав. Такое отношение их выражалось в возможности отказаться от прав, слагая с себя при этом и обязанности. Политический порядок в Московском государстве основан был на сословной разверстке одних обязанностей, не соединенных с правами. Правда, обязанности соединены были с неодинаковыми выгодами, но эти выгоды не были сословными правами, а только экономическими пособиями к несению обязанностей. Таким образом отношение обязанностей к выгодам в Московском государстве было совершенно обратно: выгоды здесь, напротив, были политическим последствием государственных обязанностей. Такое отношение выражалось в том, что подданный не мог отказаться и от предоставленных ему

выгод потому, что этот отказ делал его неспособным нести обязанности. Служилый человек получал от государя землю в пользование—поместье. С этим пользованием соединено было несение ратной повинности. Он не мог отказаться от этой повинности, но не мог отказаться и от владения поместьем. Многие помещики бросали свои поместья и бежали в степи; их возвращали и водворяли в поместьях, заставляя пользоваться своим правом. Такой своеобразный склад государственного порядка объясняется источником, из которого вытек последний. Этим источником было политическое объединение народа во имя внешней безопасности. Великороссия объединилась под властью Московского Государя не в силу завоевания, а в силу народных опасностей, грозивших извне. Московские государи расширяли свою территорию и вооруженной борьбой; но то была борьба с местными правителями, а не с местными обществами. Поразив правителей княжеств или вечевую аристократию, московские государи не встречали отпора со стороны местных обществ, которые большей частью добровольно и раньше своих правителей тянули к Москве. Итак, политическое объединение Великороссии имело своим источником потребность борьбы для внешней обороны. Предметом законодательной разработки и стала разверстка тяжестей, которые налагала эта борьба, а не сословных прав, которые не вели к цели.

Основание такого тяжелого политического склада прежде всего изменило отношение экономического деления общества к политическому—это другое общее основание, на котором стал созидаться московский политический порядок. В следующее время...

Стр. 123, строки 23—27. Вместо этих строк в изустном изложении лекция заканчивалась таким образом:

Таковы были общие основания сословного устройства в Московском государстве, вытекавшие из перемены значения власти Московского Государя. Этих общих оснований мы вывели два: 1) превращение договорных обязательств удельного времени в государственные обязанности, 2) разверстку государственных обязанностей между классами по хозяйственному состоянию каждого из них. Это последнее правило московская политика и прилагала к устройству каждого отдельного общественного класса. Из этих применений она выработала специальные приемы разверстки, которыми руководилась при раскладке государственных повинностей между лицами каждого отдельного класса. Эти специальные приемы разверстки я и покажу, переходя к изучению устройства каждого отдельного класса.

Стр. 124. Начало XIII лекции до слов: „Руководясь формулированным...“ (стр. 125, строка 12), как составляющее резюме предыдущей лекции, было профессором исключено для литографированного издания.

Стр. 117, строка 10. Фраза: „Напротив, непризнание... при виде этого беспорядочного склада“ была исключена профессором для литографии.

Стр. 130, строка 32. До слов: „Из разверстки...“ в изустном изложении стояла фраза, выпущенная для литографии:

Объясняя разверстку обязанностей ратной и служебной по чинам, я начну со второго положения сейчас изложенной формулы.

Стр. 132, строка 12. С этого места началась XIV лекция, но по логической связи, оно присоединено профессором к предыдущей лекции.

Стр. 136, строка 4. В изустной лекции:

Повидимому, отношение бояр окольничих к боярам

было такое же, какое теперь существует между генерал-лейтенантом и полным генералом.

Стр. 136, строка 22. В перечне княжеских фамилий, происходящих от удельных князей, после „Мстиславских“ профессором названы были еще „Одоевские“, но затем эту фамилию он велел вычеркнуть.

Стр. 137, строки 6—17. Первоначальная изустная редакция:

Справляясь о происхождении этих фамилий по родословным XVI века, находим, что это все потомки старинного московского боярства, родоначальники которого начали служить в Москве с конца еще XIII века. Чаще всего в списке окольничих являются коренные фамилии старого московского боярства с их отраслями: Морозовы с Поплевиными, Салтыковы и Шеины, Кошкины с Захарьиными, Юрьевы с родичами Колычевыми, Сабуровы с Годуновыми, Давыдовы с Бутурлиными, Челядипы и прочие.

Стр. 137, строка 17. Вместо: „старое боярское гнездо“ было: „коренное боярское гнездо“.

Стр. 138, строка 32. Вместо: „говоря старым московским языком“ было: „по старому канцелярскому московскому выражению“. Следующий затем перечень добавлен лишь в литографии.

Стр. 139, строки 22—28. В изустной лекции:

Бояре выходили преимущественно из знатнейших княжеских фамилий, служивших в Московском государстве, к которым присоединились немногие роды старого московского боярства. Окольничество принадлежало преимущественно старому нетитулованному боярству Москвы, которое успело спасти свое положение при наплыве новых знатных слуг в Москву.

Стр. 140, строки 1—16. Изустно было сказано:

Между слоями, из которых состояло это боярство, и разверстаны были различные функции приказной службы. Люди всех трех чинов были руководителями московской администрации, но они руководили ею не с одинаковым авторитетом. Важнейшие должности по военному управлению поручались боярам, военные должности второстепенные—окольничим; должности по гражданской администрации, финансовой и полицейской, возлагались преимущественно на думных дворян. Так развёрстана была приказная служба по отечеству.

Несколько иначе устроены были московские служилые чины или служба по Московскому Списку. В Думу, при ее нешироком численном составе...

Стр. 143, строки 1—3. Слова: „с отметками при именах некоторых из них... по такому-то городу“ добавлены уже в рукописи, в изустной лекции не были помещены.

Стр. 143, строки 9—32. С кафедры это место произнесено было таким образом:

Стольники и дворяне московские в мирное время—вечно на посылках: их назначают воеводами во второстепенные города, в свиту к послам, их посылают производить следствия по важным уголовным делам в различные части государства, на них возлагаются все особые административные поручения. Это были исполнительные орудия гражданского управления. Рядом с этим они занимали совершенно особое положение в военном строе: они все составляли значительный корпус стольников, стряпчих и других людей Московского списка, в котором бывало иногда более шести тысяч человек. Но они редко ходили массой в по-

ходы. Они занимали в армии значение офицеров. Часть их рассылалась во время похода по армейским полкам, состоявшим из провинциального дворянства. В этих полках они служили полковниками и головами, т. е. батальонными и ротными командирами. Другая часть составляла собственно Московский или Царев полк—это гвардия. Но не думайте...

Стр. 144, строка 9. Это место до конца лекции изустно было изложено таким образом:

Таким образом московское дворянство составляло то, что мы называем генеральным штабом и гвардией. В полках провинциального дворянства—это батальонные и полковые командиры; в Московском Царевом полку—это вотчинники-командиры холопов. Чтобы видеть это двойственное значение московского дворянства, достаточно просмотреть некоторые цифровые списки 1681 года. Всего стольников и других людей московских чинов по спискам считалось 6385, из них 3761 человек рассеяны были по полкам провинциального дворянства в должностях полковников или батальонных командиров; 2624 составляли московский гвардейский корпус, Царев полк; но они здесь командовали вооруженными холопами, которых было 21 тысяча слишком, так что весь московский корпус состоял из двадцати четырех тысяч с небольшим. В составе этого почти двадцатипятитысячного корпуса люди московских чинов составляли незначительную долю, т. е. офицерский штаб. Так была разверстана приказная служба по слоям, на которые делилось московское дворянство. Совсем иная разверстка ратной повинности установилась чиновным делением в среде провинциального дворянства, к устройству которого мы теперь перейдем.

Стр. 150, строка 28. В изустной лекции:

На их опустелых вотчинах, конфискованных московским правительством, поселено было несколько служилых людей московских, которым и розданы были те вотчины в поместья.

Стр. 152, строка 4. В изустном изложении:

Поместья городовых дворян Московского уезда, рассеянные между этими крупными имениями, были довольно значительны. То же было и в соседних уездах. Чем дальше...

Стр. 153, строка 6. Изустно:

1) Разбились старинные служилые общества, которые образовались еще в удельное время и из которых составлялись местные общества служилых вотчинников с образованием Московского государства. Безземельные слуги удельных князей...

Стр. 154, строка 14. Перед изложением третьего следствия разверстки службы по земле было добавлено: „Всего важнее третье следствие".

Стр. 155, строка 16. Слова: „Поэтому владелец трехсот и т. д." вставлены профессором для литографии.

Стр. 155, строка 20 и до конца лекции. Место это изустно было изложено таким образом:

Если каждый, владевший 150 десятинами земли, должен был ставить в поход одного вполне вооруженного конного ратника, то, с другой стороны, всякий служилый человек, ставивший в поход вполне вооруженного конного ратника, должен был иметь поместье в 150 десятин пахотной земли. Руководясь этой двойственной нормой, московское правительство и разверстало между провинциальным дворянством тягости ратной службы, и эта разверстка разделила провинциальных служилых людей на три чина, которые следовали в таком порядке: дети боярские городовые, дети боярские

дворовые и дворяне выборные. Я сейчас объясню прежде всего происхождение самых этих чиновных званий, а потом происхождение самых чинов.

Стр. 156, строка 16. Вместо „не провела“ первоначально было сказано: „не выслала“.

Стр. 158, строка 13. Изустно:

Изучение этих списков необыкновенно трудно благодаря капризной их системе, но приводит к любопытным выводам: из этого изучения можно извлечь приемы, какие применялись при резверстке службы и окладов между служилыми людьми.

Стр. 159, строки 14—32. В изустной лекции было сказано:

Такова была сложная оценка боевой годности; она и выработала формулы, которые постоянно встречаем в десятнях. Так, окладчики говорили про служилого человека: „собою добр, может служить дальнюю службу“ (ходить в дальние походы); „отечеством добр—отец его служил по дворовому списку“; а будет ли он в состоянии служить дальнюю службу, это зависело от того, каков он „своею головою“, т. е. в каком состоянии его поместье или вотчина. Служилый человек, признанный добрым и „собою“, и „по отечеству“, и даже „по службе“, иногда возражал разборщику, желавшему записать его в высший разряд, говоря: „на службе быть мне не с чего: бобылишки и крестьянишки мои худы, а сам я беден“, и просил записать его в низший чин.

Последняя фраза („Служилый человек... в низший чин“) была профессором исключена в рукописи.

Стр. 160, строки 25—27. Первоначально было сказано:

Городовым людям назначались оклады от 300 до 100 четей; по комбинациям поместного оклада и жалованья они разделялись более чем на двадцать статей.

Стр. 160, строки 28—32, стр. 161, строки 1—12. Это место представляет собою изустное изложение, и в литографированном издании курса профессор его исключил.

Стр. 162, строки 26—27. Эта фраза вставлена уже в литографии, в изустной лекции ее не было.

Стр. 164, строки 27—32. С кафедры это место изложено было профессором таким образом:

Надобно обратить внимание и на то, что губернии второй линии окаймляли центр не со всех сторон: это—цепь, но разогнутая к северу. В ряду этих губерний нет северных— ни Олонецкой, ни Новгородской; только Псковская примыкала к этой же линии. Но Псковская губерния с конца XVI века—со времени борьбы с Швецией—стала передовым постом самой напряженной борьбы на северо-западе. Губернии третьей линии, окаймлявшей вторую—это вторая боевая цепь; в ряду ее звеньев есть только Новгородская губерния, но нет ни Олонецкой, ни Вологодской. Значит, цепь опять к северу не сходится. Это потому, что с севера не от кого было обороняться. Наконец, четвертая группа...

Переработывая затем это место для литографированного издания, профессор первоначально привел его в такой вид:

Надобно обратить внимание также и на то, что губернии как первой, так и второй группы, не представляют вполне замкнутых колец: то и другое кольцо размыкалось на севере. Во второй группе нет Новгородской губернии, смежной с Тверской, как в третьей нет Вологодской, смежной с губерниями второй группы—Костромской и Ярославской.

Только Псковская губерния, несмотря на свою отдаленность от Москвы, входила в первый пояс, ее окружавший. Это объясняется тем, что Псковская земля с половины XVI века становилась местом напряженной борьбы на северо-западе с Швецией. Оба кольца разгибались на севере потому, что там не от кого было обороняться.

Наконец, профессором был предпочтен более сокращенный текст, который помещен в литографии и в настоящем издании в вышеуказанных строках 27—32.

Стр. 165, строки 20—24. Изустно:

Итак, что такое эти четыре линии? Эти четыре линии представляют нам степень напряжения боевых сил для защиты границ государства.

Стр. 166, строка 22. Здесь вставлен был вопрос: „Что представляют эти четыре ряда? Они говорят, что сильно защищен был...“

Стр. 167. Строки 9—13 вставлены уже в рукописи, в лекции не были произнесены.

Стр. 176. Первая фраза лекции вставлена в литографии.

Стр. 179, строки 7—14. Изустно:

...сбор последней был проще, чем сбор первой. Вот почему в круговой поруке за горожан уезда невыгодно было участвовать уездным крестьянам, и они, первоначально соединенные с своими городами в одно тяглое общество, в XVII веке стараются образоват свои особые миры.

Стр. 180, строка 5. В изустной лекции в этом месте была вставлена следующая фраза:

Во второй половине XVII века, после издания Уложения, составлен был закон 1657 г., назначавший смертную казнь даже за самовольный переход тяглого посадского человека из своего посада в другой.

Стр. 180. Строки 15—24 добавлены уже для литографии.

Стр. 183, строка 14. Это место в изустной лекции было изложено иначе:

...но рядом с ним были два вида личной зависимости, которые не причислялись к холопству: вольное ключничество и долговое закладничество. Свободные лица нанимались к землевладельцам на службу в должности сельских ключников на неопределенный срок, обыкновенно до смерти господина. Этот наем ставил слугу в личную зависимость от господина, но зависимость не холопью: вольные ключники всегда могли прекратить свою службу с соблюдением известных условий. Точно так же закладничество было...

Стр. 183, строка 24. В изустной лекции было:

Таким образом вольное ключничество и долговое закладничество не были крепостными состояниями, видами холопства; до XVI века они и не носили на себе никаких признаков холопьей крепостной зависимости, но с XVI века появляются эти признаки. Вольное ключничество исчезает, заменяясь ключничеством по *продаже*: вольное лицо продавалось в ключники и служило господину до смерти последнего. Таким образом ключничество из свободно прекращаемого обязательства превратилось в личную пожизненную крепость, продолжавшуюся до смерти господина. Этот новый вид холопства, как мы уже знаем, и получил название *докладного*. С другой стороны, с конца XV века является в нашем гражданском праве мысль, что личная временная служба за долг получила характер личной крепости, как скоро слуга временно...

Стр. 183, строки 31—32 (со слов: „только эта служба— личная“), стр. 184, строки 1—16 вставлены уже в рукописи.

Стр. 186, строка 5. Изустно первоначально было сказано:

В XVII в. источником кабального холопства, соединенным с погашением долга, стал не самый долг, а просто уговор о службе: долг получает лишь фиктивное значение.

Стр. 186, строки 12—16 („Согласно... кабальному долгу") и 22—25 („служилая кабала... продолжалась дольше) вставлены в рукописи.

Стр. 186, строки 25—32, стр. 187, строки 1—20. Это место было значительно иначе передано в первоначальном изустном изложении:

Жилую неволю создавали следующие записи: запись с обязательством служить за рост и, по истечении известного срока или бессрочно, уплатив долг, выходить на волю; далее, *заживные записи*, которые состояли в обязательстве известное число лет работать на заимодавца, заживая взятый долг—жилую ссуду, которая соединялась со ссудою скотом, семенами, и с обязательством работать на господина на его земле; *наемные отживные*, с обязательством работать известное число лет на хозяина и по истечении срока получить от него условленную плату; записи *закладные*, состоявшие в том, что либо свободное лицо закладывалось в работу на известное число лет, либо закладывало своего сына, дочь, младших братьев, даже жену; наконец, *жилые ученические записи*, состоявшие в обязательстве человека, отдавшегося на выучку мастеру, известное число лет работать на него. Все эти виды жилой неволи развивались в XVII веке из основного принципа кабального холопства—вступать в неволю, назначаемую по уговору или условию. Это юридическое расчленение холопства, которое стано-

вится заметным с начала XVI века, и оказало могущественное действие на поземельные отношения крестьян к землевладельцам. Под влиянием кабального холопства свободные прежде крестьяне, жившие на владельческих землях, со второй четверти XVII века постепенно вступают в крепостную зависимость от землевладельцев.

Стр. 198, строка 28. Слова: „это было совершенно новое состояние... которые не были тяглыми“ вставлены уже в рукописи.

Стр. 209, строка 14. До слов: „Отсюда возникло...“ в изустной лекции была фраза, коей заключились чтения по Истории Сословий и которая выпущена была в рукописи:

Таково было одно происхождение сословных прав в Московском государстве. Мы увидим, как изменились взаимные отношения чинов под действием этих сословных прав, и потом рассмотрим другой их источник—чиновную честь.

Стр. 209, строка 14. На этом месте окончилось изустное изложение курса и все последующее было продиктовано профессором у себя на дому издателю литографированного курса.

К стр. 96 и сл.

В дополнение к X и последующим лекциям, характеризующим сословное устройство общества в Московском государстве XVI и XVII веков, см. исследование В. О. Ключевского *„Боярская Дума древней Руси“*, где подробно обосновываются многие данные, схематически представленные в настоящем курсе.

К стр. 224—227 [1]).

Взгляды В. О. Ключевского на явления, изложенные на стр. 205—208, подверглись позднее некоторым изменениям, главным образом под влиянием исследований о Петровской эпохе, принадлежащих перу его учеников П. Н. Милюкова и М. М. Богословского. Нижеследующие выписки являются извлечением из 46 и 47 лекции части IV-ой „Курса русской истории", страницы 197—200, 207, 239—244 и 246—247, вышедшей в 1909 году.

В IV-ом томе своего курса В. О. Ключевскій подходит к тем же явлениям, но касается их не с точки зрения истории сословных групп, а разбирает их, как отдельные и притом не рядом стоящие звенья той цепи реформ, какою является все Петровское царствование. „Преобразование управления", как названы автором 46-ая и 47-ая лекции IV-го тома, началось учреждением ратуши и случайными, быстро сменявшимися мероприятиями первых годов нового века, продолжалось губернской реформой, одним из проявлений которой был институт ландратов, и закончилось стройной административной реформой последнего десятилетия жизни Петра. Таким образом факты, изложенные автором на страницах 205 и 208 „Истории сословий", в Курсе русской истории изложены в несколько ином плане и последовательности („Для краткости в приводимых выдержках из IV-го тома „Курс русской истории" сделаны необходимые пропуски).

Контрольная Палата, ставшая канцелярией Боярской Думы, и эта Дума, превратившаяся в тесную и очень мало боярскую конзилию министров по делам военного хозяйства, служили выразительными показателями направления.

---

[1]) Примечание, редактированное Ю. В. Готье.

в каком пойдет административная реформа: ее двигателями, очевидно, станут армия и флот, а целью движения— военное казначейство. Первым шагом в этом направлении была попытка воспользоваться местнымъ самоуправлением, как фискальным средством. Указами 30 января 1699 г. торгово-промышленным людям столицы предоставлено было выбирать из своей среды погодно бурмистров; остальным городам, как и обществам черносошных и дворцовых крестьян, сказан был указ воеводам их не ведать, а „буде они похотят“ ведаться им в судебных делах и казенных сборах своими выборными людьми — только платить им вдвое против прежнего оклада. Значит, воевода ставился тяглому обществу в одну цену с государством... Воеводы, потеряв судебную и административную власть над городским и свободным сельским населением, остались управителями только служилых людей и их крестьян и совсем исчезли на севере, где этих классов не было. Но и там, где воеводы уцелели, правительство находило нужным связать им руки их же братией. Указом 10 марта 1702 г. упразднялись губные старосты, но тот же указ предписывал „ведать всякие дела с воеводы тех городов помещикам и вотчинникам“ от 2 до 4 человек на уезд... Архивные документы о воеводских товарищах, приведенные в известность г. Богословским, изображают практику этого учреждения... Местные дворянские общества отнеслись довольно безучастно к предоставленному им праву и далеко не везде выбрали воеводских товарищей; через лет 8—9 этот преобразовательный опыт, более курьезный, чем любопытный, незаметно упразднил сам себя собственной бесполезностью... Попытка в лице воеводских товарищей привлечь дворянское общество к участию в местном управлении, не удавшаяся в уезде, была повторена на более

широком пространстве. Указ 27 апреля 1713 г. предписал быть при губернаторах „ландраторам“ от 8 до 12 человек. Ландраты назначались сенатом из двойного числа кандидатов, указанных губернатором. Но потом Петр передумал и предписал „ландраторов выбирать всем дворянам за их руками“. Сенат оставил это предписание без исполнения и назначил ландратов по спискам, отосланным губернаторами, а в 1716 году и сам Петр отменил свое уже забракованное сенаторами распоряжение, указав назначать в ландрат офицеров, отставленных за старостью или ранами. Так ландрат и не стал выборным представителем губернского дворянского общества при губернаторе, а превратился в чиновника особых поручений сената и того же губернатора. Повторилась история с воеводскими товарищами“.

„... Перестроив центр по шведским образцам, надобно было согласовать с ним и провинцию. Губерния делилась на провинции, подразделявшиеся на дистрикты. Некоторые дистрикты совпадали с уездами, другие включали в себя по несколько уездов; реже уезд дробился на несколько дистриктов. Управитель этого округа земский комиссар по инструкции нес на себе разнообразные обязанности: финансовые, полицейские, народно-хозяйственные, даже нравственно-просветительные... областное деление постигла еще пятая переделка... Подушные сборы были возложены на особых коммисаров, которых выбирали дворяне дистрикта, а на поморском севере представители тяглых обывателей. Г. Богословский выяснил, что этого выборного коммиссара от земли надобно отличать от земского, поставленного во главе дистрикта реформой 1713 года и назначавшегося камер-коллегией“.

„... Наконец перестроено было и городское сословное управление... Губернская реформа 1708 г., превратив Мо-

сковскую ратушу в управу г. Москвы, лишила городовые общества с их земскими избами, выборными бурмистрами высшего сословного учреждения, которое их объединяло. Теперь решено было „всероссийского купечества рассыпанную храмину паки собрать“.

„... В начале 1721 г. будущему образцовому магистрату дан был регламент, по которому он, в звании главного магистрата, должен был устроить городовые магистраты, дать им инструкцию и руководить ими“.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Первый период (IX—XII) 39—72.

Второй период (XIII—XV).

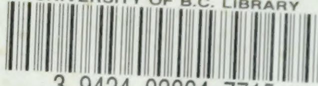
Третий период (XV—XVII) 96—199.

[x]) Заглавие в тексте пропущено.

---

[1]) Заглавие в тексте пропущено.

Вторая Государственная Типография. Галерная, 1.
Петроград. 1918.

UNIVERSITY OF B.C. LIBRARY
3 9424 02004 7715